УДК 82-94
ББК 63.3(0)62
М 50

Мендкович Н.А.

М 50 НА ПУТИ К ЕВРАЗИЙСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ЧУДУ. Россия и интеграция на постсоветском пространстве / Н.А. Мендкович. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015 – 240 с.

ISBN 978-5-906798-81-7

Евразийская интеграция — масштабный процесс, затрагивающий интересы множества стран и влияющий на жизни миллионов людей. Однако его суть и перспективы часто не вполне понятны и широкой аудитории, и даже специалистам в области международной политики.

Очень часто задаются вопросы, касающиеся роли России в интеграционном проекте, которая весьма велика, учитывая численность населения и масштабы экономики страны. В этой связи вполне естественно желание понять, какова логика экономического развития РФ и что она может предложить другим участникам ЕАЭС? Какие объективные предпосылки есть у данного интеграционного проекта? За счет чего он должен преуспеть? Какова модель взаимодействия организации с другими странами? Как должно осуществляться сотрудничество в сфере политики и безопасности? Изучению этих вопросов и посвящена данная книга.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)62

© Мендкович Н.А., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

ISBN 978-5-906798-81-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евразийская интеграция — масштабный процесс, затрагивающий интересы множества стран и влияющий на жизни миллионов людей. Однако несмотря на это его суть, условия реализации и перспективы часто не вполне понятны и широкой аудитории, и даже специалистам в области международной политики.

К сожалению, существующие исследования не вполне удовлетворяют интерес читателей. В последние годы автор этих строк очень часто сталкивается с вопросами коллег из постсоветских государств, прямо и косвенно касающимися перспектив Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Причем зачастую они посвящены не перспективам в Союзе того или иного государства или государств, к каковой теме обращается большинство существующих работ, а более глубоким вопросам. Какие объективные предпосылки есть у данного интеграционного проекта? За счет чего он должен преуспеть? Какова модель взаимодействия организации с другими странами? Как должно осуществляться сотрудничество в сфере политики и безопасности?

Очень часто задаются вопросы, касающиеся роли России в интеграционном проекте, которая весьма велика, учитывая численность населения и масштабы экономики страны. В этой связи вполне естественно желание понять, какова логика экономического развития РФ и что она может предложить другим участникам ЕАЭС? Изучение этих вопросов часто усложняет обширная политическая мифология, накопившаяся вокруг России и «евразийского проекта», благодаря усилиям некоторых стран дальнего зарубежья. Зачастую многие западные эксперты и прозападные организации стремятся не «объяснить» Россию и Союз, а представить максимально неприглядную и пугающую картину, сколь угодно далекую от реальности.

Данная книга является попыткой отделить факты от политических (и экономических) мифов и максимально полно описать суть «евразийского проекта», его причины и перспективы. В рамках решения этой задачи оказалось невозможным ограничиться привлечением лишь сведений экономического характера — были использованы материалы, связанные с областями права, политики, социологии, истории и даже культуры. В связи с этим приходится отказаться от желания дать по каждой поднятой теме должный обзор посвященных ей работ. В данной книге ссылочный аппарат целиком «утилитарен» и призван продемонстрировать исключительно источники приведенных сведений, а не многообразие существующих научных исследований, посвященных тому или иному предмету.

Автор сознавал, что информация о ЕАЭС востребована не только среди экономистов, но также среди специалистов по международным отношениям, историков, политологов, а также практиков — бизнесменов, журналистов, политиков. В связи с этим я старался не перегружать текст специализированной терминологией и громоздкими расчетами, чтобы сделать его максимально понятным.

Основной базой источников данной работы послужила официальная статистика стран постсоветского пространства, включая печатные сборники и доступные электронные базы данных национальных статистических ведомств и центральных банков. В случаях, когда есть основания сомневаться в достоверности официальных цифр, автор приводит соответствующие оговорки и пытается установить истинное положение дел.

Кроме того, в книге использована статистика и аналитические издания международных организаций: Всемирного Банка (ВБ), Международного валютного фонда (МВФ), Всемирной торговой организации (ВТО), Международного союза электросвязи (МСЭ), Евразийского банка развития (ЕАБР), Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), а также некоторых структур Организации Объединенных Наций (ООН).

Выражаю глубочайшую благодарность за помощь в сборе материалов для написания книги Ю. Ануфриеву, Д. Бердакову,

Д. Верхотурову, А. Габриеляну, К. Домашеву, А. Зеличенко, Н. Карабаеву, Е. Кузьминой, Г. Михайлову, С. Мухамедьяновой, Д. Орлову, В. Перебоеву, А. Петрову, Ч. Суванову, А. Султагазиеву, а также многим другим, кого я не могу здесь по различным причинам назвать, что нисколько не умаляет мою благодарность.

Разумеется, за содержание книги и высказанные в ней суждения ответственность несу я и только я.

Представленная книга имеет следующую структуру. В части 1 дается краткая информация о сущности и причинах международной экономической интеграции, вернее, тех аспектов данной проблемы, которые важны для изложения. Часть 2 дает общее представление о причинах и ходе постсоветской экономической интеграции, одним из ключевых направлений которой стал «евразийский проект». Часть 3 посвящена состоянию современной России, ее возможностям и особенностям. Часть 4 посвящена проблемам миграции на постсоветском пространстве и перспективам ее развития в ЕАЭС. Часть 5 анализирует состояние экономик стран-членов Союза и выгоды для них от участия в интеграционном проекте. Часть 6 рассматривает перспективы сотрудничества ЕАЭС с государствами, не входящими в него, в том числе путем создания зон свободной торговли. Часть 7 кратко информирует читателя об альтернативном интеграционном проекте на постсоветском пространстве. Наконец, 8 часть я счел уместным посвятить проблемам евразийского сотрудничества по вопросам безопасности, к которым мне неоднократно приходится обращаться в других разделах книги.

Несколько слов об используемых терминах. Выражение «постсоветское пространство» используется для всей совокупности территории и государственных образований, входивших в состав СССР до его распада. Для обозначения территории бывших Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР используется термин «Южный Кавказ». Термин «Закавказье» используется только в цитатах. Термин «Средняя Азия» соответствует понятию «постсоветская Центральная Азия» и используется из соображений краткости как общепонятный.

Учитывая наличие политизированных споров о способе написания названий некоторых постсоветских государств в русском языке, оговорю и этот вопрос. В тексте используется название «Республика Беларусь», но прилагательное «белорусский», что соответствует словоупотреблению в официальном русскоязычном тексте конституции республики. Также в книге используется географическое название «Кыргызстан», являющееся допустимым вариантом нормы в современном русском языке. Отступления от этого написания возможны только в цитатах.

В заключение выражаю надежду, что представленный ниже текст заинтересует читателя и будет небесполезен для него.

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Чтобы понять суть и перспективы ЕАЭС, необходимо рассмотреть сам исторический смысл интеграционных проектов и понять, чем отличается «евразийская инициатива» от других проектов такого рода.

Все, что развивается, — растет. Это довольно общее суждение очень часто верно для истории человеческого общества. Развиваясь, растут города, компании, политические партии и государства, порой путем мирной экспансии, порой путем насилия.

Стремление к росту — естественная черта развития человеческих объединений, включая государства, никак не связанная с иррациональной жадностью. Общественный прогресс и институциональное развитие требуют ресурсов не маленькой человеческой общины, но сравнительно крупного объединения или государства. Без него невозможны масштабные проекты, затруднено строительство коммуникаций, развитие институтов законности и правопорядка, немыслимо существование промышленности и науки.

В границах какого-нибудь гипотетического «Московского княжества» нет места для МГУ, Баварское герцогство не создало бы «Мерседес» и «Фольксваген», а в независимой «Республике Калифорния» не появилась бы «Кремниевая долина». Подобные проекты в условиях малых государств не могут быть реализованы не только из-за нехватки ресурсов, но и просто в силу элементарной невостребованности со стороны общества. Население малых стран исторически озабочено лишь собственным выживанием, и только появление развитых государств и международной экономики позволяет Швейцарии зарабатывать на банковских услугах, а каким-нибудь Карибским островам — на

туризме. В условиях Востока необходимость концентрации ресурсов зачастую усиливается неблагоприятными климатическими условиями, неравномерным распределением районов, благоприятных для сельского хозяйства и т.п.

Рост располагаемых ресурсов не обязательно обеспечивался вульгарной колонизацией или вооруженным захватом. Одной из форм увеличения благосостояния общества в рамках государственного развития может стать экономический союз, заключаемый в общих интересах на принципах взаимовыгодного сотрудничества. Современная экономическая теория выделяет следующие виды международных экономических объединений[1]:

• соглашение о преференциальной торговле — сокращение и частичная отмена тарифных барьеров между странами-участницами;

• зона свободной торговли (ЗСТ) — отмен всех видов таможенных сборов и квот между торгующими сторонами;

• таможенный союз — упразднение или минимизация таможенного контроля, в том числе путем введения общих нормативов качества товаров, а также универсальных внешних таможенных сборов;

• общий рынок — подразумевает наравне с отменой таможенных барьеров свободное движение не только товаров, но также услуг и рабочей силы (трудовую миграцию);

• экономический союз — форма объединения государств, проводящих общую экономическую политику, включая монетарную.

В экспертных кругах теория экономической интеграции сегодня особенно популярна. Уже в XVIII — XIX веках развитие национальных государств, международных отношений и транспорта во взаимосвязи с экономической специализацией отдельных регионов и целых стран побудили Адама Смита и Давида Рикардо сформулировать актуальную и для наших дней «теорию преимуществ», предполагающую наличие товарных групп, которые та или иная страна может производить с наименьшими затратами в сравнении с потенциальными конкурентами.

Практика экономической интеграции сыграла огромную роль в новейшей истории. Цольферайнское соглашение 1834 года между германоязычными государствами прокладывало дорогу появлению единого германского государства, а Бельгийско-Люксембургский союз 1921 года позже лег в основу Бенилюкса.

Некоторые экономические объединения, созданные еще до Первой мировой войны, показали поразительную живучесть и продолжают работу, несмотря на все изменения мировой политики. Примером может служить Южноафриканский таможенный союз, созданный еще в 1903 году как экономический «зонтик» над протекторатами и колониями Великобритании в регионе и сумевший пережить образование в регионе суверенных государств и многократные геополитические изменения на Африканском континенте.

Реализацией интеграционных идей мыслителей XVIII — XIX веков стало и создание после Второй мировой войны европейского Объединения угля и стали (1951 г.), сформировавшего основу современного Евросоюза. Его целью декларировалось формирование общей франко-германской (а затем и континентальной) экономической системы и отход от политики силового присвоения ресурсов в пользу совместного развития. Франко-германская инициатива постепенно вовлекала в свою орбиту другие страны Европы и стала основой регионального экономического и политического объединения.

Послевоенный период вообще отличает интенсивное развитие интеграционных процессов, имевших порой политически обусловленный характер. Так, при участии СССР и стран Восточной Европы был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — интеграционный проект социалистических стран.

Практика международной экономической интеграции показала, что наиболее успешные экономические объединения представляют собой союзы, складывающиеся вокруг небольшой группы стран или одного государства, выступающего своего рода локомотивом в экономическом развитии и играющего важную роль в международной политике. Так, ядром Цольферайнского соглашения была Пруссия, ядром ЕС — франко-германская ось,

ядром СЭВ — Советский Союз. Объединения без ярко выраженного лидера, который мог бы последовательно добиваться развития интеграционных процессов, обычно слабы и развиваются с большими задержками[2]. Примерами могут служить проекты Центральноамериканского общего рынка (1961), Андское сообщество и Карибское сообщество (1973). Из-за отсутствия выраженного лидера они с большим трудом преодолевали противоречия и переходили к реализации конкретных интеграционных проектов через долгие годы после основания[3].

Центром западного «интеграционного проекта» стала экономика Соединенных Штатов, получившая серьезный импульс развития в ходе двух мировых войн, что позволило превратить американский доллар в основную резервную валюту мировой торговли. Этот статус американской денежной единицы был закреплен в результате Бреттон-Вудсских соглашений 1944 года, которые пришли на смену классическому «золотому стандарту». США гарантировали конвертацию собственной валюты в золото, в то время как прочие страны использовали доллар в качестве резервной валюты.

Функционирование Бреттон-Вудсской системы привело к долларизации мировой экономики — превращению доллара США в ключевую валюту при международных сделках. Всеобщий спрос на доллар превратил его в наиболее удобный инструмент при международных торгах с участием более чем двух стран. Несмотря на крах этой валютной системы в 1971 году и формальный переход к мультивалютной Ямайской системе, доллар сохранил свою роль на мировом рынке. Наравне с политическими факторами это закрепило особую роль Соединённых Штатов в мировой экономике вплоть до настоящего времени. После распада СССР и СЭВ валютная экономическая гегемония США стала близка к абсолютной.

Параллельно с построением единой валютной системы западных стран началось формирование системы ограничений таможенных и тарифных барьеров, то есть фактически нового широкого таможенного союза с претензией на глобальность. Его основой стало подписанное в 1947 году Генеральное соглаше-

ние о налогах и тарифах, известное как GATT. Изначально в объединение вошли 23 страны, но к 1970-м число стран-участниц превысило 100. Формально доступ к GATT имели и социалистические, и рыночные экономики, включая, например, Кубу, которая присоединилась к соглашению до революции. Однако на деле страны-участницы из социалистического лагеря сталкивались с массой ограничений, что нивелировало выгоды от членства в Соглашении[4].

После краха социалистической системы в 1991 году на основе GATT была создана Всемирная торговая организация (ВТО), ставшая ядром мировой глобализации рынков. Условия членства в ней подразумевают ограничение тарифных барьеров, снятие ряда искусственных препятствий для потоков товаров и капиталов. В принципе сам проект GATT/ВТО может рассматриваться как соглашение о преференциальной торговле, которое в перспективе может быть распространено на большинство развитых стран.

В свете сегодняшних событий следует подчеркнуть, что сама по себе долларизация мировой экономики не являлась каким-то абсолютным злом или искусственно навязанным стандартом. На начальном этапе особая роль США определялась незначительностью прямого ущерба от Второй мировой войны для их национальной экономики и послевоенным политическим лидерством Вашингтона среди западных стран. Широкое использование доллара значительно облегчало торговлю между государствами, так как наличие общего спроса на доллар позволяло компаниям после выхода на международный рынок приобретать широкий круг товаров, минуя цепочки обменных операций.

Тем не менее, глобальный экономический союз вокруг США не сложился. В рамках новой мировой глобальной рыночной системы торговли возникли более узкие альянсы, примером которых могут служить Европейский союз (и его предшественники) или латиноамериканское Андское сообщество (1969 г.). Чаще всего такие союзы представляют собой региональные объединения стран, поддерживающих партнёрские отношения в торговле и политике. Как правило, государства-члены таких объедине-

ний одновременно состоят и в ВТО, что, таким образом, отнюдь не мешает выстраиваться особым отношениям на дву- и многосторонней основе, примером чего могут служить и Германия, и США, и Россия. В последнее время соглашения о создании региональных таможенных союзов чаще всего рассматриваются как «прогрессирующие», то есть изначально ориентированные на переход к более глубокой экономической интеграции — от таможенных соглашений к полноценным экономическим союзам.

По мере развития интеграционных проектов наметилась и тенденция к созданию нескольких «кругов» взаимодействия: помимо основного договора между странами-участницами подписываются иные соглашения. Как правило, это договоры со странами, находящимися вне первоначального географического региона, которые дают посторонним государствам ограниченный доступ к общему рынку «коренных» членов союза.

Одна из первых инициатив такого рода — европейские соглашения об «ассоциированном членстве» и договоры о зоне свободной торговли, заключаемые между ЕС и странами вне союза. Эти соглашения «нагружаются» не только экономическими принципами, но и идейными декларациями о сотрудничестве в сфере безопасности и приверженности различным демократическим принципам. Однако эти положения преследуют скорее агитационные цели. Например, ничто не помешало странам ЕС подписать ассоциацию с Сирией в 1978 году, Тунисом в 1998 и Египтом в 2004, а затем приветствовать выступления против их правящих режимов в ходе т.н. «арабской весны».

Экономическое значение таких соглашений об ассоциации достаточно прозрачно. Государство, подписывающее стандартный договор, получает доступ к европейскому рынку, но при этом берет на себя обязательства в принятии к исполнению стандартов и регламентов, принятых в ЕС. Для промышленно развитых стран, таких, как Южная Корея (соглашение 2011 года), это сложный, но интересный стресс-тест, позволяющий в перспективе выйти на масштабный внешний рынок. Для менее успешных государств, которые приходят к ассоциации в поисках «европейской романтики» и надежде когда-нибудь получить полноцен-

ное членство, сотрудничество с ЕС становится дорогой разочарований. Ведь до тех пор, пока уровень собственного производства не поднят до европейских стандартов, граница открывается только в одну сторону, и прибыли получает ЕС, а партнёр лишь несёт убытки. Кроме «стандартных» соглашений об ассоциации, отличающихся исключительно набором квот и переходными положениями, возможен даже вариант «кабальной ассоциации» — соглашения, содержащего внутренние ловушки, которые делают «убыточное» положение партнёра ЕС постоянным и неизбежным. Примером такого невыгодного договора может служить соглашение Украины с ЕС от 2014 года, о котором ниже мы поговорим более подробно.

Никуда пока не исчез из мировой экономики и «американский фактор». После завершения холодной войны и исчезновения общего для стран Запада «противника», США стремились всячески «оседлать» этот процесс с целью сохранения собственного экономического доминирования в мире. В частности, проводилась политика формирования в различных регионах экономических и таможенных объединений, призванных служить в первую очередь интересам американских элит. Примером может служить Североамериканское соглашение о свободной торговле с Канадой и Мексикой (договор НАФТА, 1994 г.), которое позволило увеличить экспорт американской сельскохозяйственной продукции в эти страны, не затронув, однако, миграционный режим. В 2013 году США начали переговоры о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (TTIP) с ЕС. Оно призвано способствовать экспансии Соединённых Штатов в Европу, являющуюся одним из ключевых экспортных рынков Америки[5]. Лоббировать невыгодные европейцам пункты соглашения призвана политика «мягкой силы», основанная на пропаганде и работе с политиками, журналистами, экспертами, которая велась на протяжении всех послевоенных десятилетий.

Однако в последние годы в мире растет скептическое отношение к проектам монетарной и таможенной интеграции, в центре которых находится Вашингтон. Модель интеграции, предлагаемая США, начала рассматриваться как «неоколониальная», т.е.

ориентированная исключительно на завоевание Штатами новых рынков, а не на взаимовыгодное сотрудничество. Так, некоторые европейские эксперты утверждают, что подписание TTIP нанесет ощутимый ущерб экономике стран Старого Света, в особенности североевропейским государствам, Франции и Германии. Прогнозируется, что подписание соглашения приведет к сокращению ВВП североевропейских стран на 0,5% (у Южной Европы потери составят 0,2% ВВП), существенному сокращению национального экспорта, потере до 500 тысяч рабочих мест.

Вред от TTIP трудно назвать «смертельным», однако также трудно объяснить избирателям европейских стран смысл подписания договора, от которого США выиграет (+0,3% ВВП и 700 тысяч рабочих мест), а их страны понесут ущерб[6] Уже несколько лет в ряде европейских государств идут массовые протесты против этого альянса[7].

Усиливающийся антагонизм между Европой и США, а также континентальной Европой и Великобританией — одна из примет периода после окончания холодной войны, причем здесь проблемы политики и экономики переплетены очень тесно. После исчезновения общего противника в лице Варшавского договора и СССР многие на Западе и в мире в целом начали приходить к выводу о том, что американское лидерство теряет практический смысл и сводится к манипулированию союзниками в собственных интересах. Очередным проблемным вопросом стала и «санкционная война» с Россией, которая наносит существенный ущерб экономике ЕС. Пока Вашингтону с большей или меньшей эффективностью удается настаивать на своём, но в перспективе увеличение трений между Европой и США неизбежно.

Интерес к практике независимых от Америки региональных таможенных и экономических союзов особенно вырос в связи с мировым кризисом 2008 — 2009 годов. Он показал уязвимость международной экономики в существующем виде. Кризис спровоцировали внутренние проблемы США, к числу которых относилась большая масса рискованных вложений крупных банков, включая ипотечное кредитование неплатежеспособных клиентов. Затем последовал крах ипотечного рынка, который стал

«спусковым крючком» для финансового кризиса и банкротства крупных финансовых институтов. Ситуацию во многом «добило» запоздалое и неэффективное вмешательство правительства, которое оказалось неспособным должным образом регулировать финансовые потоки[8]. По сути, экономика Соединённых Штатов была реально «перегрета» доступными кредитными программами для компаний и населения, однако уровень кредитования в один прекрасный момент превзошел реальную способность заёмщиков их оплачивать, что больно ударило по рынку.

В мировой экономике ситуация была несколько иной. Зарубежные рынки также частично «подогревались» кредитным бумом в США и динамично росли в 2000-е годы. Однако основной причиной роста были не столько долларовые кредиты, сколько объективный рост спроса на многие виды продукции в развивающихся странах[9]. По сути, мировой рынок в этот раз пострадал во многом в результате субъективных экономических проблем США, что поставило вопрос о рисках сохранения глобализованной модели мировой экономики. Встал вопрос и о формировании региональных экономических объединений с общей системой торговли и таможенных пошлин, а также собственной монетарной политикой, независимой от субъективных обстоятельств внешних игроков.

Дело в том, что в международной торговле и процессах экономической интеграции всё очень сильно зависит от доверия. В международных отношениях не существует универсального уголовного кодекса, районного суда и участкового инспектора, которые могут заставить всех участников договорных отношений жестко придерживаться буквы и духа закона. Несмотря на то, что современное международное право сильно ограничивает прямое применение силы, более успешные в военном и экономическом отношении страны всегда «равнее» других. Они могут и нарушать договорные обязательства и давить на партнёров, добиваясь своего, и просто заставлять всех нести бремя собственных экономических просчетов. США, Великобритания и даже Германия с Францией неоднократно это демонстрировали в последнее время. Поэтому, вступая в любой международный

проект, государство должно рассматривать комплекс факторов, который может побудить партнёров если не быть альтруистами, то хотя бы не пытаться наживаться за счет «союзников».

В этом, в частности, причина географического регионализма современных экономических интеграционных проектов. Развитие транспорта снижает роль расстояний, но страны все равно продолжают «жаться» друг к другу. Ведь соседи — по факту — взаимозависимы и не заинтересованы в резкой дестабилизации ситуации друг у друга, которая, например, может вызвать неконтролируемый поток беженцев и трудовых мигрантов.

Кроме того, для региональных объединений обычно характерны историческая и культурно-языковая близость, наличие общих природных условий, экономических потребностей и других объединяющих факторов.

2. ОТ РАЗДЕЛЕНИЯ К ИНТЕГРАЦИИ

Современная интеграция постсоветского пространства неизбежно исторически связана с катастрофой разрушения СССР. Порой даже можно услышать обвинения в том, что евразийский интеграционный проект — попытка воссоздать Советский Союз со всеми его недостатками. Но проблема в том, что наши постсоветские суверенные государства живут на обломках рухнувшей страны, и, пытаясь построить новые дома, все же стараются извлечь из-под руин потерянное имущество. И речь не идет об идеях реставрации ушедших политических и идеологических подходов, но лишь о желании использовать те экономические системы сотрудничества, которые существовали до 1991 года.

Так исторически сложилось, что пик наиболее интенсивного промышленного развития на территории нынешних постсоветских республик пришелся именно на советский период. В период Российской империи основу экономики составляло сельское хозяйство, в сфере которого работало около 75% населения. Это давало более 54% национального дохода страны, против 28,7% промышленности и строительства (данные на 1913 год). Даже существовавшие тогда промышленные предприятия во многом были ориентированы на добычу и экспорт первичного сырья, которое подвергалось обработке уже за рубежом. В частности, экспортируя огромные объемы железной руды, страна тогда преимущественно импортировала сталь и даже чугун — наиболее дешёвый продукт металлообрабатывающей индустрии. Сама Россия производила лишь 1,6 пудов чугуна и 1,4 пуда стали на душу населения. Для сравнения: Соединённые Штаты — 19,8 и 20,2 пуда, Великобритания — 14,2 и 9,1, Германия — 17,5 и 15,9[10].

В советский период структура национального дохода принципиально изменилась: в 1940 году доля промышленности дос-

тигла 51% (29% — сельское хозяйство), к 1950 году — 57% (из них у сельского хозяйства — 22%)[11]. Основой современной экономики является именно промышленность, поэтому для всего экономического уклада постсоветских стран остается характерной специфика, заложенная в советский период. Еще в начальный период советской индустриализации государственное планирование оперировало понятием «районов-комбинатов» — индустриальных комплексов отдельных регионов, специализированных с учетом имеющихся ресурсов и иных индивидуальных условий[12].

Примерами могут служить Днепровский комплекс, выстроенный вокруг Днепровской ГЭС и ориентированный на поддержку металлургических производств, или Северная угольно-металлургическая база на основе месторождений железной руды на Кольском полуострове и добычи воркутинского угля. Каждый из «комбинатов» в приоритетном порядке был ориентирован на добычу и производство профильных сырья и продукции. Такая специализация имела массу плюсов, но экономика находилась в жесткой зависимости от политических факторов, от сохранения взаимодействия составных частей общедержавного экономического организма.

Сам распад Советского Союза произошел под влиянием массы внешних и внутренних факторов, хаотичной экономической и административной политики властей. Сказывалась и необдуманность наращивания денежного оборота, неблагоприятная конъюнктура на мировых рынках, субъективные трудности в развитии ТЭК и других отраслей. Наконец, самостоятельным фактором были нерешенные национальные вопросы и противоречия, вылившиеся в открытые этнические конфликты, которые действовавшая власть не сумела оперативно нейтрализовать.

На этом фоне хоть и не причиной, но симптомом кризиса советской модели экономики и государства стала дезинтеграция единого экономического пространства. По мере развития этого кризиса, когда страна все в большей мере стала сталкиваться с дефицитом денежных средств и сокращением производства многих товаров, отдельные республики, регионы и даже пред-

приятия стали оттягивать на себя финансовые и материальные ресурсы, «придерживать» выпускаемую продукцию, отказываясь реализовывать её по установленным государством ценам и ликвидируя тем самым сложившиеся экономические цепочки.

К концу 1980-х многие предприятия были весьма плотно интегрированы в общесоюзную экономику, могли иметь сотни партнёров по всей стране, и сбои поставок каждого из них вели к задержке или даже срыву выпуска продукции другого завода, фабрики или комбината. В большинстве республик от 16% до 28% потребления обеспечивалось за счет продукции, ввозимой из других регионов. До 90% нефтепродуктов Белоруссии поставлялось из РСФСР, в свою очередь, Россия закупала в Азербайджане более 50% оборудования для нефтегазовой промышленности. Кроме того, промышленные предприятия России активно импортировали хлопок из Узбекистана и уголь из Украинской ССР[13]. Однако в период кризиса сложившаяся система отношений начала рушиться.

Во многих местах сказывалось введение фактической выборности руководства промышленных предприятий, которое в условиях нарастания экономических проблем было вынуждено «выдавливать» у государства средства, чтобы удовлетворить запросы коллектива и сохранить личную власть без учета интересов отрасли и экономики в целом. Наиболее остро это проявлялось, например, в проблеме поставок. Несмотря на рекордный урожай 1990 года, который составлял более 230 млн. тонн зерна, поставщики даже не покрыли госзаказ, и в ряде крупных городов начали возникать проблемы с хлебом. Аграрный сектор, прежде всего Казахстана, располагавшего тогда наибольшими зерновыми резервами, задерживал отправку продукции и требовал от властей дополнительных поставок, в том числе транспортных средств и сельскохозяйственной техники. И это несмотря на то, что ещё годом ранее агропромышленный комплекс получил дополнительные льготы, в частности, было принято решение оплачивать сверхлимитные поставки зерна в валюте, словно импорт[14].

Аналогичная ситуация сложилась в угольной отрасли, в особенности на территории РСФСР, где инициатива «жесткого диалога» с властью формально исходила от трудовых коллективов, объявивших забастовки с требованиями улучшения условий труда. Однако под влиянием регионального руководства и директората требования быстро включили в себя социально-политическую базу — введение самоокупаемости предприятий на основе повышения закупочных цен на уголь с перспективой пересмотра государственной собственности на предприятия, то есть приватизации. Хотя, по данным опросов, сами участники стачек, в основном смутно себе представляли, что подразумевают эти требования[15].

Подобные экономические проблемы вели к чрезвычайным политическим последствиям. Когда в Криворожском и Воркутинском промышленных регионах стачкомы создавали параллельные институты власти, включая силовые «рабочие дружины», занимавшие здания госучреждений, на уровне союзных республик происходили острые столкновения все по тому же вопросу о поставках и закупочных ценах.

Одной из причин кризиса советской экономики было и то, что к концу советской эпохи наметились серьезные диспропорции в товарообмене между республиками СССР. Одни сталкивались с постоянным дефицитом платежей, другие — выступали в роли всесоюзных доноров, что видно из данных, приведенных ниже в таблице 1.

Как ни странно, представители разных республик могли делать взаимоисключающие выводы о собственных выгодах и потерях от пребывания в рамках союзной системы торговли. Россия и Туркмения могли быть убеждены, что «кормят» прочие республики, покрывая их дефицит за счет своих прибылей. Однако республики-акцепторы могли смело возражать, что сложившаяся ситуация — итог ценовой политики союзного центра, который навязывает республикам невыгодные условия реализации собственных товаров, фактически проводя колониальную политику.

Таблица 1. Сальдо товарообмена между республиками СССР в мировых ценах на 1988 год (млрд. рублей)[16]

	Межреспубликанский обмен	Внешнеэкономический обмен	Всего
Россия	+23,88	+6,96	+30,84
Украина	-1,57	-1,32	-2,89
Казахстан	-5,94	-0,64	-6,58
Беларусь	-1,59	-0,46	-2,05
Узбекистан	-2,63	+0,09	-2,54,
Азербайджан	-0,24	-0,21	-0,45
Литва	-3,33	-0,36	-3,69
Грузия	-1,61	-0,30	-1,91
Молдова	-2,22	-0,41	-2,63
Латвия	-0,99	-0,32	-1,31
Армения	-1,06	-0,31	-1,37
Кыргызстан	-0,54	-0,52	-1,06
Эстония	-1,06	-0,24	-1,30
Таджикистан	-1,20	+0,08	-1,12
Туркмения	+0,10	-0,06	+0,04

Естественно, оба крайних подхода носили сугубо абстрактный характер, поскольку без экспериментальной проверки предлагаемых «инноваций» в условиях рыночной экономики истину было установить невозможно. Однако многие политики спешили разыгрывать карту «экономического сепаратизма», высказывая спорные суждения о роли экономики собственного региона в жизни СССР. Например, первый президент РСФСР Б.Н. Ельцин в ходе своей предвыборной кампании провозглашал: «Россия подкармливает всех. Россия все время жертвовала. Россия все время отдавала, но, в конце концов, благотворительность начинается у себя дома. И если мы действительно не можем накормить народ, не можем одеть народ, то мы не можем допустить, чтобы мы оплачивали другие государства, направляя помощь туда, да и другим республикам…»[17].

В ходе партийных дискуссий М.С. Горбачев пытался остудить горячие головы, доказывая, что все участники союзной эконо-

мики нужны друг другу. «[Говорят,] мол, плевать на Узбекистан. Будем плевать — он лишит нас хлопка. Ответ не в том, кто кого обанкротит, а в гармонизации интересов», — убеждал он в ходе закрытых совещаний партнеров по политической элите[18].

Однако в 1980-е далеко не все могли представить политические и экономические последствия насильственного демонтажа СССР. И, несмотря на явные настроения в обществе за сохранение союзного государства на новых демократических принципах, многие республиканские лидеры склонялись к тому, что разрушение союзной экономики и «самостоятельное плавание» будет способствовать решению экономических проблем. Кроме того, вопрос о поддержке курса на децентрализацию и обретение национальных суверенитетов становился порой условием сотрудничества крупных политиков с региональными элитами. Например, тот же Ельцин в ходе визитов в Татарстан и Башкирию 1990 года провозглашал знаменитое: «Возьмите ту долю власти, которую сами можете проглотить. И мы согласимся с этой долей, с этим решением»[19].

Итоги общесоюзного референдума 1991 года показали, что общественные симпатии находятся, скорее, на стороне сохранения СССР, пусть и с большей свободой для стран-участниц. Из 148 миллионов участников голосования 113,5 млн. (76,4%) выступили за существование союзного государства. Наиболее высокий уровень поддержки сохранения единой страны был отмечен в среднеазиатских республиках (например, 94,1% в Казахстане). Референдум не поддерживался властями Грузии, Армении, Молдавии, Латвии, Эстонии и Литвы, на территориях которых участки для голосования в гораздо меньшем количестве создавались по инициативе общественных организаций и работали при более низкой явке избирателей[20].

Итогом центробежных стремлений республиканских элит, резко усилившихся после провала ГКЧП, стало т.н. «Беловежское соглашение» 1991 года, подписанное лидерами РСФСР (Б. Ельцин), Белоруссии (С. Шушкевич) и Украины (Л. Кравчук), статьи 11—14 которого объявляли о фактической ликвидации советских институтов на территории указанных республик. В соглаше-

нии участвовали наиболее промышленно развитые участники СССР, которые, видимо, рассчитывали волевым решением сбросить с себя ответственность за судьбу прочих республик и попытаться преодолеть кризис, диктуя остальным закупочные цены.

Практика, к сожалению, показала, что разделение страны мало способствовало решению экономических проблем. По данным МВФ, ни в одной из вновь созданных республик в 1993 году не был зафиксирован рост ВВП. В Азербайджане он снизился на 23%, Армении — на 19%, в России — на 9,5%, а на Украине падение ВВП достигло 15% за год[21]. Многие страны охватил процесс деиндустриализации, превращавший промышленные регионы в аграрные. Например, практически полностью исчез машиностроительный комплекс Кыргызстана, производивший до 200 наименований продукции, включая трактора, и являвшийся вторым по величине в Средней Азии[22].

Кроме того, распад страны способствовал обострению конфликтов на ее территории. Начались боевые действия между Арменией и Азербайджаном, от Грузии отделились территории Южной Осетии и Абхазии. В Молдове разгорелся Приднестровский конфликт, в России — Чеченская война.

Как бы мы ни относились к ушедшей стране, ее режиму и идеологии, но крах СССР стал катастрофой для большинства ее жителей. Многие советские граждане стали жертвами вооруженных конфликтов, организованной и бытовой преступности, беженцами из родных городов и сел, были разорены экономическими катаклизмами, лишились работы и сбережений, а порой испытали настоящий голод и нищету.

Осознание того, что дезинтеграция не решила каких-либо объективных экономических проблем, заставило постсоветские государства искать способы восстановления торговых связей между предприятиями бывших республик. Основным механизмом интеграционных процессов стало Содружество Независимых Государств (СНГ), возникшее в 1991-м как орудие демонтажа СССР. Однако в течение ближайших лет многое изменилось.

В мае 1993 года одиннадцатью бывшими советскими республиками, кроме Грузии и стран Балтии, был подписан Договор об

экономическом союзе, предусматривающий поэтапную экономическую и таможенную интеграцию стран-участниц. В 1994 году было подписано декларативное соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), в 1995-м — о создании Платежного союза. Однако, несмотря на подписание к 1997 году не менее одиннадцати нормативных актов об экономической интеграции постсоветских государств (не считая двусторонних соглашений), проекты создания общей ЗСТ или более высоких уровней объединения не получили реального воплощения, в т. ч. из-за пассивной позиции России, являющейся географически и экономически ключевым участником интеграции.[23]

Фактически проект зоны свободной торговли в рамках СНГ получил второе дыхание уже в 2000-е гг. Только в 2003 году был утвержден план конкретных мер по переходу стран-участниц соглашения 1993 года к ЗСТ. Реально документ был подписан и вовсе в 2011 году, причем среди подписантов в итоге остались только семь стран: Россия, Беларусь, Казахстан, Украина, Армения, Кыргызстан и Молдова[24].

Очевидно, что проблемы развития ЗСТ во многом стали результатом упущенного времени. У постсоветских государств появились серьезные отличия в законодательной базе, сформировались разнообразные внешнеполитические векторы, наконец, накопились взаимные противоречия и политические претензии. Все это делало крайне сложным создание новых интеграционных объединений на уровне СНГ.

Между тем растущая экономика России столкнулась с потребностью расширения доступа к внешним рынкам и более активного участия в различных интеграционных проектах. В связи с этим российская дипломатия активизировала работу по линии АТЭС и АСЕАН, а также стала форсировать процесс вступления России в ВТО. Однако работа только в рамках интеграционных проектов дальнего зарубежья не могла полностью устроить Москву, требовалось приспособиться к сложившимся региональным экономическим связям, изучить потребности и производственные мощности новых партнёров, российским предпринимателям, экспортёрам и производителям во многих случаях

необходимо было выдерживать серьёзную конкуренцию, подчас с находящимися в более благоприятных условиях контрагентами. Работа на постсоветском пространстве была заведомо более простой, так как здесь функция каждого субъекта и перечень поставляемых товаров естественным образом сформировались еще в советский период, и каждая из стран-участниц имела свою проверенную временем экономическую нишу.

Начинается активное формирование постсоветских интеграционных проектов. В октябре 2000 года подписывается соглашение о создании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭс). 19 сентября 2003 года президенты Беларуси, Казахстана, России и Украины подписывают договор о формировании Единого экономического пространства. В октябре 2007 года впервые подписывается декларация Беларуси, Казахстана и России «О формировании правовой базы Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества». Через месяц после подписания этого документа учреждается Комиссия Таможенного союза (ТС), которая начинает формировать нормативную базу будущего объединения. Это требует нескольких лет работы: подписывается 70 международных соглашений и 900 решений органов ТС[25].

Фактически работа Таможенного союза трех стран начинается в 2010 году: вводится единый таможенный кодекс, тарифное и нетарифное регулирование. Это позволяет значительно активизировать торговый оборот внутри объединения. С начала 2010 до середины 2012 года экспорт национальных товаров в страны ТС увеличивается в среднем на 86,6%, а экспорт в третьи страны вырос на 49,9%[26].

В 2011 году запускается более широкий интеграционный проект: реализуется идея зоны свободной торговли СНГ. К 2015 году стартует последняя на текущий момент стадия интеграции — Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

ЕАЭС имеет довольно большой потенциал развития в сферах формирования общих валютной и экономической политики, производственных норм и стандартов, однако работа идет достаточно медленно, так как требует создания единой правовой

базы в рамках диалога всех стран-участниц. В частности, долгое время отсутствовали какие-либо признаки значимого прогресса в области формирования валютно-финансовой политики, хотя бы на уровне исключения из взаиморасчетов внутри Союза валют третьих стран[27]. Наиболее результативна на момент написания этих строк работа по созданию единого таможенного пространства и осуществления совместных инвестиционных проектов, включая инфраструктурные.

К числу ключевых институтов ЕАЭС можно отнести Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК), существующую с 2012 года и выполняющую функции главного регулирующего органа объединения. Также ЕЭК занимается текущим руководством работами в рамках ЕАЭС, тарифным и нетарифным регулированием, взаимодействием с третьими странами. Главным политическим органом союза может быть назван Высший евразийский экономический совет (ВЕЭС), в который входят руководители стран — членов Союза.

Наряду с этим необходимо отметить работу Евразийского банка развития (ЕАБР), который осуществляет большую инвестиционную и аналитическую работу на постсоветском пространстве. Данный институт был создан еще в 2006 году при участии России и Казахстана, однако сейчас число его участников расширено — к ним присоединились все страны ЕАЭС и Таджикистан. На 2014 год инвестиционный портфель ЕАБР составлял 3,9 млрд долл. и включал 71 проект в государствах — участниках банка[28]. Также именно в компетенции ЕАБР находится управление средствами Антикризисного фонда ЕврАзЭС, созданного в 2009 году.

Кроме того, в связи с недостаточной эффективностью механизмов обеспечения коллективной безопасности СНГ на фоне роста угроз нестабильности, в первую очередь в Средней Азии, в 2002 году стартовал проект Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Учитывая большое число интеграционных объединений и различную динамику участия в них постсоветских государств, мы объединим данные о членстве в перечисленных проектах в таблице 2.

Таблица 2. Членство постсоветских государств
в евразийских интеграционных проектах

	ЕврАзЭС	ЕЭП	ЗСТ СНГ	ТС	ЕАЭС	ОДКБ
Россия	+	+	+	+	+	+
Беларусь	+	+	+	+	+	+
Казахстан	+	+	+	+	+	+
Армения	-	+	+	-	+	+
Кыргызстан	+	+	+	-	+	+
Таджикистан	+	-	-	-	-	+
Узбекистан	-	-	+	-	-	-
Молдова	-	-	+	-	-	-
Украина	-	+	+	-	-	-

Из приведенных данных видно, что на текущий момент проект ЗСТ заинтересовал наибольшее число стран-участниц. Ее членом не является только Таджикистан, для которого на момент написания этих строк договор еще не вступил в силу. Вторыми по популярности являются инициативы ЕЭП и ОДКБ. Такие формы экономической интеграции, как ТС и ЕАЭС, пока предназначены для более узкого круга государств и не могут пока считаться проектом большинства стран СНГ.

Необходимо обратить внимание и на то, что многие постсоветские государства не принимали участия в интеграционных процессах или вышли из них до того, как те подошли к этапу непосредственной реализации. Сверх представленного выше списка в разработке ЗСТ участвовали Туркменистан и Азербайджан, однако в итоге обе страны не сочли возможным ратифицировать соответствующий договор. Членами ОДКБ, кроме государств, упомянутых в таблице 2, до 1999 года были Грузия и Азербайджан, которые предпочли покинуть организацию. Следует особо выделить позицию Узбекистана, который несколько раз менял вектор интеграционных устремлений. В частности, в 2006 году республика вступила в ЕврАзЭС и вышла из него в 2008 году. Затем — после некоторых колебаний — сравнительно поздно (в 2013 году) она присоединилась к ЗСТ СНГ, а ряды ОДКБ

покидала дважды — в 1999 году (отказ от продления договора) и в 2012 году (приостановление членства).

Подобные метания нельзя однозначно объяснять недостатками самого евразийского проекта. Иногда позицию неприсоединившихся постсоветских республик объясняют «угрозами суверенитету» со стороны новых объединений, но следует признать, что ни ЕАЭС, ни ОДКБ пока не имеют реальных механизмов воздействия на отдельных членов за «отход от общей линии», которые действуют, например, в ЕС. Примером может служить подчеркнуто независимое поведение лидера Беларуси А. Лукашенко, которое порой граничит с конфронтацией с официальной Москвой, что, однако, не ставит под вопрос членство страны в Союзе.

Кроме того, нужно напомнить, что участие в «евразийском проекте» совершенно не исключает параллельной работы государств-членов в других объединениях. В частности, Республика Казахстан является активным участником Совета сотрудничества тюркоязычных государств, идейными лидерами которого считаются Турция и Азербайджан. Армения, несмотря на вступление в ЕАЭС, сохраняет тесные контакты с ЕС, причем даже обсуждается вопрос о подписании политической (чисто декларативной) части соглашения об ассоциации.

Если брать особенности собственного функционирования «евразийского проекта» — необходимо отметить достаточно гибкий подход к новым членам организации, который исключает какой-либо диктат. Традиция «уступчивой» политики в какой-то мере была заложена еще в эпоху ТС, когда для Казахстана при вступлении в организацию были продлены сроки унификации таможенных пошлин, позволяющие сохранить старые ставки на достаточно продолжительное время.

Изъятия коснулись 409 наименований товаров, включая лекарственные препараты, электрическое оборудование и некоторые виды сельскохозяйственного сырья.[29] В этой ситуации, конечно, возник риск нелегального «перетекания» реэкспортных товаров через российско-казахстанскую границу, но страны-со-

юзницы пошли на этот риск ради интересов Казахстана. Аналогичная «политика изъятий», облегчающая переход к общей тарифной политике, в настоящий момент применяется для Армении и Кыргызстана, о чем речь пойдет ниже.

Таким образом, мы можем заключить, что «угроза суверенитету» в рамках ЕАЭС является в большей степени надуманной. На самом деле колебания постсоветских государств связаны с борьбой интеграционных проектов. Параллельно с «евразийским проектом» активно продвигаются идеи «европейской интеграции» — т.е. фактически вовлечения бывших советских республик в сферу экономического и политического влияния ЕС.

На достижение этих целей ориентирован, в частности, проект «Восточное партнерство», запущенный Евросоюзом в 2009 году. «Партнерство» предусматривало установление эксклюзивных контактов с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной, пропаганду европейской идеологии на уровне межгосударственных контактов и работы с НКО. Конечной целью программы являлось заключение со странами, участницами соглашения об ассоциации[30].

Кроме того, евразийские интеграционные проекты сталкиваются с противодействием со стороны США, которые опасаются, что функционирование ТС/ЕАЭС приведет к усилению экономических и политических позиций России. В 2012 году госсекретарь США Х. Клинтон открыто осудила создание Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси как попытку «ресоветизировать регион». «Мы знаем, какова цель, и пытаемся найти средства, чтобы замедлить или предотвратить ее [достижение]», — откровенно заявила она в ходе международной конференции в Дублине[31].

Позже Госдеп США пытался смягчить столь откровенную риторику госсекретаря, однако неприязнь и поиск способов борьбы с евразийским интеграционным проектом остаются прежними и сегодня. В частности, американский посол в Кыргызстане С. Спратнел в 2014 году опубликовала статью с прямыми нападками на курс республики по вступлению в ТС, что явно выходит

за пределы дипломатических «правил приличия». В этой статье содержались обвинения в адрес России в поддержке «авторитарных диктатур» и заявления о том, что Кыргызстану сложно будет сохранить «демократическую траекторию» при партнерстве с РФ в рамках евразийской интеграции[32].

В этой связи уместно упомянуть, что НКО, действующие на территории Кыргызстана и получающие финансовую поддержку Соединенных Штатов, также крайне отрицательно относятся к созданию ТС и ЕАЭС.

В результате усилий Запада, на подробном анализе которых мы не будем здесь останавливаться, «Восточное партнерство» увенчалось частичным успехом: Грузия, Молдова и Украина вошли в экономическую и политическую зону влияния ЕС и США, что проявляется и в экономической политике, и в специфике внешнеполитического курса.

Однако ряд других постсоветских государств сделали свой «евразийский выбор» и смогли его отстоять. Сейчас эта группа стран: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан объединились в рамках ЕАЭС. Реальным кандидатом на вступление в Союз в течение ближайших лет также считается Таджикистан.

Данные о демографической и экономической ситуации в перечисленных государствах представлены в таблице 3.

Таблица 3. Демографическое и экономическое положение стран ЕАЭС[33].

	Население, тыс. человек	ВВП, млрд долл.*	ВВП на душу населения, долл*
Армения	3300	11,1	3173
Беларусь	8195	77,2	8195
Казахстан	17417	225,6	12950
Кыргызстан	5700	7,7	1341
Россия	146270	2507,3	14316
Таджикистан	8300	9,2	1102

* В текущих ценах на 2014 год.

В 2014 году общая численность населения пяти стран-членов ЕАЭС, превысила 180 млн человек, а ВВП — 2,8 трлн долл. Здесь, конечно, велика роль России, на долю которой приходится 80,4% населения Союза и 88,6% общего ВВП. Второе место по обоим показателям занимает Казахстан (9,6% и 8% соответственно). Аналогичная ситуация при сравнении душевого ВВП, по которому Россия и Казахстан являются лидерами в ЕАЭС.

Кроме того, значимую роль РФ определяет чисто географический фактор. Ведь транспортные коммуникации стран-участниц во многом связаны с российской территорией, среднеазиатские страны могут сообщаться с рынками Западной Европы и Балтии только через Россию, а для Армении она и вовсе является одним из ключевых транзитных партнеров в условиях транспортной блокады.

Конечно, ЕАЭС является источником широких возможностей и для России, и для ее партнеров, но для объективной оценки его совокупных возможностей необходимо подробно поговорить о российской экономике, перспективах ее развития и более активного участия в торговле со странами Союза. Этим в какой-то мере мотивировано повышенное внимание в следующих главах к России и ее экономическим условиям и показателям. Полагаю, что эта часть в наибольшей степени может быть интересна для читателя из других стран постсоветского пространства.

Однако общие оценки текущей экономической ситуации, выгод и перспектив, связанных с членством в ЕАЭС, будут даны и для всех других государств-членов и возможных кандидатов в члены экономического союза.

3. РОССИЯ

Сейчас Россия во многом стала «витриной» постсоветского капитализма, доказательством того, что несмотря на региональную специфику и здесь можно жить по вполне «западным стандартам». Но так было не всегда. Россия, как и все государства бывшего СССР, очень непросто переживала кризис 1990-х годов. На этот период пришелся тяжелый экономический спад, резкое снижение уровня жизни, рост преступности. Усилилась политическая нестабильность: в 1993 году противостояние между сторонниками Президента и Верховного Совета вылилось в боевые действия в Москве, рост влияния экстремистов на Северном Кавказе привел к развязыванию боевых действий в Чеченской республике в 1994 и 2000 годах. Катастрофически снижались и социально-экономические показатели (см. таблицу 4).

Таблица 4. Некоторые социально-экономические показатели России в период кризиса 1990-х гг.[34]

	1992	1996
ВВП, трлн. рублей*	30,0	22,1
Душевой ВВП, тыс. рублей*	201,9	149,1
Уровень смертности, ед.**	12,2	14,2
Уровень рождаемости, ед.**	10,7	8,9
Уровень безработицы, %	4,7	9,6

* В фиксированных ценах.

** На 1000 человек.

В 1992 — 1996 гг. российский ВВП (в фиксированных ценах) сократился на 35% в абсолютном и нормализованном выражении. Закрывались многие производства, шли сокращения, на-

чались массовые задержки зарплат при формальном сохранении рабочего места. Официальный уровень безработицы вырос за четыре года более чем в два раза и достиг 9,6%. Кроме того, возник феномен «скрытой безработицы» среди лиц, формально имеющих рабочее место, но реально лишенных вознаграждения за труд. В 1996 году общая величина задолженности по заработной плате достигла 20,8 млрд. рублей, в 1997-м — 48,6 млрд, в 1998-м — 52,6 млрд.[35]

Систематически накапливающаяся задолженность предприятий перед работниками, государством и партнерами приводила в России, как и в большинстве постсоветских стран, к формированию т. н. «некроэкономики»[36], т. е. поддержанию нежизнеспособных предприятий путем административных мер, включая налоговые амнистии, массовое списание долгов, нецелевые субсидии и прочее. В теории эта политика призвана была решать социальные задачи, включая сохранение рабочих мест, однако на деле зачастую поддерживала бизнес в «полумертвом» состоянии, без перспектив развития и возможности регулярно и достойно оплачивать труд персонала. На начальном этапе перехода к рынку эти шаги были рациональным ответом на социальный кризис, однако без продуманного курса реформ и инвестиционной политики они постепенно вели к консервации бедственного положения общества и экономики.

Пытаясь решить проблемы массовых задолженностей, власти шли на денежные эмиссии, однако те лишь разгоняли инфляцию, из-за которой ежегодный рост и оптовых, и потребительских цен достигал поражающих воображение величин[37]. Кроме того, на протяжении всего периода шло накопление внешнего долга. Это происходило за счет получения кредитов от западных стран и международных организаций под проведение реформ. Эффективность этих политических инвестиций оставалась крайне низкой, однако вела к усугублению зависимости страны от иностранных кредиторов.

На фоне социально-экономических проблем в стране начался демографический кризис — резкое падение рождаемости и

рост смертности, который получил название «русского креста», из-за внешнего вида графиков смертности и рождаемости[38]. При этом демографический спад 1990-х ударил по жителям России больнее, чем по многим другим постсоветским государствам. В 1994 году уровень смертности в России превысил 15 единиц на 1000 человек населения, в Узбекистане он составил 6,6 единиц, в Грузии — 8,6, в Армении — 6,6[39].

Как и во всех странах постсоветского пространства, за кризисом следовала острая криминализация общества. С 1990 по 1996 год число зарегистрированных в России преступлений выросло на 42,7%, убийств — на 88%, грабежей — на 45%, разбоев — более чем в два раза. Официальная статистика не вполне отражала реальное число преступлений, так как после распада СССР резко упал уровень доверия к российской милиции, кроме того, остро встала проблема фальсификации отчетности органами МВД[40].

Криминал проникал в общественную жизнь, вытесняя из экономики властные институты и устанавливая над ней свой контроль. В 1997 году МВД зафиксировало деятельность в стране более 12 тыс. организованных групп общей численностью 300 тыс. человек. Широко практиковались заказные убийства, похищения, рэкет. В обиход вошло слово «крыша» — криминальное прикрытие бизнеса, без которой любая коммерческая деятельность казалась невозможной. Особенно острой проблема сращивания преступности и власти встала в Чечне, где установился бандитский режим Д. Дудаева — А. Масхадова, превративший регион в крупнейший криминальный центр и рассадник терроризма, где процветали не только бандитизм и рэкет, но даже работорговля. Только по официальным данным МВД, в 1995 году были похищены и переправлены в Чечню 1289 человек, в 1996-м — 427 человек, в 1997-м — 1140, в 1998 — 1415. Российские журналисты, снимавшие в 1990-е документальный фильм о рынке рабов, созданном боевиками в Урус-Мартане, смогли поименно установить 6379 человек, похищенных и удерживавшихся на контро-

лируемой сепаратистами территории в качестве заложников или подневольных рабочих рук[41].

Сейчас — спустя почти 20 лет — трудно поверить, что когда-то посткоммунистическая РФ была именно такой: мрачной страной, мало похожей на современную Россию, претендующую на статус одной из супердержав и являющуюся центром региональной интеграции. Однако все это было. Я вырос именно в этой стране, и мне запомнились бронетранспортеры на постах ГАИ перед президентскими выборами 1996 года, ларек «Союзпечати», сожженный рэкетирами в минуте ходьбы от дома, случайный рассказ работника милиции из небольшого города в центральной России о всесилии местной ОПГ: «Мы же им говорим — зачем наших сразу убивать? Придите в управление и русским языком скажите, чем недовольны! Договоримся же…». Запомнился липкий страх общества перед бедностью, преступностью, возможной войной и самим будущим. Страх такой стойкий, что в ту пору казалось — иначе и жить нельзя.

Это печальное убеждение едва ли не укрепляли катастрофические события конца 1990-х: дефолт 1998 года, скачок цен, вторжение боевиков в Дагестан и взрывы жилых домов в Москве в 1999 году. Казалось, Россия сползает к новой катастрофе, готовясь повторить судьбу СССР.

Радикальные изменения пришлись на 2000-е годы, когда в стране начался резкий рост национальной экономики. Как писал один из ведущих экспертов МВФ Дэвид Робинсон: «За сравнительно короткое время Россия проложила курс от дефолта и по внешним, и по внутренним платежам, включая выплаты держателям облигаций, компаниям и пенсионерам, — к положению одной из сияющих звезд с очень умеренным уровнем госдолга, несколькими годами сильного роста, бюджетным профицитом и комфортной резервной подушкой»[42].

Взглянем на показатели российской экономики в 2000-е годы, представленные в таблице 5.

Таблица 5. Некоторые экономические показатели развития России в 2000 — 2008 гг.[43]

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
ВВП*, млрд долл.	259,7	306,6	345,1	430,3	591,2	763,7	989,9	1299,7	1660,4
ВВП на душу населения*, тыс. долл.	1,8	2,1	2,4	3,0	4,1	5,3	6,9	9,1	11,6
Отношение совокупного внешнего долга к ВВП, %	68,6	52,1	42,4	35,4	31,5	27,9	27,1	24,1	27,9
Международные резервы, млрд. долл.	28	-	-	-	-	182,2	303,7	478,8	427,1
Коэффициент рождаемости ед. / на 1000 человек	9,8	10,0	10,5	11,1	11,2	11,0	11,4	12,9	13,7
Коэффициент смертности ед. / на 1000 человек	17,1	17,3	18,2	18,4	18,1	18,6	17,4	16,7	16,7
Уровень безработицы, %	10,6	9,0	7,9	8,2	7,8	7,2	7,2	6,1	6,3
Качество питания, ккал / день	2878	2955	3024	3061	3110	3200	3241	3302	3307

* В текущих ценах.

Экономический рост 2000-х поражал воображение и постоянно превосходил даже оптимистические прогнозы. В 2003 году в ежегодном Послании Федеральному Собранию Владимир Путин поставил задачу удвоения ВВП в течение десяти лет. Тогда эта идея вызвала недоверие и множество шуток, связанные со сходством инициалов президента и аббревиатуры валового продукта. Однако, как мы видим из таблицы 5, представленной выше, в реальности уровень удвоенного ВВП 2003-го был преодолен уже в 2006-м — всего через три года.

Государству в России пришлось решать проблему демонтажа «некроэкономики», ликвидации нежизнеспособных компаний, которые тянули на дно всю национальную экономику. Было

принято непростое решение по введению в действие нового закона «О несостоятельности (банкротстве)» (2002 год) и закрытии наиболее нежизнеспособных предприятий рынка, функционирование которых в прошлые годы поддерживалось искусственно. Резко активизировалась работа судов по делам о банкротстве предприятий. В 1996 году таких дел было рассмотрено лишь 1226, а в 2001-м — 10,4 тысячи, в 2003-м — 56,4 тысячи[44]. Несмотря на очевидные социальные риски, властям удалось избежать роста безработицы и падения доходов населения на фоне массовых банкротств «некроэкономических» предприятий. Это достигалось за счет массового развития старых и создания новых производств.

Достигнутые успехи некоторые западные экономисты были склонны даже называть «экономическим чудом»[45]. Действительно, шестикратный рост ВВП, сокращение госдолга более чем в два раза на фоне валютных резервов, выросших на порядок, — впечатляли. Экономика за считаные годы претерпела радикальные изменения, а вместе с ней начали меняться к лучшему самые разные сферы жизни общества. Вместе с ростом производства резко сократилась безработица, выросли доходы населения. Номинальный доход, по данным официальной статистики, в 2002 году составлял менее четырех тысяч рублей, в 2007 — 12,6 тысяч, в 2012 — 25,9 тысяч. Реальные располагаемые доходы с учетом инфляции выросли с 2002 по 2007 годы на 82%, в 2008 — 2012 гг. — еще на 19,3%[46].

Естественно, это привело к снижению уровня бедности. По официальным данным, доля населения, располагающего доходами меньше прожиточного минимума, сократилась с 20,3% в 2003-м до 10,8% в 2013-м. По данным социологических исследований, за тот же период доля людей, чей образ жизни имел признаки бедности (более широкий критерий), сократилась с 66% до 25 — 30%[47]. Кроме того, в России в 2000-е появился массовый «средний класс», к которому исследователи относят 20 — 40% населения и более[48].

Однако все эти цифры мало что говорят с точки зрения обычного восприятия, и мы попытаемся представить, как в ре-

альности под влиянием роста доходов изменилась жизнь людей в России. По данным статистических исследований быта населения, в 2002 году на 100 домашних хозяйств приходилось 10 компьютеров, 30 автомобилей, 77 пылесосов, в 2008 году — 47, 44 и 89 соответственно. По обеспеченности этими предметами длительного пользования Россия сейчас существенно превосходит большинство стран постсоветского пространства, включая Азербайджан, Грузию и Туркменистан.

Резко повышается качество питания. При сокращении расходов средней семьи на продовольствие с 49,4% семейного бюджета в 2000-м до 28% в 2008-м улучшается рацион россиян. По данным ООН, энергетическая ценность дневного питания вырастает с 2,8 тыс. ккал. в 2000-м до 3,4 тыс. в 2007-м. Аналогичная картина наблюдается и по отдельным продуктам. Потребление мяса увеличивается с 39,8 до 60,8 кг в год, молочных продуктов — со 142,8 до 172,6 кг[49].

Хотя многие отказывались верить в такую возможность, России, наконец, удалось преодолеть демографический «русский крест». В 2007 — 2008 гг. численность населения стабилизировалась на отметке 142,8 млн. человек, с 2011 года — начался постепенный рост, в 2013 — 2014 гг. смертность впервые оказалась ниже рождаемости. Кроме прямого воздействия социально-экономического роста на рождаемость и смертность, здесь сказались и специализированные меры демографической политики властей, включая т. н. «материнский капитал» — практиковавшуюся в 2007 — 2014 гг. единовременную выплату за рождение или усыновление семьей второго и любого последующего ребенка. По данным исследования 2010 года, решение завести второго ребенка минимум в 25% случаев было подкреплено именно расчетом на государственную поддержку[50].

Начала решаться и проблема криминала. Например, можно вспомнить о российской «антикриминальной» революции 2000-х. Уровень преступности в России сократился с 2000 по 2010 гг. на 11%. Число убийств сократилось на 51%, краж — на 16%, изнасилований — на 48%[51].

Слабое снижение высоколатентных преступлений связано с тем, что их регистрация была значительно улучшена в ходе преобразований 2006 — 2007 гг. Тогда в системе МВД были внедрены автоматические средства регистрации заявлений и контроля над дежурными сотрудниками, в результате чего в несколько раз возросло число уголовных дел по фактам укрывательства преступлений. До сих пор идут споры, насколько высок уровень латентности преступлений в России в сравнении со странами Запада, однако сам факт описанных выше успехов является несомненным[52].

В результате планомерной политики властей удалось значительно сократить угрозы организованной преступности. После контртеррористической операции в Чечне в регионе был ликвидирован криминальный рынок работорговли и сократился оборот оружия. Резко уменьшилась и террористическая активность — с 135 терактов в 2000-м до 31 подобного преступного деяния в 2013-м. Ликвидированы многие известные российские ОПГ 1990-х: «Ореховская», «Солнцевская», «29 комплекс» и др.

Проблема организованной преступности продолжает существовать, но ее масштабы и социальное влияние сильно сократились. По свидетельствам знакомых автору бизнесменов, необходимость связей с криминалом для ведения легального бизнеса практически исчезла. Активность ОПГ сохраняется преимущественно в сферах, связанных с «теневым бизнесом», ведущимся вне легального поля. В частности, этнические группировки пытаются контролировать бизнес «серых такси» («бомбил» на российском сленге) в крупных городах, где многие водители не имеют легального статуса и сами порой являются мигрантами-нелегалами. МВД довольно жестко пытается противодействовать таким ОПГ, не давая им укрепляться и превращаться в мафиозные кланы. В 2013 году полиция ликвидировала более 600 этнических ОПГ и преступных групп, организованных по этническому или земляческому признаку, арестовав 1,8 тыс. нарушителей закона[53].

Острые дискуссии вызывает вопрос о том, какова природа российского экономического чуда? В какой степени оно зависит

от мировых цен на нефть и насколько стабильными будут российские успехи? Нет сомнения, что добыча и экспорт российских нефтегазовых ресурсов играют важную роль в национальной экономике, однако их значение не стоит преувеличивать.

Взглянем на показатели в таблице 6.

Таблица 6. Некоторые показатели, характеризующие внешнюю торговлю России и роль добычи нефти в экономике России (2000 — 2008)[54].

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Экспорт, млрд. долл.	103,1	100,0	106,7	133,7	181,6	241,5	301,2	351,9	467,6
в т. ч. минеральн. ресурсов	30,5	54,7	58,9	76,6	105	156,4	198,6	228,4	326,3
Импорт, млрд. долл.	33,9	41,9	46,2	57,3	75,6	98,7	137,8	199,8	267,1
Экспорт минеральных ресурсов в ВВП, %	21,4	17,6	16,8	17,8	17,8	20,5	20,1	17,5	19,6
Цена на нефть, долл. /баррель*	28,3	24,1	25	28,9	38,3	54,4	65,4	72,7	92,7
Цена продовольствия, 2000=100%	100	103,6	108,3	114,6	121,9	127,9	135	145,4	165,1

* Среднегодовое значение.

Обычно, характеризуя нефтяную зависимость экономики России, полагаются на высокий показатель корреляции между динамикой российского ВВП в текущих ценах и ценой нефти на международном рынке. Между тем цена на нефть во многом колеблется в результате роста спроса, так как нефтепродукты — важная составляющая технологического уклада. Поэтому рост цен на нефть часто совпадает с ростом самого мирового рынка, а также ростом стоимости других видов товаров. Общий рост цен на многие виды номенклатуры в 2000-е я уже косвенно упоминал выше, а в таблице для сопоставления привожу лишь индекс усредненных мировых цен на продовольствие за тот же период.

Если внимательно изучить представленную динамику российского ВВП и цен на нефть в рассматриваемый промежуток времени, то можно заметить, что в 2000 — 2003 гг. экономика России росла скорее не благодаря, а вопреки ценам на нефть. За первые три года цена на нефть упала на 13%, ВВП в текущих ценах вырос на 32,9%, экспорт нефти за счет наращивания поставок (а не цены) — на 150%. Существенно изменилась сама оценка ВВП в нефтяном выражении: в 2000-м российский ВВП соответствовал 9,2 млрд. баррелей нефти, в 2003-м — 14,9 млрд., в 2007-м — 17,7 млрд.

Становится очевидным, что рост цен на нефть и рост российской экономики — параллельные, но не всегда совпадающие процессы. Нефтедобыча была динамично растущей отраслью промышленности, однако колебания цен не были основным и очевидным стимулом ее роста. Если рассматривать показатель отношения экспорта минеральных ресурсов к ВВП, то мы заметим, что он был значительным, но гораздо меньшим, чем принято полагать. Наконец, анализ статистики также показывает, что нефтяные доходы эксплуатировались страной с большой осторожностью. Вплоть до 2006 — 2007 гг. неминеральный экспорт полностью покрывал импортные поставки, что указывает на использование заметной доли валютной выручки в целях накопления.

Несомненно, благоприятная рыночная конъюнктура способствовала росту экономики России, однако большую роль в «экономическом чуде» играли и другие факторы. В 2000 — 2001 гг. в стране была проведена налоговая реформа, связанная с именем бывшего министра экономического развития Германа Грефа. Тогда была введена единая ставка подоходного налога в 13%, снижен налог на прибыль, введен единый социальный налог. Все эти меры сильно упростили уплату налогов для бизнеса и с технической, и с финансовой точки зрения. В июле 2000 года перед внедрением новой системы налогообложения В.В. Путин провел встречу с представителями крупного бизнеса, в ходе которой, как считается, было достигнуто соглашение о выводе финансов «из тени» при сокращении налоговой нагрузки.

Наведению порядка в экономике способствовали и полицейские меры властей. В частности, можно упомянуть широко известное дело о неуплате налогов компанией «Юкос», которая в результате использования незаконных схем недоплачивала огромные суммы в госбюджет в 2000 — 2003 гг. Следствие также изобличило руководство компании в захвате активов других организаций, мошенничестве и даже организации заказных убийств. Позже оппозиция начала обвинять власть в том, что дело было инициировано в силу наличия политических амбиций «Юкоса» и планов владельцев компании «скупить» национальный парламент, хотя такие трактовки и вызывают серьезные сомнения. Еще в 2005 году вышло резонансное «письмо пятидесяти» известных деятелей культуры, выступавших против политизации дела о неуплате налогов. Авторы обвиняли защитников «Юкоса» в фактических попытках обеспечить крупному капиталу иммунитет от судебного преследования за чисто уголовные преступления[55].

Так или иначе, показательные меры против мошеннических схем и уклонения от налогообложения способствовали легализации российской экономики. Во всяком случае, в 2004 году налогов было собрано на 3,2 трлн рублей — против 2,6 трлн за год до того, т. е. на 23% больше[56].

Но, анализируя экономику, важно понимать, что это, действительно, не только нефть. В 2014 году добывающая промышленность давала 8,7% ВВП, перерабатывающая промышленность — 13,9%. Показатель производства обрабатывающей промышленности с точки зрения статистики — в полтора раза больше всей добывающей отрасли. По сути, это одна из основных статей национального ВВП. Для сравнения — строительство за этот же период составило 5,6% ВВП, сельское хозяйство — 3,6%. Относительно велика доля услуг — более 38% ВВП, однако к ним относятся и транспортная отрасль, и образование, и здравоохранение, и услуги связи[57].

Впрочем, самую высокую долю услуг в ВВП нельзя охарактеризовать как проблему, если она обеспечена адекватным уровнем развития материального производства. В последние 30 лет

в экономиках развитых стран доля услуг часто достигает отметки выше половины валового внутреннего продукта. Например, уже в 1985 году в США доля этой отрасли составляла 66,8%, в Германии — 64%, в Японии — 55,8%, в Корее — 46,5%[58].

Необходимо упомянуть, что к сфере услуг могут быть номинально отнесены два крупнейших российских проекта последних пяти лет. Речь идет о запуске группировки спутников ГЛОНАСС в 2010 году, единственным аналогом которой является американская GPS. Запуск российской системы глобального позиционирования является существенным прорывом на фоне менее удачных попыток других мировых игроков (акторов). Попытки запустить аналогичные системы предпринимают ЕС (проект «Галилео»), Китай («Бэйдоу») и Индия (IRNSS), однако на момент написания этих строк ни одна из них еще не начала свою работу.

Успехи России в данном направлении были ожидаемы хотя бы в силу того, что страна является постоянным лидером по числу космических запусков. Например, в 2014 году Роскосмосом было произведено 36 пусков (около 38% от общего числа запусков мире) против 20 у США и 16 у Китая[59]. В результате именно Россия преимущественно занимается транспортным обеспечением Международной космической станции с интернациональным экипажем.

Но вернемся к ГЛОНАСС, которая, кроме очевидных военных функций, имеет большое экономическое значение. В частности, планируется на ее основе запустить систему реагирования на ДТП ЭРА, действующую в странах ЕАЭС. Мониторинг автомобильных аварий, ведущийся с помощью системы, должен сократить их летальность и повысить скорость реагирования экстренных служб[60]. В 2016 — 2017 гг. терминалы ЭРА планируется установить на все транспортные средства на территории ЕАЭС. Кроме того, проект может служить основной для создания независимой коммерческой системы автонавигации, дистанционной диагностики и борьбы с угонами.

Также к сфере услуг может быть отнесен многомиллиардный проект, связанный с проведением Олимпийских игр 2014 года в Сочи (Краснодарский край). Проект оказался, пожалуй, фено-

менально удачным для России, причем не только с информационной и спортивной стороны (Россия впервые за долгие годы одержала победу в неформальном медальном зачете), но также по финансовым показателям. По официальным данным, государству удалось не только добиться окупаемости Олимпиады, но и завершить ее с превышением доходов над расходами в 800 млн рублей[61]. В эту статистику не входят данные о расходах на развитие инфраструктуры города, однако и они окупаются за счет резкого увеличения туристического потока в город.

В сезон 2014 года число туристов, посетивших Сочи, выросло на 30% в сравнении с предыдущими годами и составило около 5 млн человек, впервые за долгое время оказались заполнены все городские отели. Судя по всему, несмотря на экономические проблемы, аналогичный ажиотаж ожидается и в 2015-м: во многих крупных отелях уже к марту были забронированы все номера на летний сезон, туроператоры прогнозируют рост общего потока туристов по региону в 25 — 30% в течение года[62].

В первое десятилетие XXI века в России поступательно развивалось и реальное производство, в т. ч. нефтяной сектор. Во многом этому способствуют большие капиталовложения в промышленность, начавшиеся в 2000-е. Именно в этот период было завершено строительства ряда крупных энергетических объектов, включая Волгодонскую АЭС, Загорскую ГАЭС и Зейскую ГЭС. Кроме того, к числу крупных проектов того периода относятся автомобильный завод «Форд» во Всеволжске, новый Волгореченский трубный завод, порт Приморск. Кроме завершения принципиально новых строек, тогда же производилось переоснащение и расширение массы действующих промышленных комплексов, включая техническое перевооружение Магнитогорского металлургического комбината («Магнитки») в 2000 — 2002 гг. Все эти объекты внесли существенный вклад в наполнение ВВП страны и во внешнюю торговлю.

С 2000 по 2013 год на 250% вырос экспорт товаров, не связанных с нефтью и газом, к концу этого периода его величина достигла 176 млрд долларов, экспорт машин и оборудования вырос с 9 до 28 млрд (на 201%). На 2014 год Россия находилась на

первом месте в мире по экспорту вооружений и занимала третье место по экспорту программного обеспечения (после Индии и Китая)[63].

Большим спросом на международном рынке пользуется российское оборудование для электростанций, включая гидротурбины. Поступает много заказов из-за рубежа на строительство АЭС. По данным Росатома, портфель зарубежных проектов вырос за 2012 —2015 гг. в три раза[64]. Постепенно Россия возвращается и на международный рынок гражданской авиации: к числу наиболее перспективных отечественных моделей сейчас относят ближнемагистральный пассажирский самолёт «Sukhoi Superjet 100».

Международный успех демонстрируют и менее масштабные проекты. В 2013 году российская обувная компания «Ralf Ringer», основанная в 1995-м семьей Бережных, открыла сеть магазинов в Австрии. Холдинг «Швабе» (корпорация «Ростех») с 2014-го поставляет неонатальное оборудование в клиники Швейцарии, а также в медицинские учреждения более 90 стран мира. Свердловский ЕВРАЗ поставляет в Турцию колеса для грузовых вагонов и железнодорожные рельсы на Кубу, а подмосковный «Энергомаш» — ракетные двигатели в США. Перечень российских экспортных сделок, естественно, не исчерпывается приведенными примерами и постоянно расширяется.

Кроме развития изначально российских производств в страну вводятся иностранные промышленные мощности. В частности, быстро растет производство в России иностранных марок автомобилей: сейчас на территории страны действуют заводы «Форда», «Фольксвагена», «Рено», «Тойоты», «Хендай» и «Митсубиси». В 2007 году на территории страны автомобилей этих марок выпускалось около 290 тыс. единиц, а в 2012 выпуск достиг 1,22 млн.

Причем речь не идет о чисто «отверточной сборке», такие коммерческие хитрости, направленные на «оптимизацию» налоговой базы, уже вряд ли возможны в современном мире, по крайней мере, с такими государствами, как Россия. В 2000-е заключаемые контракты предусматривали локализацию в стране

не менее 30% производства, более поздние договоренности — до 60%, причем во многих случаях речь идет именно о выпуске двигателей и коробок передач на территории страны[65].

В период после кризиса 2009 года ситуация в экономике России осложнилась, но ее рост остался весьма значительным.

Таблица 7. ВВП России в 2009 — 2014 гг.[66]

	2009	2010	2011	2012	2013	2014*
ВВП, трлн. рублей	38,8	46,3	56	62,2	66,2	71
ВВП, трлн. долл.	1,2	1,5	1,9	2	2,1	2,1
ВВП на душу населения, тыс. долл.	8,6	10,7	13,3	14,1	14,6	14,3
Коэффициент рождаемости ед. / на 1000 человек	13,9	14,0	14,1	14,7	14,5	13,3
Коэффициент смертности ед. / на 1000 человек	16,3	16,1	15,2	14,8	14,5	13,1

* Предварительные данные. С 2014 года статистика с учетом Крыма и Севастополя.

После падения ВВП в 2009 году, вызванного мировым кризисом, в стране начинается бурный восстановительный рост. За два следующих года (по состоянию на 2011 год) рост ВВП России составил 55,8% (!) в долларовом выражении. Это был один из самых высоких показателей среди развитых стран того периода. Так, восстановительный рост ВВП США составил 7,6%, Франции — 6,1%, Великобритании — 11,2%. Даже рост ВВП Китая, чью экономическую мощь многие оценивают чрезвычайно высоко, составил 43,3%. Много, но меньше, чем в России.

Рост затормозился только в 2013 году, когда Россия столкнулась с проблемой резкого опережения экономики ЕС — на тот момент одного из ключевых торговых партнеров и рынка сбыта многих видов продукции. Очевидным образом проблемы Европы, реальная рецессия и падение платежеспособного спроса ограничивали и возможности роста производства в России, которая сталкивалась с проблемами сбыта. Конфликт России с Западом в 2014 — 2015 гг. усугубил ситуацию, в связи с чем Россия

все больше переориентируется на другие рынки сбыта — «в обход» переживающей затяжную стагнацию экономики ЕС.

Впрочем, несмотря на кризис в стране продолжает развиваться несырьевое производство. Только в 2014 году, по данным открытых источников, в России было введено в эксплуатацию более 114 построенных «с нуля» промышленных объектов[67].

Для увеличения числа открываемых предприятий в последние годы власти делают ставку на облегчение условий ведения бизнеса, снятия избыточных административных барьеров, которые мешают открытию новых проектов. Успехи в этой области несомненны: по данным Всемирного Банка, за четыре года страна поднялась во всемирном рейтинге ведения бизнеса с 120 до 64 места, а по скорости регистрации прав собственности — вошла мировую двадцатку лидеров[68].

В последние годы отмечается появление новых высокотехнологичных инноваций в разных областях. В 2013 году начала работу первая в мире арктическая морская нефтедобывающая платформа. Можно упомянуть создание микросхемы биСКВИД из сверхпроводящего материала группой ученых МГУ и НИИ Ядерной физики[69]. В сфере биотехнологий можно выделить создание первого в России 3D биопринтера, на котором в 2014 году была произведена печать пригодной для пересадки щитовидной железы[70]. И это лишь некоторые примеры уникальных технологичных проектов, реализуемых сегодня на российской производственной базе российскими же специалистами.

Конечно, в экономическом развитии хватает и своих проблем. В их числе высокая зависимость от европейских рынков сбыта, нехватка высококвалифицированных рабочих кадров, проблемы производства многих жизненно важных лекарств внутри страны, недостатки развития российского кредитного рынка.

Проблемой также являются последствия распада советских хозяйственных цепочек, что заставляет тратить дополнительные ресурсы для компенсации потери связей с традиционными партнерами. В частности, после распада Советского Союза Россия лишилась стабильного доступа к большинству крупных морских

портов, оставшихся в союзных республиках. Стране пришлось проделать большую работу, чтобы нарастить до необходимого уровня емкость портов на своей территории. В принципе, эта задача была успешно решена: к 2011 году совокупная мощность портов РФ превысила перевалку в морских портах СССР[71]. Однако если бы эти связи были сохранены и восстановлены, то российской экономике, возможно, удалось бы избежать многих дополнительных инфраструктурных затрат.

Восстановление в полном объеме экономических связей с бывшими советскими республиками позволило бы возобновить работу многих мощностей, «выключенных» из-за потери рынков сбыта или поставщиков сырья и комплектующих. Кроме того, Москва заинтересована в укрупнении рынка, на котором действует национальный бизнес, так как — вполне в духе диалектики — количественный рост в определенный момент приводит к качественным улучшениям. Экономическое пространство с большей емкостью становится более привлекательным для иностранных инвесторов, вклады которых ведут к росту производства и национальных богатств.

Историческая близость постсоветских государств, наличие общего языка и культурного кода, взаимная совместимость и даже «дополняемость» экономик позволяют избежать проблем и негативных эффектов, возникающих при реализации крупных интеграционных проектов. Поэтому ЕАЭС воспринимается Россией как еще одна возможность по ускорению и облегчению экономического развития, которой было бы странно не воспользоваться.

3.1. Стандарты жизни

Зачастую при обсуждении проектов евразийской интеграции экономику, которая, собственно, составляет их основу, загораживают вопросы политики и идеологии. Вопрос о выгодности экономического союза для его участников подменяется спорами о том, насколько хороша или плоха модель общества и государства, которая существует в современной России. Нередко это

связано с вполне объяснимым противодействием идее ЕАЭС со стороны ряда западных стран, абсолютно не заинтересованных в его превращении в самостоятельный полюс силы и рассматривающих постсоветское пространство как объект собственных интересов. Однако, удовлетворяя вполне понятное любопытство читателя, мы все же постараемся коротко обсудить условия жизни в современной России вне экономического аспекта.

Анализу сравнительного уровня жизни России можно посвятить отдельную книгу, поэтому здесь я ограничусь небольшой выборкой различных статистических показателей в России и развитых странах Запада, включая Соединенные Штаты (таблица 8).

Таблица 8. Некоторые индикаторы уровня жизни России и стран Запада[72].

	Россия	США	Великобритания	Франция	Германия
Коэффициент рождаемости ед. / на 1000 человек	14,5,	12,7	12,8	12,5	8,2
Коэффициент смертности ед. / на 1000 человек	14,5	8,1	8,9	8,8	10,5
Пищевой рацион, ккал / день	3358	3600	3414	3524	3539
из них: -животные продукты	806	995	989	1180	1093
Мобильных телефонов, единиц / 100 человек	158,4	95,5	124,6	98,5	120,9
Доля пользователей интернета в населении, %	61,4	84,2	89,8	81,9	84
Телевизоров на 100 домохозяйств	174	280	-	149	140

Как видно из приведенных данных, по одним показателям Россия примыкает к другим перечисленным странам или даже обгоняет их, а по другим — отстает. Доступ к бытовой технике примерно одинаков везде, а по распространению мобильной связи — РФ входит в число мировых лидеров. В России сохраняется средняя — по меркам «первого мира» — рождаемость, однако смертность остается аномально высокой. На уровень естественного прироста населения страна вышла лишь недавно,

хотя, как видно из приведенных данных, с проблемой естественной убыли сталкивалась, например, и Германия. Питание россиян незначительно отстает от западных стандартов по пропорции животной пищи в рационе, однако это отличие не является критическим для здоровья населения.

В целом можно констатировать, что Россия движется к западным стандартам уровня жизни, а в чем-то уже их достигла. Некоторые сравнения показателей уровня жизни в других странах ЕАЭС будут приведены ниже в соответствующих главах, однако, забегая вперед, можно сказать, что сейчас для российских граждан характерен наиболее высокий уровень благосостояния на территории бывшего СССР.

Возникает вопрос о том, как на фоне растущего благосостояния обстоит дело с уровнем бытовых и политических свобод? На постсоветском пространстве после распада СССР и кризиса 1990-х слова «свобода» и «благосостояние» во многом воспринимаются как противоречащие друг другу. Наиболее успешным странам бывшего СССР — России, Беларуси и Казахстану — противники даже придумали оскорбительное название «клуб диктатур». Ситуацию со свободами в своих странах, думаю, лучше могут прокомментировать белорусские и казахские авторы, так что ограничусь краткой справкой о России.

Видимо, ключевой свободой в современном обществе можно считать свободу информации, включающую бытовую свободу слова, а также печати, поиска информации и формирования на ее основе своих взглядов. Эта совокупность свобод делает возможной политическую активность общества, не говоря уже о доступности удовлетворения естественной человеческой потребности в знаниях.

В современном мире основной источник новостей — телевидение. Это обусловлено рядом особенностей этого вида СМИ: одновременное присутствие визуальной и звуковой информации, широкая географическая доступность, часто высокий уровень квалификации работников — от журналистов до оформителей. Если оппозиционная или критическая точка зрения пред-

ставлены в телеэфире, то доступ к ней широких слоев населения не слишком затруднен.

Определить доступность разных телевизионных каналов в России довольно просто, так как есть два т. н. «мультиплекса» — перечня телеканалов обязательной доступности, определенного президентским указом, — известных, как РТРС-1 и РТРС-2 (всего около 20 каналов). Власти на местах обязаны обеспечить доступ аудитории всех кабельных и спутниковых сетей вещания в России к этим СМИ.

Вряд ли имеет смысл подробно анализировать всю сетку передачи РТРС-телеканалов, поэтому попытаемся проследить присутствие оппозиции в эфире на примере одного популярного политического шоу. На «России-1» в 2010 — 2014 гг. выпускалась передача «Поединок» (ранее в том же формате шла под названием «К барьеру» на НТВ), представляющая собой дебаты между политиками-антагонистами. Полемика имела острый и агрессивный, но длительный характер, так что каждый из участников получал возможность подробно осветить свою позицию.

Из опубликованного списка участников дебатов можно выделить 36 человек, участвовавших в шоу два и более раз, из числа известных в российском обществе лиц. В общей сложности их появления составили 206 визитов, причем в их числе можно выделить явно непропорциональное присутствие представителей российской внесистемной оппозиции. Всего восемь представителей либеральных внепарламентских оппозиционных групп заняли 24,2% всей выборки (всего 50 визитов). Например, за время существования шоу в нем 12 раз выступал Л. Гозман, девять раз — И. Хакамада, семь раз — С. Митрохин, пять раз — М. Прохоров, четыре раза — М. Гельман, три раза — Б. Надеждин. Для сравнения: сторонники действующей власти появлялись в эфире гораздо реже (шесть человек и 12,1% визитов). В программе заметное число раз мелькали только член партии «Единая Россия» С. Железняк (четыре раза) и Н. Михалков (столько же), но в большей степени не как доверенное лицо Президента, а как кинорежиссер. Во многих эфирах точка зрения правящей партии

не звучала вообще, а шел спор парламентской и внепарламентской оппозиции[73].

Кроме «общеполитических» передач, канал «Рен-ТВ» (РТРС-2) одиннадцать лет представлял в т. н. «прайм-тайм» крупную политико-аналитическую передачу «Неделя с Марианной Максимовской»[74]. Многие оппозиционеры стали известны широкой публике исключительно благодаря этой программе. Например, именно она дала «путевку в жизнь» известному активисту А. Навальному и освещала суд над участниками беспорядков в 2012 году (т.н. «болотное дело»). Тем не менее о каком-либо давлении на проект не было даже слухов.

Ряд других известных телепередач не занимаются прямой «рекламой» оппозиции, однако распространяют критическую информацию о происходящем в стране. На петербургском «Пятом канале» (РТРС-1) представлена программа А. Караулова «Момент истины», посвященная преимущественно проблемам коррупции, связям представителей власти с криминалом и должностным преступлениям. Это — одно из наиболее скандальных политических шоу, в котором материал подается так, чтобы нагнетать у слушателя эмоции, возмущение и страх. Обычные объекты разоблачений — политики от руководства регионов до первых лиц государства. Один мой знакомый оценивал это шоу следующей сентенцией: «После Караулова хочется идти стреляться или всех стрелять».

Можно выделить СМИ, настроенные целиком критически к власти и ее политическому курсу. Это и канал «РБК» (месячная аудитория до десяти млн. человек), русскоязычная версия канала «Евроньюс», радиостанция «Эхо Москвы» и телеканал «Дождь», продолжающий работать несмотря на полную коммерческую неудачу проекта. Кстати, стоит заметить, что если «РБК», «Евроньюс» или «Дождь» принадлежат представителям частного и оппозиционно настроенного бизнеса, то «Эхо» — собственность госкомпании «Газпром-Медиа» (как и упоминавшийся «Рен-ТВ»), что не мешает радиостанции оставаться одним из наиболее одиозных оппозиционных СМИ страны.

Кроме телевидения, население России имеет широчайший доступ к другим видам средств массовой информации. Как я уже писал выше, уровень доступа населения к Интернету превышает 60%, что даёт массу возможностей искать информацию и там. Например, крупнейший отечественный интернет-портал «Яндекс» представляет новостной сервис «Яндекс. Новости» с месячной аудиторией более 20 млн. человек, чему может позавидовать большинство действующих телеканалов. Сервис в автоматическом режиме собирает информацию с сайтов СМИ, представленных в Интернете, и формирует множество заголовков и кратких сводок новостных сообщений. Однако многие отмечают, что у «Яндекса» явно существует редакционная политика в вопросе отбора новостей и помещения их в так называемый «топ», то есть в группу наиболее популярных заголовков, цитируемых на главной странице сайта. Причем отмечается явная тенденция к «раскрутке» информационных сообщений, критически освещающих российскую политику, провоцирующих негативный общественный резонанс и привлекающих внимание к деятельности нашей внесистемной оппозиции и других критиков российской власти[75]. Существует мнение, что аналогичным образом устроены и «топы» всех остальных официально представленных в России Интернет-поисковиков: Mail.ru, Rambler, Google и Yahoo.

В русскоязычном Интернете и периодической печати существует довольно много ярко выраженных оппозиционных и, скажем так, «не пророссийских» СМИ. Это прослеживается даже на примере таких болезненных для общественного сознания России вопросов, как воссоединение с Крымом и конфликт с официальным Киевом, вернее, режимом, пришедшим к власти на Украине после свержения президента Виктора Януковича. Центр «Полит-Онлайн» составил рейтинг русскоязычных СМИ, занимающих негативную по отношению к России позицию по этим вопросам на основе анализа текстов их сообщений и аналитических материалов. Исследователи выделили 20 подобных изданий, среди которых немало крупных медиаресурсов федерального уровня: «Коммерсант», «Ведомости», «Новая Газета» (сейчас, выходящая в электронном виде) и «Русский журнал»[76].

Оставляя за скобками оценочную характеристику «антироссийской» позиции указанных СМИ, замечу, что многие материалы можно смело назвать гиперкритическими и несдержанными. Например, в период кризиса в Крыму «Ведомости» прославились скандальным материалом, где сравнили Россию с фашистской Германией и обвинили в агрессии против Украины[77]. Насколько этичны такие печатные эскапады — вопрос спорный, однако существование свободы слова и убеждений приводит к тому, что и такие материалы вполне могут появляться в российской прессе.

Мой опыт показывает, что такая ситуация плохо понятна представителями других постсоветских государств, в том числе вполне демократических. В частности, людям бывает удивительно, что «Коммерсант», который принадлежит бизнесмену А. Усманову, может публиковать критические материалы относительно власти, а его владелец при этом — входить в совет по проведению XXII Олимпийских игр. Между тем это итог довольно высокой толерантности власти к оппозиционной деятельности. Причем она проявляется и на уровне отношения к критике в печати, и в электоральном процессе.

На федеральном уровне экспансия оппозиции сильно сдерживается высоким уровнем поддержки Президента и правящей партии. К марту 2015 года президентский рейтинг В.В. Путина достигал 74% (данные ФОМ), что автоматически сужало пространство для маневра оппозиционных сил. Однако на региональном уровне, где поддержка электората менее консолидирована, оппозиция вполне имеет шансы «взять власть».

В частности, в ходе электорального цикла 2013 года оппозиционные кандидаты заняли посты мэра в ряде крупных городов. В частности, Г. Ширшина (внепарламентская партия «Яблоко») стала мэром Петрозаводска, победив кандидата от «Единой России»; Е. Ройзман (внепарламентская «Гражданская платформа») — мэром Екатеринбурга. В 2014 году выборы мэра Новосибирска выиграл А. Локоть — кандидат от КПРФ. Есть многочисленные примеры побед оппозиционных кандидатов в городах районного значения и сельских муниципалитетах по всей России.

Следует подчеркнуть, что победившие политические фигуры далеко не пассивны. Например, Ройзман известен своими тесными контактами с внесистемной оппозицией и публичными выступлениями против российской политики на Украине[78]. Однако это нисколько не мешает ему сохранять свой пост.

Присутствие во власти представителей оппозиции можно заметить и на невыборных должностях. Например, оппозицию поддерживает Н. Белых, занимающий пост губернатора Кировской области с 2009 года, несмотря на то, что в 2011 году замечен в участии в т. н. «антивыборном протесте» оппозиции, требовавшей отставки Президента и пересмотра результатов выборов в Госдуму[79]. С. Кириенко, выходец из либеральной оппозиции (один из лидеров партии СПС, созданной в 1999 году), с 2005 года руководит атомной промышленностью России (с 2007 года в ранге директора государственной корпорации «Росатом»).

Вопреки стереотипам западной прессы толерантное отношение российской власти к оппозиции проявляется даже в мелочах, в том числе при проведении массовых акций. В частности, в процессе подготовки знаменитого оппозиционного митинга на Болотной площади 10 декабря 2011 года власти Москвы выделили оппозиционерам автобусы для перевозки участников[80]. Само проведение в России оппозиционных акций, часто сопровождающихся радикальными и откровенно грубыми выступлениями против руководства страны, в том числе в столице, кажется некоторым противоречием с обвинениями в адрес тех же властей в «диктатуре».

Однако столь демонстративная терпимость к оппозиционной деятельности в России играет довольно важную роль, так как позволяет поддерживать развитие гражданского общества и контроль над властью на местах. В частности, такой контроль очевидно необходим в рамках борьбы с коррупцией.

В этой области есть определённые успехи, во многом благодаря проведению антикоррупционной кампании в конце 2000-х. По данным опросов, в 2008 году около трети населения (35%) признавались, что в течение последних двух лет давали взятку должностному лицу. В 2011 году доля респондентов с коррупци-

онным опытом упала до 15%. Резкое снижение коррупции в России в этот период подтвердило, в частности, известное агентство «Ernst & Young»[81].

Автор этих строк давно работает в Москве, которая считается одним из наиболее «коррупционных» регионов России, и должен сказать, что в последние семь — восемь лет в этом отношении действительно многое изменилось. Уже много лет мне не приходилось слышать жалоб на мздоимство автоинспекции, которое когда-то казалось неискоренимым. Во многих московских медицинских учреждениях попытка дать взятку — лучший способ нарваться на скандал. Снижению коррупции в какой-то мере способствует рост окладов чиновников и система «электронных приёмных» во многих органах власти, куда любой гражданин может быстро и свободно отправить жалобу на любого чиновника. По личному опыту автора и его коллег система работает очень эффективно на уровне многих регионов страны.

Гораздо более остро пока стоит проблема коррупции в сфере бизнеса[82], но её характер за последние годы также поменялся. По наблюдениям автора, сокращается число случаев прямого вымогательства со стороны госслужащих, что составляло огромную проблему 10 — 15 лет назад. Это во многом является следствием принятия Федерального Закона № 294 от 2008 года, ограничивающего число проверок бизнеса контрольными органами.

Современная коррупция в значительной мере представляет собой именно взятки чиновникам различного уровня за получение тех или иных преференций, которые вследствие сговора и взаимной заинтересованности всех участников бывает сложно обнаружить. Частично решению этой проблемы способствует введение прозрачной системы госзакупок, в том числе с использованием различных Интернет-ресурсов для размещения заявок и проведения аукционов. В целом, по оценкам «Национальной ассоциации участников электронной торговли», прозрачность государственных закупок стабильно растёт: в настоящий момент подавляющее большинство сделок проводится по прозрачным процедурам[83].

Эта система открывает широкие возможности для гражданского мониторинга. Наиболее успешная инициатива в этой области — проект Объединенного народного фронта «За честные закупки», примерно за год работы которого было предотвращено более 200 невыгодных крупных сделок на сумму более 148 млрд. рублей[84].

Существуют и другие аналогичные инициативы, включая проект российской внесистемной оппозиции «Роспил», который пользуется неоднозначной репутацией из-за коррупционного прошлого его основателя А. Навального.

Высокая общественная активность в России характерна не только для борьбы с коррупцией, но и для множества других сфер общественной жизни. Рост экономики и уровня жизни привел к тому, что у людей появились свободные финансовые и временные ресурсы, которые они могут тратить в интересах общества.

В результате в России происходит всплеск интереса к волонтёрской и общественно-политической деятельности. По данным международной организации «Charities Aid Foundation», в 2013 году 18% (22 млн.) россиян участвовали на бесплатной основе в общественной и благотворительной работе, более 40 млн. человек участвовали в благотворительности частным образом. Например, помогали бедным, лицам с ограниченными возможностями, ребятам из детдомов и бездомным животным. Причем по абсолютной численности волонтёров и благопожертвователей РФ вошла в первую десятку стран мира[85], во многом благодаря активному и постоянному проведению благотворительных кампаний с привлечением ведущих СМИ и первых лиц государства, известных деятелей культуры и т. д. По данным российских исследователей (опрос 2011 года), 53% россиян минимум один раз за предыдущие три года участвовали в волонтёрской деятельности[86].

Иностранные издания и российская либеральная пресса часто изображают некую «загонную охоту» власти против НКО (некоммерческих организаций). Вопреки стереотипам этот сектор в России успешно развивается, чему способствует активная

государственная поддержка. На гранты для НКО в 2014 году из федерального бюджета было выделено 2,7 млрд. рублей[87].

Благодаря высокой общественной активности в стране действует масса гражданских объединений, включая благотворительные проекты. В общей сложности их зарегистрировано более 1600. К числу наиболее популярных относятся организации, занимающиеся поддержкой тяжелобольных детей: Фонд «Подари жизнь» (Ч. Хаматова) «Благотворительный фонд К. Хабенского», «Справедливая помощь» (Е. Глинка).

Есть и другие примеры общественных организаций. В частности, сеть неформальных объединений «Город без наркотиков» (Москва, Екатеринбург, Нижний Тагил) занимается содействием розыску и изобличению наркоторговцев. Выросшее из среды активистов проправительственного движения «Наши» общественное объединение «Хрюши — против» занимается борьбой с недоброкачественными продуктами в торговых сетях. Объединение зоозащитников «Вита» известно тем, что добилось внедрения в Москве действовавшей в течение нескольких лет программы по стерилизации бездомных собак вместо их уничтожения.

Второе дыхание в 2000-е годы в России получила правозащитная деятельность. Причем к ней примкнули люди, не связанные с «миром» старых НКО и традиционными правозащитными организациями, репутация которых в российском обществе очень неоднозначна. Чаще всего такие объединения развивались в результате реакции общественности на какой-либо случай нарушения прав: люди самостоятельно координировались через Интернет и проводили коллективные акции, после чего нередко происходило формирование некоммерческой организации, занятой мониторингом и консультационной поддержкой жертв аналогичных ситуаций.

Активна и религиозная жизнь. С 2005 по 2013 год число зарегистрированных религиозных общин выросло на 15%. В первую очередь, растёт число общин традиционных для России религий: православия (+22,6%), ислама (+27,3%), буддизма (+19,8%), а также иудейских общин. Следует отметить, что большой критике с их стороны подвергается «либерализм» российских властей

в вопросах религии, так как в стране легально действует ряд зарубежных религиозных сект, пользующихся репутацией деструктивных: «Свидетели Иеговы», «Сайентологическая церковь», «Церковь объединения» («муниты») и т.д.[88]. Впрочем, отказ от запретов в религиозной жизни имеет и свои плюсы.

Изменилось отношение людей к самим себе, более здоровым стал и образ жизни. В 2008 — 2013 гг. употребление алкоголя на душу населения в России сократилось с 16,2 до 11,6 литров. До 41,6% выросла доля взрослого населения, не употребляющего алкоголь. Доля курящего населения сократилась с 41% (2009 г.) до 35% (2014 г.)[89]. В какой-то степени эти достижения поспособствовали и тому росту населения, о котором я писал выше.

При этом, по данным официальной статистики, 29,3% взрослых россиян регулярно занимаются физкультурой и спортом (против 20% несколько лет назад)[90]. Могу лично подтвердить, что за последние десять лет ситуация действительно сильно изменилась: в городах выстроено огромное количество дворовых спортплощадок, которые редко можно увидеть пустующими. Вечерами можно увидеть людей разных возрастов, играющих во дворе в футбол или баскетбол, занимающихся на уличных тренажерах и снарядах.

Конечно, все эти перемены происходят не сами собой. Сказывается экономический рост, повышение достатка, государственные программы, направленные на оздоровление населения (антитабачная кампания «Курение убивает», ужесточение условий продажи спиртных напитков, сокращение рекламы алкоголя и табака, возрождение системы ГТО). В конце концов, из общества исчезает страх перед будущим, реакцией на который становится злоупотребление алкоголем.

Изменение ритма жизни позволяет россиянам больше внимания уделять не только себе и окружающему обществу, но и образованию подрастающего поколения. По итогам последних международных тестов школьников TIMSS и PIRLS (2011 г.) российские учащиеся показали один из самых высоких в мире уровней подготовки по математике, естественным наукам, а также по качеству навыков чтения. Хотя восемь лет назад, в 2003-м, ре-

зультаты российских участников тестирования были достаточно скромными[91].

Причем к числу причин успехов школьников из России относится не только и не столько искусство педагогов, но одно из лучших в мире домашнее обучение, а также сравнительно высокие показатели наличия книг в доме[92]. Кстати, больше и лучше читают не только дети, но и взрослые. По данным социологических опросов, интенсивность чтения и доля семей, имеющих домашнюю библиотеку, постепенно растут в течение последних лет[93].

Я пишу об этих фактах во многом из-за того, что российская пресса зачастую охотнее рассказывает о проблемах и недостатках, чем об успехах. Это обусловлено и желанием привлечь подписчика острыми, притягивающими внимание фактами, и специфическим подходом к обсуждению и анализу современных проблем. Но из-за этого внешний наблюдатель, поверхностно знакомый с условиями жизни в России, вряд ли может представить себе масштаб перемен последних лет. В то же время западные СМИ слишком охотно рисуют карикатурный образ Российской Федерации, который является смешением отрицательных черт СССР и России 1990-х.

В этой главе на основе объективных фактов и данных статистики я попытался восполнить этот пробел, показать некоторые изменения российского общества последних лет и дать объективную и современную информацию о стандартах жизни в Российской Федерации.

4. «РОССИЙСКАЯ МЕЧТА», ИММИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ

Прежде чем перейти к последовательному изучению перспектив вступления в ЕАЭС экономик каждой из стран-участниц, остановимся на общем для всех аспекте — сокращении миграционных барьеров. Из-за неравномерного экономического развития республик бывшего СССР большинство из них выступают в роли доноров рабочей силы и в рамках постсоветского пространства, и на мировых рынках.

Для многих регионов, включая Южный Кавказ и Среднюю Азию, была характерна миграция с юга на север, которая иногда осуществлялась даже в рамках одной страны. Например, переселение из южного Кыргызстана в Бишкек и северные области, из республик Северного Кавказа — в Центральную Россию и т.д.[94]. Однако основной тенденцией последних лет стало перемещение масс мигрантов из родных республик в Россию и Казахстан.

Россия сегодня является, пожалуй, основным местом устремления трудовых мигрантов из большинства стран СНГ. Исторически наша страна столкнулась с несколькими волнами иммиграции из государств ближнего зарубежья. Из их числа я бы выделил поток 1990-х, когда многих из приезжающих можно было охарактеризовать как «беженцев».

Основной причиной бегства были войны и конфликты, создававшие непосредственную угрозу жизни сотен тысяч людей. Кроме того, агрессивный курс на «нацификацию» некоторых постсоветских правительств привел к массовому отъезду в Россию русскоязычного населения. В 1991 — 2001 гг. в страну из-за рубежа въехало 7,2 млн. человек, а миграционный прирост населения составил более 3,4 млн. Более половины иммигрантов прибыло в Россию в 1991 — 1995 гг., причем в том потоке был

достаточно велик процент русскоязычных переселенцев — в некоторые годы он достигал 30 — 50%[95].

Резкое падение уровня жизни в недавно получивших независимость государствах также толкало людей на непростое решение о переезде. Ошибкой было бы идеализировать жизнь постсоветской России того периода, но многие выходцы из ближнего зарубежья в это время видели свой шанс на лучшую жизнь именно в эмиграции в Россию.

Сейчас — после преодоления кризиса — иммиграция в Россию и Казахстан из других республик продолжается, хотя все чаще носит «гостевой» характер, что связано с приездом на кратковременные заработки с обязательным возвращением в течение года домой.

К концу 2000-х годов изменился и состав миграционного потока, доля в котором молодых людей в возрасте до 29 лет достигла 40%. Они получали среднее образование в основном уже после распада СССР — в период кризиса постсоветских образовательных систем. В результате повысился языковой и культурный барьер между приезжими и местными. Около 50% трудовых мигрантов сталкивались с ним при заполнении документов, на работе и в быту. Доля неквалифицированных работников в общей массе мигрантов превысила 35%, а среди молодежи — 51%[96].

В целом современная генерация мигрантов может считаться более проблемной, чем предыдущая. Это выходцы из сел и маленьких городов, с низким уровнем общего образования и профессиональной подготовки, которым часто трудно адаптироваться к городской среде. Здесь возникают и чисто бытовые проблемы, увеличиваются риски пополнения приезжими социального дна и криминальной среды. Подчеркну, что здесь нет национального аспекта. Насколько мне известно, подобный контингент неквалифицированных мигрантов считается проблемным и у себя на родине.

Так или иначе, неквалифицированные сезонные мигранты часто не отвечают потребностям России в рабочей силе. В результате власти проводят политику реструктурирования в рамках программы переселения соотечественников, запущенной в

1999 году. К началу 2015 года заявки на участие в программе подали 248,8 тыс. выходцев из иностранных государств (с членами семей — 558,4 тыс.), из них 164,3 тыс. (с членами семей — 355,1 тыс.) были включены в программу[97].

Следует отметить, что организованная и неорганизованная трудовая миграция создаёт довольно большие проблемы для стран-доноров, так как ведёт к «вымыванию» квалифицированной рабочей силы. Например, к концу 2000-х годов во многих районах южного Кыргызстана возникла проблема тотальной нехватки медицинского персонала и учителей средней школы. «Некому, например, делать прививки, остро не хватает медперсонала в роддомах», — отмечается в одном из исследований[98].

Примерную численность трудовых мигрантов, находящихся в России, можно оценить на основе статистики пребывания иностранных граждан на территории страны.

Таблица 9. Численность граждан стран СНГ и Грузии в России и статистика денежных переводов нерезидентов РФ в указанные страны[99].

Страна	Численность, чел.*	Переводы, млн. долл.**
Абхазия	8552	н/д
Азербайджан	562887	603
Армения	484892	729
Беларусь	529953	94
Грузия	31076	221
Казахстан	626594	210
Кыргызстан	523221	1195
Молдова	557592	860
Таджикистан	963489	3009
Туркменистан	24340	15
Узбекистан	2131300	4893
Украина	2552884	922
Южная Осетия	4585	н/д
Итого	9001365	12751

* Данные на март 2015 года.

** Данные за 2014 год. Только переводы нерезидентов.

Итак, в России на начало марта 2015 года находилось более девяти миллионов граждан из стран СНГ и Грузии, что составило более 82,2% иностранных граждан, находившихся на российской территории. По статистике, большинство из указанных иностранцев (более 70% для большинства перечисленных стран) — лица в возрасте от 17 до 60 лет, которых можно отнести к трудоспособному населению.

Следует подчеркнуть, что представленные данные не отражают полного числа трудовых мигрантов. Это связано в том числе с явлением т. н. «старых диаспор», преимущественно из стран Южного Кавказа, многие из которых успели получить гражданство России. Например, по данным Государственной миграционной службы Армении, около 10% населения этой страны имеют гражданство России[100].

Однако в массе мигрантов без гражданства РФ сейчас доминируют выходцы из республик постсоветской Центральной Азии, что показывают данные ФМС и статистика банковских переводов. Странами-лидерами являются Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан, на долю которых приходится 71,3% от общей массы денежного потока нерезидентов из России в страны СНГ и Грузию.

Указанные переводы выполняют важные микро- и макроэкономические функции и играют существенную роль в экономиках стран-доноров рабочей силы. В частности, в Кыргызстане переводы лиц без российского гражданства в республику в 2014 году составили 15,5% ВВП, в Узбекистане — 7,8%, в Таджикистане — 32,9% ВВП[101]. В ряде случаев иностранные переводы трудовых мигрантов позволяют частично покрывать внешнеторговый дефицит республик, который возникает в результате зависимости населения страны от импортных товаров. Кроме того, переводы играют заметную роль в обеспечении населения, страдающего от безработицы и низких зарплат. Указанная проблема характерна, например, для Кыргызстана, где сравнительно молодое в массе своей население сталкивается с нехваткой рабочих мест[102].

Рабочие, находящиеся за рубежом, зачастую живут в достаточно сложных условиях. Это связано не только с нелегальной

трудовой деятельностью, что встречается достаточно часто, но и с отсутствием в месте пребывания постоянного жилья, связей, незнанием культурного кода, языковым барьером и проч. В России положение трудовых мигрантов из стран СНГ в настоящий момент сильно осложняет система ограничений на привлечение иностранной рабочей силы. Так, например, здесь действует система платных трудовых патентов для иностранцев: кандидат вносит ежемесячный сбор, сдает экзамены по русскому языку, истории и основам законодательства РФ. Месячный сбор отличается в разных субъектах РФ. В Москве на момент написания этих строк он равен четырем тысячам рублей, в Петербурге — трем тысячам. С учетом подготовки к экзаменам и сбора справок общая стоимость первоначального получения патента может достигать 30 тысяч рублей, что многие трудовые мигранты считают накладным[103].

Договор о ЕАЭС устраняет все виды барьеров для трудовых мигрантов из стран-участниц. Статья 98 договора гарантирует их гражданам право на профессиональную деятельность в странах Союза без каких-либо защитных барьеров национальных рынков труда. Также они получают право на членство в местных профсоюзах, медицинскую помощь, а дети, проживающие с ним, — право на образование в стране пребывания. Кроме того, договор предусматривает систему учета для всех трудовых мигрантов трудового стажа в других союзных государствах для целей социального обеспечения. Наконец, договор о ЕАЭС предусматривает признание сертификатов и дипломов стран-союзников по широкому кругу специальностей, что практически полностью открывает рынки труда России и Казахстана для квалифицированных специалистов.

Пока в рамках ЕАЭС не решен вопрос мобильности пенсий, так как пенсионные системы стран-участниц Союза значительно отличаются и по уровню отчислений, и по принципам их формирования. На текущий момент, однако, Евразийский Банк изучает возможность создания единого пенсионного пространства и решения существующих проблем[104].

Опросы показывают, что, например, в Кыргызстане граждане связывают большие надежды с выходом страны на «общесоюзный» рынок труда. Исследование ЕАБР цитирует такую реплику одного из респондентов: «Все мигранты ждут вступления КР в Таможенный союз, все эти миграционные вопросы разрешились бы и позволили бы людям работать беспрепятственно в странах ТС. Возможность свободного передвижения рабочей силы, я думаю, изменит ситуацию, когда надо без конца выезжать из страны и въезжать снова, регистрироваться каждые три месяца и т. д. Казахстан является членом ТС, и казахи сейчас могут беспрепятственно работать в России, это очень удобно»[105].

Как уже упоминалось выше, стартовые условия трудовых мигрантов в России несколько хуже в силу объективных проблем «нового места». Однако практика показывает, что выходец из ближнего зарубежья может занять достойное место в обществе и достигнуть успехов, которые служат примером сбывшейся «российской мечты». Естественно, на слуху у всех, прежде всего, достижения в творческой сфере.

В частности, Т. Бекмабетов, перебравшийся в 1990-е из Узбекистана в Россию, сделал впечатляющую режиссерскую карьеру, поставил популярнейшие фильмы разных жанров, включая «Пешаварский вальс», «Ночной дозор», «Елки-1914».

Один из названых фильмов снят по книге С. Лукьяненко, эмигрировавшего из Казахстана примерно в тоже время и сделавшего головокружительную писательскую карьеру в России (цикл «Дозоры», «Осенние визиты», «Холодные берега», «Спектр», «Черновик»).

Немалый успех сопутствовал и Э. Багирову — этническому азербайджанцу из Туркменистана, который после приезда в Москву смог пройти путь от профессии разнорабочего до карьеры писателя и сценариста (романы «Гастарбайтер», «Любовники», «Идеалист»).

Выходцы с Украины Р. Хаит и Л. Барац прославились созданием популярного российского комического театра «Квартет И» (мюзиклы «День радио» и «День выборов»).

Российскую эстраду обогатил ансамбль «Краски» (Беларусь), чей альбом «Старший брат» звучал у нас одно время, как шутят, «из каждого утюга». Не меньшую популярность получила и группа «Город 312» (Кыргызстан), участники которой создали ряд хитов, включая музыку к фильмам «Дневной дозор», «Питер ФМ» и сериалу «Темный мир».

В ряде случаев в Россию приезжают специалисты, сделавшие успешную карьеру на родине, но готовые повторить свой путь в более комфортных российских условиях. Наиболее известный пример — двукратная олимпийская чемпионка по фигурному катанию Т. Волосожар, покинувшая Украину и получившая российское гражданство в рамках программы переселения соотечественников.

Менее публична, но едва ли не более активна иммиграция в Россию ученых из стран СНГ. С 1996 по 2011 год только с Украины иммигрировали 388 обладателей ученых степеней (292 кандидата наук и 96 докторов)[106]. Надежной статистики по другим странам нет, хотя примеры, как говорится, налицо. В частности, можно вспомнить эмиграцию из Узбекистана известного ученого-химика Н. Воропаевой, автора более 800 научных работ и лауреата многочисленных зарубежных наград[107].

Проблема «утечки мозгов» в другие страны постсоветского пространства является серьезным испытанием для науки многих молодых государств. Нивелировать ее последствия позволило бы создание единого «евразийского научного пространства» с общей подготовкой кадров, системой научного обмена и осуществления коллективных исследовательских проектов.

Но вернемся к анализу судьбы иммигрантов в России. Подобная летопись успешных примеров иммиграции — следствие того, что приезжих из постсоветских стран во многих сферах зачастую готовы принимать как равных, и они включаются в интернациональную модель общественной жизни.

Да, именно так. Вопреки стереотипам российское общество крайне толерантно к национальным различиям. Хотя более 77% населения России относятся к этническим русским, в стране про-

живает около 180 различных народностей. Об их месте в обществе можно судить по представительству в российской элите.

Упоминавшийся ранее один из творцов «русского экономического чуда» — министр экономического развития, а ныне глава Сбербанка Г. Греф — этнический немец. Глава российского ЦБ Э. Набиуллина — башкирка, министр обороны С. Шойгу — тувинец, С. Фрадков, директор Службы внешней разведки и бывший председатель правительства России, — еврей, В. Сурков, видный функционер Администрации Президента и политический теоретик, — чеченец. Очевидно, что достаточно широкое присутствие в высшей политической элите страны людей разных национальностей не может служить отражением каких-либо этнических фобий.

Если говорить об отношении широких слоев общества, то уместно указать на многонациональность российской музыкальной эстрады, представители которой часто становятся неполитическими кумирами миллионов. К числу популярнейших певцов последнего десятилетия (да и не только) относятся Ф. Киркоров (сын болгарского армянина), И. Кобзон (еврей), З. Рамзанова, известная как «Земфира» (татарка), В. Меладзе (грузин), А. Руссо (армянин), Т. Шаов (черкес). Можно также вспомнить знаменитого комика Е. Петроясна (армянин), поэта и ученого А. Городницкого (еврей), спортсменку и двукратную олимпийскую чемпионку Е. Исинбаеву (табасаранка[108]).

Мои коллеги из стран СНГ часто в связи с разговорами об этническом национализме обращают внимание на высказывания вице-спикера российской Госдумы В. Жириновского, которые оценивают как грубые и неуважительные по отношению к своим странам. Как известно, например, в Казахстане политик за свои публичные выступления был лишен права въезда в страну.

Не вдаваясь в особенности жизни российских политических партий, укажу лишь, что вопрос об уважении между нациями здесь не при чем. Для риторики данного политика вообще характерны оскорбительные характеристики разных лиц и групп, которые обращены и к россиянам, и к другим народам. В частности, можно сослаться на резонансное интервью Жириновского,

где тот заявил, что «тупость» является имманентным свойством жителей Урала[109]. Думаю, очевидно, что парламентский статус высказывающегося не может сделать «статусными» его мысли[110].

Если обратиться к статистике общественных настроений, то в настоящий момент 57% россиян считают, что Россия должна быть строго многонациональным государством с равными правами для всех, 26% считают необходимыми определенные льготы для русских, а 10% рассматривают Россию как «русское государство»[111]. Однако долю «прорусских» высказываний было бы ошибкой оценивать как националистический экстремизм. В российском обществе слово «русский» часто воспринимается не как узкая этническая категория. По данным опросов, только 15% населения считают «русскими» людей по признаку крови и происхождения. Для 52% национальная идентификация определяется культурой и языком, для 23% — действиями и образом жизни, 7% — религиозной принадлежностью[112]. В этой связи можно упомянуть размытость в современной русской культуре понятия «национализм», которое часто в литературной речи интерпретируют исключительно как чувство верности «гражданской нации». Для случаев этнонационализма чаще используется эпитет «нацизм».

Такое специфическое понимание национальности в России обусловлено спецификой городской цивилизации (в отличие от многих стран СНГ, население РФ в большинстве городское), где действует интенсивный «плавильный котел». С одной стороны, для русского общества характерны интенсивные межнациональные браки, с другой — активная ассимиляции детей из смешанных семей в русской и русскоязычной среде. В результате, по данным этнографов, на 1996 год около 33% россиян, считающих себя русским, имеют нерусских предков в двух предыдущих поколениях. Доля русских со смешанным этническим происхождением в некоторых регионах (Северо-Запад России, Урал, Центрально-Чернозёмный регион) превышает 40%, на Дальнем Востоке — 70%[113]. Именно этим объясняется сильное неприятие обществом этнонационализма.

Конечно, экстремисты-ксенофобы существуют в России, как и в любой другой стране, и даже могут совершать акты насилия против иностранцев. Но это именно нелегальные элементы, жестко противопоставляющие себя и государству, и социуму[114].

Однако их практическая активность в России значительно ниже, чем, например, в странах современного Запада (таблица 10).

Таблица 10. Преступления на почве национальной и иной розни в России и странах Запада (2012)[115].

	Число преступлений всего	- на 1000 человек, ед.
Россия	696	0,5
США	5796	1,8
Великобритания*	42236	7,5
Канада	1414	4,1

* Учетный 2012/13 год.

Как показывает приведенная статистика, уровень насилия на почве этнической и иной ненависти в России многократно ниже, чем в США, Великобритании или Канаде. Но западные СМИ порой неохотно рассказывают иностранной аудитории о проблемах своих стран, из-за чего мы часто не понимаем, что многократно осмеянная западная толерантность — социальная реакция на комплекс крайне острых этнических проблем.

Например, об остроте межрасовых проблем в США широкая публика в России узнала только в 2014 году, после расовых беспорядков в г. Фергюсон (штат Миссури), вызванных убийством полицией чернокожего местного жителя. А проблемы с преследованием поляков в Великобритании у нас практически неизвестны, хотя, по данным социологических исследований, тем или иным формам преследований подвергалось не менее 71% этнических поляков в стране, а число случаев нападений по национальному признаку — стабильно растет[116].

Автор не хотел бы сводить обсуждение наших постсоветских проблем к пародийной формуле «а у них негров линчуют!», а лишь стремится показать, что те или иные проблемы в данной сфере неизбежны для любого современного общества.

Несомненно, многие трудовые мигранты из стран СНГ сталкиваются с определенными трудностями в России, но эти проблемы носят скорее не национальный, а социальный характер. Они проистекают, в первую очередь, из того, что они либо сами работают в стране без легального статуса, либо оказываются вовлеченными в теневой бизнес, находящийся вне поля зрения властей. В последнем случае угроза насилия, например, исходит в основном не от коренного населения, а от криминальных группировок, контролирующих тот или иной трудовой рынок[117].

Большую проблему составляют условия труда, несоблюдение договорных обязательств нанимателями, заболеваемость на некоторых видах производств из-за несоблюдения санитарных норм. Случаи бытового национализма и проявления ксенофобии на этом проблемном фоне явно играют второстепенную роль.

Решению же вышеперечисленных проблем должна способствовать легализация в России и Казахстане рабочей силы из других стран ЕАЭС.

Однако нельзя признать нормальной ситуацию, при которой огромная масса рабочей силы покидает страну для заработков за рубежом. Подобно положение в долгосрочной перспективе является источником крупных демографических и социальных проблем в странах-донорах. Членство в ЕАЭС должно способствовать развитию национальных экономик государств и вести к созданию новых рабочих мест для их граждан.

5. СТРАНЫ ЕАЭС И КАНДИДАТЫ В ЧЛЕНЫ

Выше мы подробно обсудили аспекты ЕАЭС, связанные с Россией как наиболее крупной страной Союза. В данном разделе мы обратимся к описанию экономик других стран объединения. Оно начинается с изучения экономик Беларуси и Казахстана, первых создавших совместный с РФ Таможенный Союз, а затем — мы переходим к рассмотрению экономики Армении и Кыргызстана, присоединившихся к ЕАЭС в 2015 году. В главе также рассматриваются экономические перспективы Таджикистана, который считается наиболее вероятным кандидатом на членство в ЕАЭС.

В данной главе изучаются не только перспективы этих стран в рамках ЕАЭС, но также основные черты и проблемы их экономик на данный момент. Между описанными здесь экономиками существуют значительные отличия, которые не позволяют говорить о какой-либо «эталонной» форме подачи материала. Однако я счел обязательным представить для каждой из изученных стран данные о национальном ВВП, его структуре и динамике, внешней торговле и кредитной системе, так как эти сведения наиболее важны в рамках нашего исследования.

5.1. Беларусь

Анализ участия Беларуси в евразийском интеграционном проекте затруднен из-за того, что страна пришла к нему своим особым путем. Еще в 1990-е — до запуска крупных интеграционных проектов в сфере экономики — республика начала развивать двусторонние отношения с Россией. В 1995 году был подписан «Договор о Таможенном союзе», а в 1999-м стороны подписали «Соглашение о создании Союзного государства России и Беларуси».

Политическая составляющая проекта «буксовала» из-за конфликта интересов элит двух стран, но хозяйственное сотрудничество развивалось довольно успешно. Этому способствовал в т. ч. высокий уровень поддержки интеграции обществом. По данным 2014 года, уровень поддержки членства в ЕАЭС достигает 68% населения республики при очень незначительной доле противников (6%)[118].

Собственная экономика Беларуси демонстрировала в последние годы неплохой экономический рост (таблица 11).

Таблица 11. ВВП Беларуси в 2009 — 2014 гг.[119]

	2009	2010	2011	2012	2013	2014*
ВВП, трлн. белорусских рублей	137,4	164,5	297,2	530,4	649,1	778,5
ВВП, млрд. долл.	49,2	55,2	59,7	63,6	71,7	77,1
ВВП на душу населения, тыс. долл.	5,2	5,8	6,3	6,7	7,5	8,2

* Предварительные данные.

Рост ВВП в долларовом выражении составил в 2010 году — 12,2%, 12,7% — в 2013-м и 7,5% — в 2014-м. Резкий рост ВВП в белорусских рублях в 2011 году был отголоском инфляционного кризиса этого периода, когда годовой индекс потребительских цен составил 208%. В описанный период возникли даже риски социально-политических потрясений в республике, однако Минску удалось справиться с ситуацией и даже вернуться к докризисным темпам роста без учета инфляции.

Структура экономики Беларуси существенно отличается от большинства стран ЕАЭС, которые крайне тяжело пережили кризис 2009 года, приведший к серьезному сокращению промышленного производства. Обрабатывающая промышленность до сих пор остается ключевой составляющей белорусского ВВП. В 2013 году ее доля составила 23,2% валового продукта (180,3 трлн. б. р.), 12,1% — торговля и ремонтные услуги (94,1 трлн.), 10,4% — строительство, 7,9% — транспорт и связь, 7,7% — сельское хозяйство.[120] Вообще Беларусь располагает множеством

предприятий, работающих и на привозном, и на внутреннем сырье. В республике действует 38 автомобилестроительных предприятий, 80 заводов, выпускающих сельхозтехнику, включая трактора, 32 станкостроительных завода, 41 предприятие электротехнической промышленности[121]. Кроме того, в республике действует ряд крупных предприятий легкой и химической промышленности.

Наряду с успехами в промышленности Беларусь демонстрирует достаточно высокую эффективность сельского хозяйства. Страна является экспортером многих продовольственных товаров, особенно — молочных продуктов. Частично это достигается благодаря государственным дотациям, но в современном мире подобная поддержка собственного агропромышленного комплекса скорее норма, а не излишество.

Благодаря достаточно большой доле государственной собственности в экономике страны и системе контроля государства над деятельностью частных предприятий, ее устройство имеет ярко выраженные плановые черты. Во многом белорусская экономическая модель может быть охарактеризована как «государственный капитализм», причем с гораздо более выраженной государственной составляющей в сравнении, например, с Россией.

Долгое время экономическая стратегия Беларуси основывалась на «мягкой» кредитной политике, «подогревании» экономики с помощью кредитования предприятий и населения. Масса выданных кредитов составляла на 2011 год более 50% ВВП, причем росла впечатляющими темпами 41% — в 2010 году, более 70% — в 2011-м[122]. Данный показатель сам по себе не является чрезвычайным. Для многих развитых экономик мира характерно кредитование собственного бизнеса, даже порой опережающее рост. Однако в случае Беларуси, учитывая особенности внешнего платежного баланса и роли внешних поставок в работе промышленности (см. ниже), такая политика создает риск «перегрева» экономики и инфляционных кризисов. В частности, кризис 2011 года во многом был вызван именно перекредитованностью национального бизнеса, запуском инфляционных процессов, которые больно ударили по населению[123].

Однако долгое время Белоруссия вполне успешно выходила из непростых ситуаций и демонстрировала неплохой экономический потенциал. Так что, несмотря на все проблемы, в конце 1990-х — начале 2000-х годов белорусская общественно-экономическая модель воспринималась многими россиянами как образец для подражания. В значительной степени такой взгляд на Белоруссию был обусловлен тем, что в 1998 — 2002 гг. социально-экономические показатели наших стран действительно сблизились: разница между душевым ВВП в эти годы стала минимальной. Так, в 1999 году разница была меньше 9% душевого ВВП России. Разумеется, это не могло не сказаться на сближении стандартов уровня жизни, финансовой обеспеченности граждан, что становилось очевидно жителям обеих стран, вступивших в политический союз.

В результате Беларусь начала восприниматься как альтернативный вариант постсоветского развития. Вариант более мягкий, лишенный российских «осложнений» в виде несправедливой приватизации и столь открытой «криминальной революции» 1990-х. Симпатии к Беларуси у кого-то были связаны и с ностальгией о советском прошлом, внешние черты которого (схожий герб и название органов власти) сохранила республика. Также этому способствовали объективные причины: сравнительно сохранная промышленность, низкий уровень преступности и криминализации экономики, значимая роль государства в жизни общества.

Ходили даже слухи, что Союзное государство создается в расчете на то, что после ухода в отставку пожилого Б. Ельцина его возглавит белорусский президент А. Лукашенко. Это, как виделось, должно было позволить создать сплав всех лучших качеств обоих государств, соединить политическую и экономическую либерализацию с социальными гарантиями, правопорядком, сохраненной промышленностью. К началу 2000-х отношение к белорусским успехам было восторженным даже на уровне массовой культуры, телепередач, фильмов, книг. Можно было говорить о появлении определенного «белорусского мифа» в ней-

тральном значении этого выражения. Что, кстати, само по себе стоит отнести к несомненным достижениям Беларуси в тот исторический период.

Но с течением времени Россия изыскала новые резервы для социально-экономического развития, что довольно сильно повлияло на соотношение уровней жизни двух стран.

Таблица 12. Показатели благосостояния жителей России и Беларуси на 2012 — 2013 год[124].

	Россия	Беларусь
ВВП на душу населения, тыс. долларов	14,6	7,6
Доля расходов на питание в бюджете семьи, %	27,7	37,7
Энергетическая ценность питания, ккал	2626	2567
Потребления мяса и мясопродуктов, кг / год	85	88
Обеспеченность жильем, м^2 на жителя	23,4	25,4
Обеспеченность бытовой техникой на 100 домашних хозяйств -персональных компьютеров	100	70
-пылесосов	95	82,9
-легковые автомобили	57	37

Эти цифры приводятся, чтобы показать явления, воспринимаемые людьми в быту: качество повседневного питания, доля расходов на него в бюджете семьи, обеспеченность жильем и техникой. По большинству из этих показателей к 2013 году лидером стала Россия. На отношение россиян к жителям Белоруссии это не повлияло[125], хотя и несколько рассеяло очарование «белорусским социально-экономическим чудом».

Индустриальная экономика Беларуси сохранилась благодаря тому, что многие производственные цепочки исторически завершались именно на территории страны (как, впрочем, и у Украины и России). В эти страны ввозились сырье и комплектующие из других частей СССР, а затем происходила их сборка (переработка) в конечный продукт. Это было связано с особенностями развития Средней Азии и Южного Кавказа, позже включившимися в национальную систему экономических связей дореволюционной России, а также географической близостью «большой трой-

ки» советских республик к наиболее емким — вплоть до второй половины XX века — в мире рынкам Европы.

После распада СССР рухнуло и единое экономическое пространство, однако именно Беларусь сохранила наиболее прочные связи с другими странами бывшего СССР. Уже в 2000-е годы республика входила в число государств-лидеров по уровню конечной переработки продукции. Например, доля частей и компонентов в импорте в Беларусь техники из других стран СНГ составляла в 2006 году 47,2%. Это являлось одним из наиболее высоких показателей в регионе (40,3% Украина, 32,5% Россия)[126].

Если учитывать более широкий круг поставок т. н. «промежуточных товаров», то их доля в общей структуре белорусского импорта составляла в 2013 году около 68,9%. В российском экспорте в республику их доля достигает 83,8%[127].

Наиболее простым примером таких производственных цепочек могут служить поставки в республику российских нефтепродуктов для последующей обработки на НПЗ, в т. ч. Новополоцке («Нафтан») и на Мозырском перерабатывающем заводе. Также Минский завод колесных тягачей (ОАО МЗКТ) получает комплектующие от 280 российских предприятий, причем 50% продукции предприятия идет назад в Россию, в т. ч. в рамках оборонного заказа. ОАО «БелАЗ» импортирует из России двигатели с приводом переменно-постоянного тока для производства карьерных самосвалов. МАЗ ввозит из России более 60% комплектующих[128]. Некоторые линии производств с белорусским участием, наоборот, заканчиваются в России. Так, в частности, завершается сборка части тракторов «Беларусь» — одной из самых популярных марок сельскохозяйственной техники в России.

Одновременно производство техники в Беларуси не только зависит от импорта комплектующих частей, но и во многом ориентировано на экспорт. Так, экспорт производимых в Беларуси тракторов составлял на 2011 год более 96% от валового производства, грузовых автомобилей — 83,7%, автомобильных шин 71,9%, морозильников — 78,7%, телевизоров — 67%. Основными потребителями техники, произведенной в республике, традиционно остаются Россия и другие страны СНГ[129].

Если обратиться к общему значению торговли с Россией в структуре внешней торговли Беларуси, то можно заметить, что российские поставки играют очень важную, если не доминирующую, роль во внешней торговле республики. (Таблица 13)

Таблица 13. Торговля России и Беларуси в 2009 — 2014 гг.[130]

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Экспорт, млрд. долл.	21,3	25,3	41,4	46,1	37,2	36,4
- доля России, %	31,5	39,4	35	35,4	45,3	42,2
Импорт, млрд. долл.	28,6	34,9	45,8	46,4	43	40,8
-доля России, %	58,5	51,8	54,4	59,4	53,2	54,6

Представленные индикаторы доли России в экспорте в 42,2% и в импорте — 54,6% можно охарактеризовать как огромные. По этим показателям, отражающим роль России во внешней торговле страны, Беларусь является лидером среди стран ЕАЭС.

Правда, структура внешней торговли республики значительно отличается для отдельных партнеров. На рынках дальнего зарубежья страна реализует преимущественно минеральные продукты, вернее продукты переработки нефти (56,1%) и продукты химической промышленности (21,1%). В России — машины и оборудование (31%), продукты пищевой промышленности и сырья для нее (27,7%). В других странах СНГ действует «компромиссная» структура экспорта, куда входят все перечисленные товары: минеральные продукты (33%), машины и оборудование (19,2%), пищевая продукция (15,2%), химическая продукция (15,1%)[131].

Уместен вопрос, в какой мере это положение дел выгодно для белорусской экономики? Уже достаточно давно существующая модель внешней торговли Беларуси подвергается критике внутри и вне республики. Страна сталкивается дефицитом платежного баланса, который во многом формируется под влиянием дефицита в торговле с Россией.

«Общий платежный баланс объединяет в себе две противоположные по результатам расчетов региональные структуры: хронически пассивный платежный баланс с Россией, которому

противостоит активный платежный баланс с остальным миром, где главенствующее место занимают так называемые страны «вне СНГ» (по российской терминологии «страны дальнего зарубежья»). Таким образом, конечный платежный итог фактически зависит от того, в какой степени нехватка средств для расчетов с российской стороной компенсируется их поступлением из-за ее пределов… На практике такое противостояние означает, что валютные средства, остающиеся в распоряжении белорусской стороны после расчетов по торговым и иным международным операциям за пределами России (а это в подавляющей массе СКВ), целиком передаются российской стороне в рамках затрат по импорту. Если их не хватает – приходится прибегать к внешним займам, расходовать валютные резервы», — констатирует российский исследователь, анализируя платежный баланс республики[132].

Однако Беларусь не спешит отказываться от экономической ориентации на торговлю с Россией. Следует подчеркнуть, что в этом выборе никакой роли не играет ухудшение отношений со странами Запада после президентских выборов в Беларуси в 2006 году. Этот фактор практически не сказался на объемах внешней торговли республики со странами дальнего зарубежья. Реальный торговый оборот с ними вырос в 2005 — 2008 гг. на 118%, несмотря ни на какие политические демарши.

Российскую сторону также трудно упрекнуть в неадекватной ценовой политике, которая бы создавала союзной Беларуси какие-либо дополнительные проблемы. Наоборот, в рамках Союзного государства существует система взаимных торговых льгот, включая субсидии на поставки нефти и газа из России в Беларусь. По западным оценкам, профицит льгот сейчас действует в пользу белорусской стороны, которая выигрывает благодаря поддержке России до 12,7% ВВП ежегодно (данные 2013 года)[133]. Некоторые авторы в России и за ее пределами обвиняют Москву в том, что с помощью этих преференций она решает чисто политические и идеологические задачи. Между тем речь идет лишь о том, что в России прекрасно осознают взаимную необходимость двух стран.

Она основывается не только на транзитной роли республики, через которую в Европу проходят торговые коммуникации.

Реальная причина именно в крепости технологических связей экономик двух стран, которые не только объединяют сложившиеся системы ролей в цепочках производства, но и одинаковые инженерные и промышленные традиции, к которым долго и с трудом пришлось бы адаптироваться любому внешнему игроку. Во многом это — оборотная сторона сохранения развитой промышленности в период кризиса 1990-х. Она позволила стране сохранить определенный уровень благосостояния, индустриальной и инженерной культуры, возможность создавать технически сложную продукцию, однако при этом экономика страны менее мобильна, чем в республиках, чья промышленность в основном пережила коллапс.

Попытки уйти от потребности в импортных комплектующих за счет собственных ресурсов — не реализуемы. Беларусь технологически способна производить часть необходимой продукции на собственных предприятиях, однако полностью заменить зарубежные производственные мощности, в т. ч. находящиеся в России, невозможно в современных условиях. При текущем населении в 10 млн. человек страна физически не способна локализовать все производственные цепи, в которых задействованы национальные предприятия, от закупки сырья до реализации конечной продукции. Страна сталкивается с выбором между потерей части индустриальных производств и развитием международной кооперации.

В этом вопросе вряд ли уместны философские размышления на тему «иметь или не иметь». Сознательный отказ от развитого индустриального пути развития был бы странным шагом для современного общества. Но что делать республике с дисбалансом во внешней торговле в рамках существующей экономической парадигмы?

Очевидно, что существующие проблемы торгового баланса могут быть разрешены, прежде всего, в развитии двусторонней торговли с постсоветскими государствами-партнерами. В этом

плане определенную помощь Беларуси оказало вступление в действие Таможенного союза в 2010 году и отмена таможенного контроля на границах стран-участниц в 2011-м.

Таблица 14. Экспорт Беларуси в страны ЕАЭС в 2009 — 2014 гг. (млн. долл.)[134].

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Казахстан	313,4	464,8	674,0	806,9	870,4	877,6
Россия	6 718,5	9 953,6	14 508,6	16 308,9	16 837,5	15 345,7
Армения	23,2	42,1	26,8	38,7	32,4	29,2
Кыргызстан	65,7	85,5	218,2	141,8	98,2	88,8

Как видно из приведенных данных, с 2009 по 2011 гг. происходит резкое увеличение белорусского экспорта в Россию и Казахстан. В общей сложности на 215% за два года. Импорт из этих двух стран также значительно вырос, но его динамика отличалась от экспорта. Для Казахстана рост экспорта в Беларусь за тот же период составил 82,9%. Импорт из России резко вырос на 370%, однако это практически не затронуло потребительские товары (их импорт даже сократился на 4%). Беларусь, скорее, выиграла от роста поставок промежуточных и инвестиционных товаров, стимулирующих производство внутри страны[135].

При этом описанная динамика не имеет аналогов в отношениях с другими странами СНГ: в случае Армении и Кыргызстана мы даже наблюдаем тенденцию к сокращению экспорта после кризиса 2011-го. В перспективе, если введение ЕАЭС позволит вернуться на докризисный уровень торговли с этими странами (условно без учета прочих факторов), Беларусь получит возможность увеличить свой экспорт более чем на 100 млн. долларов. Опять-таки это не учитывает возможности поставок сырья из этих двух республик для нужд промышленности. (Речь, в частности, может идти об импорте хлопка для легкой промышленности и редкоземельных металлов для тяжелой с территории Кыргызстана, о чем речь пойдет в соответствующей главе).

В случае отношений с Россией можно говорить о том, что ЕАЭС должен дать возможности не столько для количественного, но для качественного роста сотрудничества. В настоящий момент промышленность Беларуси начинает сталкиваться с проблемами качества и конкурентоспособности своей машиностроительной продукции на внешних рынках. Во многом этот фактор пока лимитирует рост экспорта белорусских товаров на союзные рынки, где он сталкивается с конкурентами из дальнего зарубежья. Так, на российском рынке тракторов белорусские позиции (около 26% рынка) оспаривают конкуренты из Нидерландов (23%), Германии (18%) и Швеции (15%). Уже в 2013 году совокупная доля третьих стран на рынке явно превосходила белорусскую. На фоне же кризиса внешней торговли 2013 — 2014 гг., когда Беларусь сократила экспорт, конкуренты даже смогли усилить свои позиции в России в ущерб белорусским поставщикам[136].

Частично эти проблемы связаны с усилением иностранного присутствия на рынке после вступления России в ВТО, однако в значительной мере падение конкурентоспособности белорусской продукции — это итог проблем в научно-техническом развитии страны в период после обретения независимости[137]. Речь идет не столько об ошибках, сколько обо все тех же проблемах, последовавших после распада СССР: нарушении научных и конструкторских связей, а также кризисе академических институтов и оттоке кадров[138].

Для успешного равномерного развития производственных цепочек, созданных еще в советский период, необходимо совместное ведение научных и конструкторских работ бывшими советскими республиками, в случае Беларуси — республикой и основными странами-поставщиками комплектующих. За время существования Союзного государства России и Беларуси в рамках его механизмов уже было запущено несколько совместных научно-технических проектов «Союзный телевизор», «Победа» и «Победа-2» (разработка оборудования по производству СБИС[139]), линейка проектов «СКИФ» (создание суперкомпьютеров для решения различных прикладных задач). В принципе вопреки изна-

чальному скепсису многих наблюдателей все они показали неплохие результаты, однако постоянный срыв сроков их выполнения вызывает довольно серьезную критику.

Между тем развитие научно-технического сотрудничества между странами ЕАЭС в вопросах, касающихся развития совместных цепочек в сфере машиностроения, замкнутых на Беларусь, — вполне актуальная задача. В рамках ЕАЭС к ее решению уже пытаются приступить. В 2014 году Евразийская экономическая комиссия объявила о создании перечня совместных научно-исследовательских работ в сфере АПК, который должен затронуть в том числе развитие тракторного производства[140]. Как будут работать эти проекты — покажет время. Несомненно, что их реализация с использованием научных и производственных возможностей всех стран-участниц позволит повысить уровень и качество производства многих видов продукции белорусской промышленности.

В настоящий момент в Беларуси уже реализуется ряд евразийских инновационных проектов. В частности, ЕАБР вложил средства в модернизацию Осиповичского вагоностроительного и Белорусского металлургического заводов. Также банк кредитует крупные сделки по приобретению странами ЕАЭС белорусской техники, включая контракт БелАЗ — СУЭК.

Способствовать развитию национальной машиностроительной промышленности должно также поэтапное снятие нетарифных барьеров в рамках ТС и ЕАЭС. По расчетам ЕАБР, стандартизация нормативов и требований к производителям в рамках «большой тройки» (Россия, Беларусь, Казахстан) должно позволить увеличить производство белорусского машиностроения почти в два раза (+191%), а также целлюлозно-бумажного (+47%) и кожевенного производств (+18%)[141].

Если выйти из контекста отношений непосредственно с другими участниками ЕАЭС, то обращает на себя внимание серия инициатив стран дальнего зарубежья о заключении соглашения о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с евразийским содружеством. В их число входят Вьетнам, Египет и ряд других госу-

дарств, которые могут предоставить обширный рынок для сбыта машиностроительной продукции Беларуси, имеющей проблемы с реализацией на Западе из-за жесткой конкуренции. Снижение или ликвидация тарифных барьеров при выходе на вьетнамский и египетский рынки может позволить существенно увеличить собственное производство и несколько улучшить национальный платежный баланс.

В настоящий момент Беларусь сталкивается с широким спектром проблем, которые частично являются отголосками наметившейся в России рецессии, частично — итогом внутренних проблем белорусской экономики. В 2013 — 2014 гг. внешнеторговый дефицит Беларуси стал тотальным, затронув торговлю и со странами СНГ, и со странами дальнего зарубежья. Основная проблема — сокращение производства ряда видов экспортной продукции Беларуси, а также снижение поставок комплектующих из России и спроса на ряд видов выпускаемой белорусскими партнерами продукции. На некоторых предприятиях Беларуси к концу 2014-го начали скапливаться запасы нереализованной продукции, из-за чего приходится идти на сокращение производства и даже персонала. Это затрагивает производителей и бытовой, и сельскохозяйственной техники[142].

Из-за внешнеторгового дисбаланса начала усугубляться проблема внешнего долга. К октябрю 2014 года он достиг 52,5% по отношению к национальному ВВП, хотя долгое время ограниченная внешняя задолженность была предметом гордости руководства Беларуси[143].

В 2013 году по изложенным выше причинам Беларуси пришлось даже временно ограничить кредитование экономики, чтобы сохранить контроль над валютным рынком. Существенно пришлось сократить и темпы наращивания массы выданных кредитов. В 2011 году она за год выросла на 37%, в 2014 году — лишь на 18%[144]. В результате экономический рост республики в 2014 году упал до самого низкого за последние пять лет уровня. В условиях достаточно высокой инфляции и экстенсивной модели развития экономики это ставит под вопрос выполнение государством своих социальных обязательств.

Одним из вариантов преодоления возникших экономических трудностей является развитие новых видов межгосударственной кооперации в рамках Союзного государства и ЕАЭС. Наравне с упомянутыми выше научными и конструкторскими проектами очевидна необходимость и в общей кредитной политике. В настоящий момент показаны пределы белорусского пути развития экономики путем стимулирования интенсивного роста за счет внутренних кредитных резервов. Высокая доля российского сырья и комплектующих в белорусских производственных процессах предполагает потребность национального бизнеса в кредитных ресурсах и в белорусских, и в российских рублях. Решение этой проблемы легче всего обеспечить при участии банков двух стран.

Кроме того, учитывая взаимную зависимость российской и белорусской перерабатывающей промышленности, актуальной является задача согласования планов развития. Согласование темпов наращивания производства помогло бы избежать «перекосов» в вопросах снабжения и организации сбыта белорусских предприятий. В какой-то мере обе экономики могли бы «подтягивать» друг друга в непростые периоды, гарантируя определенный уровень заказов на продукцию, выпускаемую в рамках производственной кооперации, включая те же трактора или тягачи. Координация экономического планирования на уровне всех стран ЕАЭС могла бы обеспечить большую устойчивость для экспортно ориентированных производств Беларуси.

Возможным является и более глубокое вовлечение бизнеса из других стран ЕАЭС в белорусскую экономику, активное инвестирование средств в конкретные промышленные объекты республики с их частичной приватизацией (в той мере, в какой это будет отвечать принципам избранной белорусским обществом экономической модели). Негативный опыт конфликтов бизнеса и власти в Беларуси, включая дело «Уралкалия», когда представитель руководства компании был арестован в Минске из-за возникших экономических противоречий, может быть преодолен с участием институтов арбитража в рамках экономического союза, в т. ч. посредством Евразийского экономического суда.

Несмотря на специфическую репутацию Беларуси среди инвесторов, опыт показывает, что при наличии действенной системы диалога и мирного разрешения противоречий иностранный бизнес в республике может успешно развиваться. Можно привести пример «Белтрансгаза» («Газпром Трансгаз Беларусь»), контрольный пакет которого уже давно принадлежит российской компании. Также можно напомнить о том, что на «дочек» российских банков приходится до 25% активов банковского сектора[145].

Таким образом, даже при наличии избыточно жесткого госкапитализма Беларуси компромисс между интересами государства и иностранного бизнеса вполне возможен, если обе страны заинтересованы в тесном сотрудничестве. Работа ЕАЭС позволит всем странам-участницам систематизировать и упорядочить решение такого рода проблем.

К сожалению, основной трудностью в реализации интеграционной стратегии в Беларуси пока остается непоследовательная политика Минска в вопросе экономической интеграции. В частности, можно честно сказать, что белорусские представители в ряде случаев используют политику угроз для получения тех или иных краткосрочных преференций, но зачастую далеки от системного видения участия своей страны в ЕАЭС.

Таким образом, создание ЕАЭС позволяет Беларуси извлечь следующие выгоды:

• расширение доступа на рынки машиностроительной продукции стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока (в рамках ЗСТ с ЕАЭС);

• увеличение сбыта машиностроительной и топливной продукции на рынках новых членов экономического союза (Армения, Кыргызстан, Таджикистан);

• повышение защищенности собственной продукции на рынках России и Казахстана;

• доступ к евразийским научно-конструкторским проектам, которые могут повысить конкурентоспособность продукции;

• облегчение доступа к рублевым кредитным ресурсам;

• развитие сотрудничества с предприятиями-поставщиками комплектующих на территории РФ.

5.2. Казахстан

Еще в период распада Советского Союза Казахстан выступал инициатором реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Н. Назарбаев, ещё будучи руководителем местной компартии, предпринимал попытки сохранения СССР. Именно по его инициативе Верховный Совет Казахстана обратился к Советам других республик с призывом «сделать всё возможное, чтобы предотвратить катастрофу — развал великого союзного государства»[146].

В 1994 году Н. Назарбаев обратился к Москве с предложением по формированию на постсоветском пространстве Евразийского союза, однако реальная работа в этом направлении началась уже в 2000-е годы.

В настоящий момент уровень поддержки участия Казахстана в Таможенном союзе и ЕАЭС очень высок. По данным социологических опросов, 84% населения республики поддерживают участие в этих объединениях, и этот показатель только растет (в 2013 году он составлял 73%). Доля противников евразийской интеграции в стране составляет лишь около 4%. Данный уровень поддержки один из самых высоких на территории СНГ[147].

Однако обратимся к анализу экономической ситуации в самой Республике Казахстан. В последние годы в стране отмечается тенденция к снижению экономического роста, что можно определить, анализируя динамику национального ВВП (таблица 15).

Таблица 15. ВВП Казахстана в 2009 — 2014 гг.[148]

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ВВП, трлн. тенге	17	21,8	27,6	30,3	35,3	38
ВВП, млрд. долл.	115	148	188,1	203,5	231,9	212,3
ВВП на душу населения, тыс. долл.	7,2	9,1	11,4	12,1	13, 6	12,3

Как и ряд других экономик стран СНГ, Казахстан демонстрировал хорошие темпы восстановительного роста после кризи-

са 2009 года, которые, однако, начали затухать после 2011 года. 2014 год и вовсе был отмечен сокращением ВВП в долларовом выражении на 8,5%, что можно считать весьма неприятным симптомом рецессии.

Структура казахстанской экономики отличается высокой долей сфер торговли и услуг (55,5% ВВП), из которых на транспорт и связь приходится лишь 9,8%. Доля реального производства несколько менее заметна. Обрабатывающая промышленность составляет 10,4% ВВП, горнодобывающая — 15,3%, строительство — 5,9%, сельское хозяйство — 4,3%. Как мы видим, доминирующим сектором валового продукта является отрасль торговли и услуг, доля которой превосходит даже аналогичный показатель для России.

Как это часто бывает, высокая доля торговли закладывается на уровне кредитования экономики. На долю промышленности приходится лишь 13% выданных кредитов, торговли и непроизводственного сектора — 72,6%[149]. Попытки радикально изменить систему кредитования начались в 2014 году в связи со стартом новой программы экономического развития, о которой речь пойдет ниже.

На текущий момент в сфере промышленного производства достаточно легко выделить несколько отраслей-локомотивов, которые играют основную роль в экономике. В добывающей промышленности это — добыча сырой нефти, составляющая 83% данного сектора. В обрабатывающей промышленности доминируют металлургия (29,6% сектора), электро- и водоснабжение (19,1%), производство продуктов питания (16,6%), нефтепереработка (13,5%)[150]. Таким образом, основу национальной промышленности составляет добыча и переработка нефти и металлов.

Казахстанская экономика является противоположностью белорусской: страна ориентирована на производство и экспорт сырья и производных с невысоким уровнем переработки. При этом Казахстан испытывает зависимость от импорта продукции машиностроения, включая оборудование для ключевых национальных отраслей. Спрос в машиностроительной продукции удовлетворяется за счет внешних поставок на 92,1%.

Развитие собственной машиностроительной промышленности ориентировано, в первую очередь, на производство транспорта и некоторых видов бытовой техники, видимо, в силу быстрой отдачи. Наконец, имеющиеся производства испытывают острую зависимость от импортных комплектующих и запчастей для техники. Например, для крупнейшей национальной железнодорожной компании «Казахстан темир жолы» требуется 28 тысяч видов деталей и комплектующих, из которых лишь 500 могут быть произведены в РК[151].

Внешняя торговля республики остается бездефицитной во многом за счет активного экспорта сырой нефти и нефтепродуктов. Минеральные продукты составляют основу внешнеторгового баланса — их стоимость достигает 67,8 млрд долл. или 80% от валового экспорта. Основная статья импорта — продукция машиностроения, составляющая около 19,5 млрд. (40% импорта). Ключевыми экспортерами машиностроительной продукции сейчас являются страны дальнего зарубежья: 78% импорта по данной категории поступает из стран, не входящих в СНГ[152].

Однако даже при торговой ориентации Республики Казахстан на дальнее зарубежье Москва остается ее важным партнером, в том числе из-за логистических причин. Значительная часть промышленных объектов Казахстана традиционно сконцентрирована в северной части страны, граничащей с Россией. Еще в период советского промышленного развития кластер северного Казахстана оказался хозяйственно связан с регионами Урала и Сибири. Даже в новейший исторический период данные регионы выступали если не поставщиками, то транзитными центрами при ввозе машиностроительной продукции и сбыте минерального сырья. Поэтому возникшая в середине 2000-х годов тенденция к укреплению госграницы России на данном участке вызывала беспокойство у казахстанских экспертов, так как могла затруднить грузопоток из-за ограничений по числу КПП и емкости автодорог[153]. Начало работы Таможенного союза в 2010 — 2011 гг. открыло широкие возможности для развития казахстано-российской торговли (таблица 17).

Таблица 17. Внешнеторговый оборот Казахстана,
в т. ч. с членами ТС в 2009 — 2013 гг. (млрд. долл.)[154].

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Экспорт	43,2	60,3	84,3	86,5	84,7	78,2
-в Россию	3,6	5,7	6,9	6,1	5,9	5,1
-в Беларусь	0,05	0,3	0,1	0,09	0,05	0,03
Импорт	28,4	31,1	36,9	46,3	48,8	41,2
-из России	8,9	12,3	15,3	16,9	17,9	13,7
-из Беларуси	0,4	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7

Как мы видим, в 2010 — 2011 гг. происходит существенный рост торгового оборота с Россией и — в меньшей мере — с Беларусью, торговые отношения с которой изначально были слабы. Особенно значителен рост импортных поставок из названных стран. Российский импорт вырос на 71% с 2009 по 2011 гг., что существенно выше роста общего объема внешних поставок.

Вступление в ТС в меньшей степени сказалось на экспорте Казахстана, который развивался с той же средней скоростью, что и с другими группами стран. Впрочем, нельзя исключать, что рост торговли Казахстана с Россией в указанный период во многом происходил за счет «серого» экспорта и реэкспорта широкой номенклатуры товаров, которые стали возможны после отмены таможенного контроля. В частности, хорошо известен пример с «серым рекэспортом» иномарок, объемы которого в 2011 году составили, по неофициальным оценкам, 4,5 — 9 млрд. рублей[155]. Многие жители Сибири и Дальнего Востока России вспоминают, что именно в тот период в рознице стали появляться и собственно казахстанские товары по демпинговым ценам. Во многом это было обусловлено более низким уровнем доходов и цен в приграничных регионах республики в сравнении с РФ[156].

Однако во внешней торговле Казахстана и после вступления в ТС продолжают доминировать нефть и нефтепродукты. Но на данном этапе развития страна начинает сталкиваться с невозможностью сохранения прежней модели взаимодействия нефтяной и машиностроительной промышленности. Во многом это

обусловлено падением цен на нефть в 2014 — 2015 гг., которое вскрыло некоторые серьезные проблемы казахстанской нефтегазовой отрасли, в частности, опасное увеличение себестоимости добычи сырой нефти.

По официальным данным, средняя себестоимость добычи нефти на казахстанских месторождениях сейчас достигла 6,7 долл. за баррель (50 долл. за тонну)[157]. На некоторых месторождениях затраты еще выше. Например, на Мангышлаке себестоимость барреля достигает 10,8 долл., самое «дешевое» месторождение РК — Тенгиз, где себестоимость составляет 3,4 — 6,1 долл. / бар. Для сравнения: на месторождениях Западной Сибири себестоимость добычи нефти составляет 3 — 5 долл./ бар., по заявлениям представителей Роснефти, в их практике себестоимость в среднем 4,8 — 4,9 долл./бар.[158]. В России, как и в Казахстане, есть «старые» месторождения нефти с низкой отдачей, но их функционирование компенсируется дальнейшей разведкой полезных ископаемых в других районах. Казахстанские же месторождения в среднем по затратам на разработку близки к себестоимости американской сланцевой нефти.

Кроме технических трудностей добычи, связанных в том числе с пластовым давлением и дефицитом воды, необходимой для ряда технологических операций, казахстанскую нефть делают более дорогой также высокое серосодержание и большие издержки доставки на внешние рынки. По опубликованным данным, в сырой нефти, добываемой в том же Тенгизе, содержание серы достигает 150 кг на 1 тонну[159]. По российским нормам — поразительный антирекорд, так что переработка тенгизской нефти в России одно время даже была запрещена именно из-за высокого серосодержания.

Таким образом, казахская нефть требует трудоемкой дополнительной очистки внутри страны, что также увеличивает ее себестоимость. Наконец, довольно существенно повышает затраты доставка на рынки сбыта, которая из-за проблем с развитием региональной инфраструктуры порой идет по дорогим и извилистым маршрутам.

В результате, по имеющимся оценкам, себестоимость казахстанской нефти несколько выше, чем у других региональных экспортеров, включая Россию и Азербайджан[160]. Даже в условиях падения цен на нефть до планки 50 долл. / бар. речь не идет о полной потере рентабельности добычи, однако ведет к существенному сокращению прибыли и возможных экспортных отчислений в государственную казну. Кроме того, за границами рентабельности уже сейчас оказался ряд производств. Впрочем, некоторые казахстанские производители предпочли пойти вовсе на прекращение работы. В частности, иностранные инвесторы остановили разработку месторождений Шоба и «Блок 31» в Мангистауской области[161]. Под вопросом оказалась окупаемость разработки нефтяного месторождения Кашаган, которое долгое время рассматривалась как один из локомотивов экономического развития страны в ближайшие десятилетия[162].

Ситуация усугубляется неблагоприятной конъюнктурой на внешних рынках, проблемами экономического роста в Европе, затяжным кризисом на Украине, сокращением торговли между Россией и Западом на фоне политических противоречий. Нет сомнений, что перед руководством РК встает вопрос о поиске новых резервов роста национальной экономики.

К рискам, связанным с глобальными изменениями в мире, казахстанская элита относится достаточно серьезно. В конце 2014 года президент республики Н. Назарбаев заявил, что, по его мнению, «ближайшие годы станут временами глобальных испытаний в мире и для нас тоже»[163]. Астана объявила о принятии своей стратегии, которую региональные эксперты определяют как «наступательную». Фактически этот комплекс мер начал реализовываться еще в сентябре — октябре 2014 года, но официально был провозглашен в ноябрьском обращении Нурсултана Назарбаева как новая экономическая политика «Нурлы жол».

В основе этой программы лежит не отказ от ставки на удержание ситуации вплоть до изменения внешней конъюнктуры, а попытка «пойти на прорыв», добиться изменения экономической ситуации за счет внутренних ресурсов и политических мер. Источником финансовых ресурсов для «Нурлы жол» должны

стать средства Нацбанка, а также Национального фонда РК, где аккумулируются доходы от экспорта нефти. Отдельные элементы «Нурлы жол» в чем-то схожи с американским «новым курсом», ставшим ответом на события «великой депрессии» 1930-х.

Предполагается оживить экономику за счет новых проектов по модернизации транспортной инфраструктуры, активизации кредитования малого и среднего бизнеса, страхования проблемных банковских кредитов. «Выстрелить» программа должна в 2017 году, когда в Казахстане пройдет международная выставка «Экспо», которая должна привлечь в страну массу иностранных туристов и инвесторов и дать сильный толчок экономическому развитию РК.

Работа в кредитной сфере началась еще до программного выступления Н. Назарбаева. Нацбанк по итогам октября 2014 года сообщил, что увеличил «Фонд проблемных кредитов», предназначенный для выкупа у банков прав на требование проблемных займов, на 250 млрд. тенге (1,4 млрд долл. США). Еще 200 млрд. (1,1 млрд. долл. США) было выделено на непосредственное кредитование бизнеса при общей массе действующих кредитов в 12 трлн. (650 млрд. долл. США) тенге. По замыслу властей, эти меры должны позволить оживить кредитный рынок страны и стимулировать выдачу новых займов банками. По оценкам автора, эти средства могут способствовать увеличению кредитования экономики в течение следующего года до 10%[164].

В рамках транспортной программы Казахстан планирует создать логистическую сеть, которая превратит страну в транзитный маршрут на пути из КНР в Россию и Западную Европу. На пограничном пункте «Хоргос — Восточные ворота», через который в страну поступает поток китайских товаров, должны начаться два транспортных маршрута. Первый маршрут следует дальше в Россию и Европу по системе железных и автомобильных дорог. Второй — железнодорожный маршрут до побережья Каспия, с последующей переправкой товаров через акваторию на Южный Кавказ. Третий — идущий через Туркменистан в Иран к побережью Индийского океана[165].

На территории Казахстана к Хоргосу планируется «подключить» модернизированную систему автомобильных и железных дорог, которая позволит либо вывозить грузы на север, либо доставлять в каспийские порты. Их емкость также планируется значительно расширить и создать новые железнодорожные ветки и паромные переправы, которые помогли бы ускорить грузооборот.

Инициативу Казахстана следует оценивать как общий «евразийский проект», ведь основным по уровню грузопотока и доходов должен стать северный сухопутный путь, идущий по маршруту Санкт-Петербург — Москва — Нижний Новгород — Казань — Оренбург — Актобе — Кызылорда — Шымкент — Тараз — Кордай — Алматы — Хоргос — Урумчи — Ланьчжоу — Чжэнчжоу — Ляньюньган. Его протяженность в общей сложности 8,4 тыс. км, из которых 2,2 тыс. пройдут по территории Российской Федерации, 2,8 тыс. — по дорогам РК, 3,4 тыс. — по территории Китая. Прохождение указанного пути по системе модернизированных автомобильных дорог должна составлять около 10 дней, доставка же аналогичного груза в Санкт-Петербург или страны Балтии по Транссибирской магистрали достигает примерно 15 дней. Морем через Суэцкий канал груз будет следовать около 45 дней[166].

Следует подчеркнуть, что достаточно высокая конкурентоспособность этого маршрута во многом определяется именно его скоростью (себестоимость морских перевозок крупнотоннажными судами даже ниже)[167]. Поэтому крайне важно отсутствие на пути следования таможенных и иных бюрократических барьеров, которые могут снижать скорость прохождения груза по внетранспортным причинам. Решению этой задачи как раз и способствует работа ЕАЭС, отказ от внутренних таможенных барьеров и стандартизация юридической базы и документооборота.

Создание прямого железнодорожного маршрута Пекин — Каспийское побережье можно рассматривать как попытку решить историческую задачу. Идею такого пути обсуждали в Европе еще в XIX веке — вспомнить хоть «Клодиуса Бомбарнака» Ж. Верна (1893), а по мере промышленного развития Китая его ак-

туальность многократно выросла. Сейчас полноценная реализация этого проекта означает создание для китайских товаров прямого пути на рынки Южного Кавказа и Турции.

Как упоминалось выше, существует и ответвление от данного маршрута, идущее в Иран. На «иранском направлении» маршрут также будет являться конкурентоспособным, так как на текущий момент основным сухопутным маршрутом доставки китайских товаров к акватории Индийского океана является Каракорумское шоссе КНР — Пакистан, которое из-за опасности схода снежных лавин практически закрывается в зимний период. Строительство железной дороги по маршруту Казахстан — Туркменистан — Иран, идущей через Узень, позволяет не только создать канал доставки грузов из КНР более стабильный, чем каракорумский, но и сократить транзитную зависимость Китая от Пакистана и непосредственно выйти на иранский рынок. Естественно, от этого выигрывает и ЕАЭС, чье транзитное значение возрастает.

Модернизация транспортной сети отвечает и интересам казахских экспортеров, для которых транспортные расходы становятся фактором увеличения себестоимости товаров. Выше мы отмечали, что подобное положение дел характерно для экспорта нефти, однако близкой является ситуация и для более широкой номенклатуры товаров. По данным казахстанских исследований, стоимость экспорта одного грузового контейнера из страны составляет 5285 долл. (включая транспортные и административные расходы), в России — 2400,5 долл., а средний показатель для других государств Средней Азии и стран ЕС — 2109 долларов. В результате в общей себестоимости среднего казахстанского товара доля транспортных расходов достигает 33 — 50% (для сравнения: на рынке Европы — около 5%)[168].

Реализация транспортной составляющей «Нурлы жол» должна по цепочке запустить развитие других отраслей. В частности, спрос на строительные материалы должен потребовать создания новых производственных мощностей, новые предприятия будут нуждаться в новых магистральных линиях электропередачи и т. п. В общей сложности предполагается, что инвестицион-

ные программы позволят создать до 200 тысяч новых рабочих мест в 2015 — 2017 гг.

Частично планируется воспользоваться возможностями, связанными с крупными инвестиционными программами для развития промышленных кластеров. В предыдущие годы республика неоднократно сталкивалась с проблемой дефицита тех или иных видов импортируемой продукции, что заставляет задуматься о развитии ряда отраслей собственного производства для работы на внутреннем рынке.

В частности, это касается производства строительных материалов, более 46% национального рынка которых к концу 2000-х покрывал импорт. На 2014 — 2015 гг. в РК был запланирован запуск ряда комбинатов стройматериалов, преимущественно цементных производств, которые должны увеличить казахстанское производство данного вида продукции на 50%[169]. Крупнейшим проектом развития промышленности из числа ведущихся в рамках «Нурлы жол» является «Индустриальный нефтехимический парк» близ Атырау[170]. Проект тянется уже несколько лет, и на завершение его строительства, по некоторым сообщениям, планируется выделить целых 65,8 млрд. тенге (350 млн. долл. США), что беспрецедентно даже по меркам текущих инвестиционных программ.

Запуск трансевразийского транспортного проекта позволяет также привлечь в Казахстан инвестиции из дальнего зарубежья, в особенности — из КНР. Комплекс соглашений подразумевает привлечение больших инвестиций из этой страны, причем они направляются не только в транспортную сферу, но «в нагрузку» — в сферу реального производства. В 2015 году КНР и РК подписали пакет соглашений на общую сумму в 14 млрд. долл. Среди прочего проекты предусматривают создание совместного производства ядерного топлива для нужд АЭС в Усть-Каменогорске на базе АО «Ульбинский металлургический завод», модернизацию инфраструктуры нефтяного месторождения Кумколь Южный и даже такой масштабный проект, как переброска стока реки Кенсу в Бестюбинское водохранилище[171].

Проблема крупных инвестиционных проектов заключается в том, что они могут спровоцировать неконтролируемый рост инфляции. По официальным данным, за январь — октябрь 2014 года денежная база в РК выросла более чем на 20% против сокращения на 2% за весь 2013 год, причем этот рост опережает увеличение золотовалютных резервов (+ 36% в течение года), что создает риски инфляции, перекредитованности бизнеса и населения, грозящих, в свою очередь, уже социальными проблемами[172].

Некоторые трудности в сфере инфляции объективно наличествуют. В течение 2014 года ее уровень достиг 7,4% против 4,8% годом ранее. Цена продовольственных товаров выросла на 8% против 3,3% годом ранее[173]. Частично инфляция тенге — следствие российского валютного кризиса 2014 — 2015 гг., однако увеличение денежной базы также вряд ли способствовало стабилизации курса казахской национальной валюты.

В Нацбанке РК, видимо, прекрасно понимают риски выбранной стратегии и стремятся избежать «перегрева» кредитного рынка и массового «закабаления» потребителей-должников. В частности, директивно запрещен бесконтрольный рост числа необеспеченных потребительских займов, которые не должны составлять более 30% от размера банковского портфеля[174].

Очевидно, что успех транспортной составляющей «Нурлы жол» во многом определяется скоординированными действиями всех участников проекта, в первую очередь, других транзитных государств ЕАЭС: России и Беларуси, через которые должен проходить маршрут в Европу. Объем грузопотоков на маршруте «Западная Европа — Западный Китай» планируется увеличить в 2,5 раза, что предполагает и увеличение емкости путей сообщения на территории России, Казахстана и Беларуси, а также создание сети складских комплексов на пути следования товаров. На территории РК такая сеть наращивается за счет использования корпусов ранее остановленных промышленных предприятий, однако эти активы не всегда отвечают технологическим требованиям. На 2012 год спрос на складские помещения в республике достигал 500 тыс. м^2, при фактически имеющихся в на-

личии 300 тыс. м^2. Далее по маршруту хорошая складская обеспеченность характерна для Московской и Ленинградской областей России, уже сейчас являющихся крупными логистическими узлами. Однако, например, в Свердловской области с 2011 года по мере активизации товарооборота с Казахстаном уже давно стал возникать складской дефицит[175].

В целях обеспечения растущего грузопотока стороны уже запустили ряд совместных инфраструктурных проектов на маршруте Западная Европа — Западный Китай. В частности, идет расширение складской инфраструктуры в Новосибирской и Свердловской областях, увеличивается емкость грузовых терминалов на железнодорожных и автомобильных узлах.

Также важной составляющей проекта является развитие российской транспортной инфраструктуры, в частности, запуск скоростного железнодорожного сообщения Москва — Казань. КНР уже заявляет о желании продолжить этот проект, соединив Москву и Казань с Пекином через территорию РК. В этот проект китайская сторона намерена вложить 1,5 трлн. юаней (242 млрд. долл.)[176].

Активно развивается совместный бизнес евразийских государств непосредственно в сфере перевозок. Например, в 2013 году РК и РФ было создано совместное предприятие «Астык Транс», осуществляющее большую часть перевозок зерна обеих стран. По мере развития ЕАЭС ожидается интеграция и других сфер перевозок, особенно на маршруте из Европы в Китай. На государственном уровне проводятся работы по стандартизации правил и документального обеспечения перевозок грузов, которые должны превратить транспортный канал в единый неразрывный маршрут, удобный для поставщиков.

В настоящий момент транзитная программа, начинавшаяся как сугубо казахстанская «Нурлы жол», вышла на уровень общего проекта ЕАЭС, к которому стремится присоединиться Китай. В сентябре 2013 года КНР впервые заявила об идее создания совместного со структурами Таможенного союза «пояса Великого шелкового пути» — транзитного маршрута Китай — Европа. По-

сле запуска ЕАЭС в 2015 году транспортное сотрудничество объединения с КНР вышло на новый уровень.

Кроме транспортных проектов партнерство в рамках экономического союза может открыть для Казахстана возможность изменить структуру собственного экспорта. В настоящий момент эксперты казахстанской компании «Казнекс-инвест» определили более 50 товарных позиций, которые Казахстан, может выпускать, но пока не поставляет на рынки союза или поставляет в незначительных объемах.

«Например, в пищевой отрасли — это кондитерские изделия, безалкогольные напитки, масложировая продукция, макаронные изделия, мясо индейки, мясные консервы, рис; в металлургии — прокат из железа, трубная продукция, проволока из цветных металлов, радиаторы и сантехника из черных металлов; в машиностроении — запорная арматура, трансформаторы, подшипники, кабельно-проводниковая продукция, аккумуляторы, насосы; в сфере строительных материалов — штукатурка, краски и лаки, замазки, полиэтиленовые трубы, черепица, шлаковата и проч.», — огласили результаты исследований представители компании[177].

Однако пока потенциал этих отраслей относительно невелик и составляет 300 млн. долл. или 0,4% от вала экспорта на 2014 год. Во многом здесь сказываются барьеры, связанные с высокими транспортными расходами и низкой конкурентоспособностью указанных товаров по соотношению «цена / качество».

Исправить ситуацию помогают программы ЕАЭС по инновационному развитию промышленности стран-членов. В 2011 году уже был создан «Российско-казахстанский фонд нанотехнологий» при участии российской госкомпании «Роснано», предназначенный для поддержки высокотехнологичных проектов в интересах обеих стран-участниц. В частности, фонд вложил средства в развитие отечественной компании «Laser Solutions», разрабатывающей волоконно-оптические системы мониторинга протяженных инфраструктурных объектов, включая дороги и трубопроводные системы[178].

После создания ТС началась реализация некоторых других проектов евразийских государств в Казахстане. «АвтоВАЗ» ведет строительство автомобильного завода полного цикла в Усть-Каменогорске с расчетной мощностью в 120 тысяч машин в год. Сейчас в городе уже действует сборочное предприятие «Азия Авто», осуществляющее сборку российских автомобилей «Нива»[179].

В перспективе создание ЕАЭС должно ускорить развитие машиностроительной промышленности РК за счет расширения рынков сбыта. По оценкам ЕАБР, поэтапное снятие нетарифных барьеров (введение универсальных правил и стандартов) внутри союза позволит выйти на рост производства в данной отрасли Казахстана в 46%. Также прогнозируется рост химической (+8% выпуска) и металлургической промышленности (+6%)[180].

Сохраняется интерес евразийских компаний и к добывающей промышленности Казахстана. ЕАБР, в частности, вкладывает средства в разработку месторождения урана Заречное на юге республики. Происходит привлечение и частных инвесторов из других стран ЕАЭС: например, российская компания «Еврохим» вкладывает деньги в освоение фосфоритовых месторождений бассейна Каратау.

Наконец, участие в общем рынке ЕАЭС может облегчить привлечение в РК инвесторов из дальнего зарубежья. Выше уже упоминались инвестиции КНР в ряд проектов на территории РК, обусловленные интересом к транспортному проекту. Если производства РК будут и дальше иметь свободный доступ к другим рынкам ЕАЭС, включая российский, в казахскую промышленность могут быть направлены, например, индийские инвестиции.

Участие в ЕАЭС открывает перед Казахстаном следующие возможности:

• увеличение товарной номенклатуры национального экспорта;

• получение доступа к инвестициям в обрабатывающую промышленность из России и дальнего зарубежья;

• восстановление национальной машиностроительной промышленности;

• развитие международного транспортного коридора КНР-РК-РФ-РБ-ЕС, включая строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Пекин;

• развитие нефтехимической промышленности РК и производства строительных материалов;

• снижение транспортных издержек и повышение рентабельности национальных производств.

5.3. Армения

После запуска процесса евразийской интеграции Армения достаточно продолжительное время не могла окончательно определиться с вектором экономической интеграции. Несмотря на участие в Зоне свободной торговли СНГ, Ереван вел активные консультации с ЕС по вопросу о заключении соглашения об ассоциации. В 2009 году Армения присоединилась к программе ЕС «Восточное партнерство», в 2012 — 2013 гг. вела активные переговоры о создании ЗСТ с ЕС и заявляла о готовности подписать соглашение об ассоциации к ноябрю. Однако Ереван также искал точки соприкосновения с евразийским интеграционным проектом. Определиться с выбором между двумя торговыми объединениями страна смогла только к концу 2013 года, когда стала очевидной невозможность совмещения тарифной политики двух объединений.

Определенную роль в окончательном выборе в пользу «евразийского вектора» сыграли, видимо, и общественные симпатии. По данным опроса 2013 года, в случае выбора между евразийским интеграционным проектом (тогда Таможенный союз) и ассоциацией с ЕС 75-86% высказывались за участие в интеграционных проектах с участием РФ, 19% — с Европейским союзом[181].

Текущее положение экономики Армении можно охарактеризовать как непростое. В 2000-е ВВП республики интенсивно увеличивался, как и во всех государствах региона, однако после кризиса 2008 — 2009 гг. экономический рост существенно замедлился.

Таблица 18. Динамика ВВП Армении в 2008 — 2014 гг.[182]

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ВВП -млрд. драмов	3149,3	3568,2	3141,5	3460,2	3777,9	4000,7	4272,9	4525
-млн долл. США	9204	11662	8648	9260,3	10142,1	9958,3	10431	11046
Рост к рошлому году, %	13,7	6,9	-14,1	2,2	4,7	7,2	4,7	3,4

Как видно из представленных данных, республиканская экономика в целом успешно восстанавливалась после резкого спада в 2009-м, хотя и не смогла вернуться к докризисным темпам роста. Однако изменение экономической динамики нельзя однозначно характеризовать как ухудшение.

В 2005 — 2007 гг. годовой рост ВВП стабильно составлял более 13%, в первую очередь, за счет активизации строительства (около 42% прироста в 2006 году), торговли (18%), транспорта и связи (26%). Причем в тот же год производство в добывающей и обрабатывающей промышленности даже сократилось. В послекризисный период развитие реального производства наоборот ускорилось: в 2011 году обрабатывающая промышленность выросла на 19%, а горнодобывающая — на 14%.

Резкое замедление экономического роста в 2013 — 2014 гг. было обусловлено комплексом причин. К неблагоприятным факторам текущей социально-экономической ситуации армянские эксперты относят так называемый «ценовой шок» (определение министра финансов Д. Саркисяна)[183]. Его причиной было повышение цен на газ и электроэнергию на 18% и 26,5% соответственно в июле 2013 года. В августе 2014 года произошло повышение тарифов на электроэнергию (10,1% в дневное время, 13,7% в ночное). Указанные колебания тарифов мало сказались на динамике потребительских цен, так как в национальной экономике чрезвычайно большую роль играют импортные товары. Но одновременно рост тарифов больно ударил по многим национальным производителям, так как привел к существенному росту любых производственных издержек.

В армянской экономике сложно выделить какие-то однозначные отрасли-«локомотивы», определяющие развитие страны. Доля всех видов промышленного производства, включая энергетику, составляет 16,8% от величины ВВП, торговля — 12,6%, строительство — 13%, сельское хозяйство — 20,3%. В целом структура валового продукта осталась схожей с той, что была актуальна до кризиса, за исключением сокращения роли строительства (25% ВВП в 2008-м). И это позволяет говорить об определенной стабильности структуры армянской экономики.

Ключевыми проблемами развития экономики Армении остается дефицит капиталов и технологий. Кроме того, необходимо учитывать, что национальная промышленность развивается под сильным прессингом иностранного импорта, конкурирующего с отечественными производителями. В 2014 году его объем достиг 4,4 млрд долл. при экспорте армянских товаров в 1,5 млрд. (см. таблицу 19). Импорт, составляющий более 41% в отношении к национальному ВВП, означает сильнейшую зависимость от иностранных поставок, а также сильно ограничивает возможности развития собственного производства.

Столь неблагоприятная структура внешней торговли определяется слабостью собственных производственных мощностей и спецификой национальной системы кредитования, которая в значительной мере ориентирована на валютные займы для бизнеса. В 2014 году 66,6% кредитов армянскому бизнесу и потребителям выдавалось в валюте, что естественным образом стимулировало спрос на импортные товары.

Таблица 19. Внешняя торговля и валютное кредитование в экономике Армении 2008 — 2014 гг.[184]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Экспорт, млн. долл.	1057,2	710,2	1041,1	1334,3	1380,2	1480	1519
Импорт, млн. долл.	4426,1	3321,1	3748,9	4145,3	4261,2	4476,8	4401
Выдано кредитов, трлн. драмов*	6,4	7,6	9,2	12,6	16,6	18	22
Доля валютных кредитов, %*	38,5	49,6	54,9	59,7	63,8	63,8	66,6

* На декабрь соответствующего года.

Как видно из приведенных данных, после кризиса доля валютных кредитов выросла с 38,5% в 2008-м до 63,8% в 2013-м, что связано с инфляцией драма в 2009 году. Однако уровень кредитования не оказал значительного влияния на импорт, который лишь к 2013 году превзошел докризисный уровень. Это объясняется «долларизацией» сбережений граждан Армении и использование валюты во внутренней экономической деятельности.

В перспективе явный избыток валютных кредитных ресурсов и широкое использование долларов и рублей внутри Армении могут стать серьезной проблемой для экономики страны и препятствием к развитию собственного производства. Кроме того, дефицитная внешняя торговля ведет к увеличению внешнего долга, который к началу 2013 года составил в республике 75,9% в отношении к национальному ВВП[185]. При экономических проблемах страны такой уровень долга недопустимо велик.

Экономика республики также испытывает ряд других проблем. Не следует забывать о сложностях, связанных с изоляцией Армении от рынков и транспортных сетей Азербайджана и Турции из-за политической конфронтации с этими государствами. В результате Армения в значительной степени зависит от транзита импортных товаров через территорию Грузии, а это создает риск нарушения поставок стратегически важных видов продукции в случае каких-либо чрезвычайных ситуаций природного или политического характера. Кроме того, емкость этого транспортного канала ограничена из-за того, что не восстановлено транзитное сообщение через Абхазию. И это делает невозможными железнодорожные перевозки между Арменией и Россией — одним из ключевых партнеров республики (20% экспорта и 24% импорта республики).

Наконец, экономический рост очень сильно сдерживает проблема картелизации ряда секторов экономики и коррупции. В силу понятных причин эти проблемы плохо поддаются количественному выражению, однако признаются практически всеми республиканскими экспертами и наблюдателями, с кем автору доводилось беседовать на эту тему. Можно процитировать оценку ситуации экс-председателем Центрального банка республики

Б. Асатряном: «Экономическая система Армении буквально нацелена на уничтожение малого и среднего бизнеса. Экономика полностью монополизирована, олигархи административными и силовыми методами душат малый бизнес. Экономикой управляют отдельные лица, которые делают все, чтобы уничтожить малый и средний бизнес. Это государство внутри государства, экономическую политику Армении диктуют не мировые тенденции, а эти самые лица»[186].

В частности, высокая монополизация традиционно характерна для сферы импорта потребительских товаров, экспорта многих видов аграрной продукции, продажи ГСМ и некоторых видов производств. Это явление связано с широким применением административного ресурса и ограниченностью доступа к кредитам предприятий, выходящих на рынок. Причем национальные картели часто довольно успешно противостоят не только выходу на рынок представителей малого и среднего бизнеса, но даже попыткам начать работу в стране, предпринимаемым крупными иностранными игроками. Ярким примером этого является вытеснение с рынка французской сети супермаркетов «Карфур» (Carrefour SA) под влиянием одного из национальных олигархов. Разумеется, сказать, сколь распространены коррупционные связи бизнес-картелей, невозможно, хотя оппозиция высказывает обвинения в связях с крупным бизнесом даже в адрес членов правительства.

Существует мнение, что после президентских выборов 2013 года усилилось давление некоторых элит на президента страны, из-за чего возникли проблемы в последовательной борьбе с коррупцией, и негативная ситуация усугубилась на низшем и среднем уровнях, что способствовало снижению экономического роста. Косвенно ухудшение в данной сфере подтверждает немотивированное снижение в 2013 году числа уголовных дел по фактам коррупции и обвинительных судебных приговоров по ним[187].

Необходимо сказать несколько слов и о том, как сказываются эти проблемы на уровне жизни граждан Армении. Вопрос о социальной динамике в республике довольно сложен. На фоне

роста ВВП, сохраняющегося после кризиса 2009 года, показатели уровня жизни населения растут довольно медленно, хотя некоторые улучшения все же присутствуют. В частности, сокращение доли трат домашних хозяйств на продукты питания с 52,7% от семейного бюджета в 2011 году, до 47,9% — в 2013-м[188]. И все же данный показатель избыточен по меркам экономически успешных стран СНГ, например, Беларуси (37,7%), России (31,2%)[189] и даже Азербайджана (41,5%)[190].

С другой стороны, хотя условия жизни населения Армении существенно уступают российским, однако на текущий момент являются не самыми плохими по меркам региона. В частности, доступ армянских граждан к пище и бытовой технике соответствует уровню соседнего Азербайджана, располагающего сверхдоходами от экспорта нефтегазовых ресурсов. Кроме того, в Армении достаточно высок уровень обеспеченности жильем по формальным показателям.

Таблица 20. Некоторые формальные показатели условий жизни Армении и Азербайджана, по данным Статкомитета СНГ[191].

	Армения	Азербайджан
Годовое потребление, кг.: -мяса и мясопродуктов	47	35
-молока и молочных продуктов	234	243
Наличие в домашних хозяйствах, ед. на 100 человек: - телевизоров	99	113
- холодильников	101	95
- автомобилей	27	28
Жилая площадь на человека, м^2	30,9	18,6

Из приведенных данных видно, что Армения имеет примерно одинаковый уровень обеспеченности бытовой техникой с Азербайджаном и даже превосходит эту страну по некоторым параметрам: потреблению мяса и площади жилья в расчете на одного жителя. Последний факт можно частично объяснить разницей учета жилых и нежилых помещений в статистике двух стран, однако разница в потреблении мяса и мясопродуктов —

несомненна. Она тем более бросается в глаза, учитывая значительную роль мяса в традиционной азербайджанской кухне.

Для обоих рассматриваемых государств Южного Кавказа характерно более высокое потребление овощей и фруктов, чем для России. Это определяется и климатической спецификой, и обычным для таких случаев наращиванием доли растительной пищи в рационе для компенсации относительной недостаточности мясных продуктов. Довольно ярко это показывает сравнение энергетической ценности продуктов. Данный показатель для дневного рациона среднего азербайджанца составляет — 2905 ккал, причем животные продукты составляют 18% ккал, для армянина — 2809 (24,6%)[192]. Сравнение по этому показателю также явно в пользу Армении.

Однако «радужные» итоги сопоставления условий жизни с Азербайджаном не отменяют наличие в республике весьма серьезных социальных проблем, с которыми все труднее мириться обществу. В 2014 году в Армении вновь вырос уровень безработицы, достигнув по официальным данным 17,1% по итогам первого квартала (против 16% в конце 2013-го). Особенно остро проблема стоит в городской местности, где доля безработных среди экономически активного населения достигает 23,6%[193]. Это оставляет заметную часть экономически активного населения «за бортом» экономического прогресса. В этой связи перед страной встает задача по решению социальных проблем путем создания массы новых рабочих мест и организации эффективного обмена трудовыми ресурсами с иностранными экономиками.

Одним из ключевых источников доходов республики являются иностранные переводы, исходящие в основном от армянских диаспор за рубежом, поддерживающих своих родных, оставшихся в Армении. По последним опубликованным данным, в 2014 году в республику было переведено иностранных средств на сумму 2,1 млрд. долл., причем 1,6 млрд. долл. поступили из России[194].

Экспорт рабочей силы из Армении в другие страны, преимущественно в Россию, в последнее время явно нарастает. В течение 2013 года отрицательное республиканское сальдо внешней

миграции превысило 120 тысяч человек, в первом полугодии 2014 года — 85 тыс. человек[195]. Общее число трудовых мигрантов на настоящий момент крайне велико. По данным последних исследований, 20,9% семей имеют минимум одного члена, работающего за рубежом, из которых 91% являются трудовыми мигрантами в России.

С социальной точки зрения трудовая миграция — канал снятия социального напряжения и вывода с трудового рынка безработных граждан. Исследования показывают, что для семей, члены которых работают за рубежом, выше удовлетворенность уровнем жизни (48,7% против 36% в семьях, не имеющих трудовых мигрантов), качеством своего питания (43,7% против 36,7%), защищенностью своих прав (42 — 44% против 31-32%). Социологи отмечают на основе проведенных исследований, что наличие в семьях мигрантов, живущих за рубежом, является важным фактором, снижающим протестную политическую активность граждан и смягчающим социальные проблемы[196].

В течение последних лет явно стали усиливаться проявления массового недовольства политикой правительства Армении. В частности, катализатором протестов стала недавняя неудачная попытка пенсионной реформы, которая позже была отменена конституционным судом. Против нее объединились практически все крупные оппозиционные партии, включая Армянский национальный конгресс и «Процветающую Армению». Прошли массовые акции протеста, собравшие рекордное по республиканским меркам количество участников. Некоторые из демонстраций сопровождались острыми инцидентами, в частности, мартовский пикет у Министерства финансов завершился попыткой самосожжения участника[197]. Все это указывает на исчерпание кредита доверия к власти в то время, как многие инициативы правящей элиты встречаются в обществе с недоверием.

В феврале 2015 года — в канун традиционных совместных акций оппозиционных партий в Ереване — многие опасались массовых беспорядков и даже попытки «цветной революции» в стране. Назвать эти опасения полностью беспочвенными на фоне сокращения экономического роста, неудачной пенсион-

ной реформы и новой волны экономических потрясений 2014 — 2015 гг. нельзя. В этих условиях ожидающееся вступление в ЕАЭС может стать толчком для преодоления тенденции к стагнации национальной экономики.

По предварительным расчетам Евразийского Банка Развития, дополнительный рост экономики в течение первых двух лет должен составить 1,5 — 2%, затем, вероятно, достигнет 4% без учета обсуждаемых ниже перспектив масштабных проектов и расширения номенклатуры экспортируемых республикой товаров[198]. При этом, однако, необходимо учитывать, что минимум в первые годы интеграции снятие таможенных барьеров внутри ЕАЭС не отразится на потребительских ценах из-за упомянутой выше проблемы «картелизации» внешней торговли в республике.

Условия вступления в союз направлены на то, чтобы максимально смягчить последствия переформатирования республиканской внешней торговли. На 700 наименований товаров, в основном социально значимых и ввозимых в республику из стран, не входящих в ЕАЭС, до 2019 — 2022 гг. заморожены существующие тарифы, чтобы исключить рост цен на потребительском рынке. Кроме того, согласно пожеланиям Армении, от пошлин полностью освобождается часть авиационных транспортных средств и продукции военного назначения. В обмен республика гарантирует, что ввозимые по льготным правилам товары не будут реэкспортироваться в другие страны союза, а будут использоваться только на армянской территории[199].

Технической проблемой членства в Евразийском экономическом союзе для национального бюджета может стать существующая особенность налогообложения — взимание НДС непосредственно у таможенной границы, что препятствует уклонению от налогов. После снятия внутренних таможенных барьеров государству придется пойти на изменение подхода к взиманию налогов с компаний, занимающихся торговлей импортными товарами[200].

С другой стороны, интеграция в рамках ЕАЭС должна увеличить присутствие бизнеса из России, Беларуси и Казахстана на национальном рынке, а это ведет к росту собираемости на-

логов. Дело в том, что в списке крупнейших налогоплательщиков республики лидирующие места занимаются именно российские компании и их «дочки». Например, «Газпром (Армения)» или «К-Телеком» (дочерняя компания МТС). По мнению региональных экспертов, такое положение дел во многом основано на иной корпоративной культуре России, которая сейчас вытесняет «обычаи» 1990-х, и большей «легальностью» бизнеса в сравнении с Арменией[201]. Кроме того, для армянской экономики оздоравливающую роль играет широкое привлечение российскими компаниями «белого» банковского кредитования и инвестиций.

Так или иначе, развитие евразийских бизнес-связей должно вести к постепенному выводу крупного армянского бизнеса из тени и росту налогооблагаемой базы в среднесрочной перспективе.

Улучшение ситуации экономисты видят также в расширении возможностей для доступа армянских товаров на рынок России и других стран евразийской «тройки», в частности, в увеличении экспорта сельскохозяйственных и продовольственных продуктов, благоприятные условия для чего создает режим санкций против стран Запада, введенных Москвой в 2014 году. Кроме того, резкий рост потребительских цен на продовольствие в начале 2015 года в России также превращает наращивание экспорта сельскохозяйственной продукции в крайне актуальную задачу и для российской стороны, и для ее партнеров.

Сейчас сельскохозяйственные товары (преимущественно продукты питания) составляют не менее 27,9% от армянского экспорта, причем наблюдается тенденция к увеличению их доли[202]. Резервы роста для данной отрасли довольно велики, благодаря тому, что в последние годы уровень использования пахотных земель в республике повышается.

По оценкам российской стороны, в течение двух — трех ближайших лет экспорт сельскохозяйственной продукции из Армении может удвоиться и достигнуть 800 млн. долл. (более 50% текущего валового экспорта республики). В первую очередь, речь идет о мясной и молочной продукции. В частности, российский посол в Ереване сообщил о возможности увеличения поставок

армянского сыра в Россию с 1,5 до 5 тыс. тонн в течение ближайшего года[203]. Кроме того, в перспективе Армения могла бы потеснить на рынках России томаты и цитрусовые из дальнего зарубежья, которые представлены на российском рынке крайне широко. (В частности, активным поставщиком томатов является Турция).

Перспективен экспорт некоторых непродовольственных товаров. Например, безбарьерный выход на рынки ЕАЭС открывает широкие перспективы для табачного производства Армении, ведь в других государствах союза развитие этого сектора экономики ограничено в силу климатических причин. Глава крупнейшего табачного производства в республике «Гранд Холдинг» М. Варданян оценил в ходе своей пресс-конференции в феврале 2015 года Евразийский союз как «шанс, которым должен воспользоваться любой армянский бизнесмен». «Мы сегодня расширяемся на российском рынке. В будущем году собираемся выйти на рынок Казахстана. Потом — Беларуси и Кыргызстана», — заявил он, подчеркнув, что рассматривает перспективу превращения собственной компании в транснациональную[204].

Наряду с прямыми выгодами от расширения экспорта Армения также заинтересована в косвенных выгодах от присоединения к ЕАЭС. В частности, союз подразумевает необходимость активизации транспортного обмена между странами-участницами, что для Армении тесно связано с проблемой прорыва транспортной блокады. На текущий момент транзитное сообщение с внешними рынками возможно только через территорию Грузии, что сопряжено и с политическими, и с логистическими рисками и ограничениями.

На текущий момент политическая составляющая вопроса решается армянской дипломатией, чему способствует заинтересованность Тбилиси в сохранении торговли с Россией, несмотря на острые политические противоречия. Однако существуют и чисто практические проблемы: сухопутный маршрут транспортировки проходит по автодорогам через Кавказский хребет (знаменитый КПП «Верхний Ларс»), которые могут оказаться непроходимыми в зимние месяцы из-за снегопадов и снежных лавин.

Это сильно лимитирует поставки, например, скоропортящейся сельскохозяйственной продукции.

Вывоз товаров из Грузии морем более надежен, однако контейнерная доставка многих грузов, включая насыпные (песок, зерно), не всегда оптимальна, и для нее в большей мере подошли бы железнодорожные перевозки.

В ряде случаев отсутствие железнодорожного сообщения прямо ограничивает развитие промышленности Армении. В частности, медный комбинат Техут (Лори) в 2013 году работал лишь с частичной загрузкой мощностей из-за ограниченной возможности экспортировать свою продукцию в Россию. Проблема — в доставке товара на иностранные рынки, стоимость которой завышается из-за затрат на перевалку и портовое обслуживание грузов. Исключение портовых расходов позволило бы уменьшить реализационную стоимость техутской меди, сделать ее конкурентоспособной на рынках ЕАЭС. Учитывая, что побочным продуктом работы комбината является серная кислота, являющаяся сырьем для производства минеральных удобрений, расширение добычи и первичной переработки меди может позволить активизировать на территории Армении производство удобрений, являющихся сейчас предметом импорта[205].

Еще более сложной является ситуация с национальным экспортом перлита — минерального сырья, широко использующегося в строительной промышленности России. Из-за издержек, связанных с перевозкой данного груза по дорогам Грузии, а затем морем, его цена на 40% превышает на рынке России расценки конкурирующих поставщиков из Турции и Греции. Армянские производители утверждают: при снижении транспортных издержек, которые составляют большую часть рыночной себестоимости продукта, ситуация могла бы бать обратной[206].

Существуют возможности экспорта из Армении в Россию других видов минерального неметаллического сырья, однако они также пока лимитированы транспортными проблемами[207]. Поэтому запуск новых отраслей в республике станет возможным исключительно после решения логистических проблем. Иначе

новые производства будут вынуждены работать «на склад», как многие действующие перлитовые комбинаты.

В этой связи неоднократно поднимался вопрос о возобновлении работы Закавказской железной дороги (ЗЖД), функционирование которой было нарушено после распада СССР. Проблемы восстановления ЗЖД связаны с тем, что она проходит по территории Республики Абхазия, не признанной официальным Тбилиси, причем грузинская сторона блокирует ее использование на уровне правовых актов. В частности, закон «Об оккупированных территориях» (от 23 октября 2008 года) прямо запрещает любой железнодорожный транзит (статья 6с) через территорию Абхазии и Южной Осетии. Коррекцию правовой базы делает невозможной политическое противостояние в Грузии, в рамках которого любые экономические соглашения с России вызовут резкую антиправительственную кампанию со стороны радикальных националистов, находящихся сейчас в оппозиции и постоянно обвиняющих власти в попытках сближения с Москвой.

Однако проблема ЗЖД в принципе имеет решение вне контекста диалога о статусе Абхазии и без изменения существующей правовой базы. Основанием для возобновления железнодорожного транзита товаров может служить «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Грузии об основных принципах механизма таможенного администрирования и мониторинга торговли товарами» от 11 сентября 2011 года, принятое в рамках обеспечения процедуры вступления России в ВТО. Данный документ предусматривает создание трех транспортных коридоров, известных как «коридоры ВТО», для обеспечения доставки грузов между двумя государствами.

В частности, имеется в виду т. н. «Коридор 1», предусматривающий перевозку товаров по территории Абхазии. При этом он определен лишь с помощью координат четырех терминалов, через которые может следовать груз, что позволяет использовать при его перевозке широкий спектр транспортных маршрутов. Учитывая, что по Конституции Грузии (статья 6-2) международные договоры имеют приоритет над национальными законами, реализация соглашения от 11 сентября 2011 г. позволяет факти-

чески дезавуировать статью 6с закона «Об оккупированных территориях» для поставок из России по этому маршруту.

Однако практическая реализация этого проекта без российского участия невозможна, так как абхазский участок ЗЖД был в значительной мере разрушен в ходе грузино-абхазской войны 1992 — 1993 гг., а также в последующие годы, когда большая часть путей не эксплуатировалась и была заброшена. Предполагаемая стоимость восстановительных работ достигает 251 — 277,5 млн. долларов[208], которые в настоящий момент может выделить только Россия.

Кроме того, важна роль России в качестве политического гаранта процесса. Нужно помнить, что возобновление транзита требует согласия Сухума, который, по информации автора, рассматривает в качестве условия возобновления железнодорожного сообщения гарантии «неприменения силы» со стороны Грузии. Однако Тбилиси не может заключить какие-либо дипломатические договоренности с Абхазией, так как это будет означать признание республики в качестве договороспособного субъекта права, что, в свою очередь, спровоцирует усиление позиций грузинских радикалов-националистов внутри страны. Проблему могли бы решить гарантии безопасности и суверенитета Абхазии со стороны России, которые, кстати, частично обеспечивает двусторонний договор, подписанный в 2014 году.

До текущего момента процесс стоял во многом из-за того, что правительство Армении не могло определиться с интеграционным вектором: выбрать между членством в ЕАЭС и договором об ассоциации с ЕС. Из-за этого Россия не спешила вкладывать средства в восстановление абхазского участка ЗЖД и активизировать переговоры с Тбилиси и Сухумом, так как этот проект имел смысл только в расчете на значительную активизацию сотрудничества с Арменией. (При текущем уровне торговли с Арменией и Грузией окупаемость проекта может составить до 200 — 250 лет[209]). Из-за простоя доверие к проекту начали терять и другие страны-участницы, поэтому сейчас возвращение к идее восстановления ЗЖД может потребовать дополнительных усилий.

Однако в перспективе возобновление работы ЗЖД и активизация торговли Армении с другими странами ЕАЭС может вывести участников проекта на принципиально новый уровень возможностей, связанных с перспективами создания международного транспортного коридора «Север — Юг» соединяющего Европу, Россию, страны Южного Кавказа и Иран. Армянский участок транспортного коридора проходит по маршруту Мегри — Капан — Горис — Ереван — Аштарак — Гюмри — Бавра, а затем через грузинскую территорию идет к морским портам и сухопутной границе с Россией.

Если такой маршрут транспортировки товаров станет реальностью, Армения превратится в транзитную страну, что позволит кардинально решить целый комплекс политических и транспортных проблем.

Конкретные хронологические рамки реализации МТК «Север — Юг» пока неясны. Запуск железнодорожного сообщения на данном маршруте пока не относится к числу задач ближайшего будущего. Автотранспортная «версия» МТК в настоящий момент уже реализуется путем ремонта и развития дорожной сети региона, которая осуществляется при участии ЕАБР и Антикризисного фонда ЕвраАзЭС. В 2015 году на эти цели республике был выдан кредит в 150 млн. долл. сроком на 20 лет.

Таким образом, вступление в ЕАЭС связано для Армении со следующими прямыми выгодами:

• расширение возможностей сбыта сельскохозяйственной продукции, включая табак, томаты и фрукты;

• привлечение в данную сферу инвестиций из России и Казахстана;

• возможность активизации добычи ряда видов минерального сырья, включая медь и перлит, с перспективой последующего сбыта на рынках ЕАЭС;

• появление возможности возобновления прямого железнодорожного транзита через Грузию и Абхазию, что облегчит экспорт скоропортящихся видов сельскохозяйственной продукции;

• развитие сети автодорог;

• легализация и улучшение положения трудовых мигрантов в России и Казахстане;

• в перспективе — создание транзитного маршрута Европа — Иран через территорию республики;

• вывод национального бизнеса из тени и рост культуры предпринимательства по мере экспансии бизнеса из России, Беларуси и Казахстана.

5.4. Кыргызстан

Интерес Кыргызстана к евразийским интеграционным проектам достаточно стабилен. Республика последовательно участвовала в ЗСТ СНГ, Едином экономическом пространстве, а в 2014 — 2015 гг. присоединилась к Таможенному союзу и ЕАЭС.

Но необходимо учитывать, что Кыргызская Республика имеет крайне негативный опыт экономической интеграции, связанный с вступлением в ВТО в 1998 году, за которым последовал период экономических сложностей. Произошло резкое падение роста ВВП до одной из самых низких отметок в регионе, сокращение внешней торговли, проблемы с инфляцией национальной валюты.[210] «Травмой от ВТО», видимо, обусловлена острая общественно-политическая борьба вокруг вопроса о вступлении в ТС / ЕАЭС в 2013 — 2014 гг.

Несмотря на позитивное в целом отношение общества, уровень поддержки евразийского интеграционного проекта колебался в этот период от 72% в 2013 году (против 14%) до 50% в начале 2014-го года (30% против)[211]. Правда, к февралю 2015 года ситуация снова изменилась в лучшую сторону: за выступали — 76% населения, против — 14%[212].

Однако колебания и беспокойство за будущее республики в рамках ЕАЭС остается. Для того, чтобы оценить потенциальное экономическое воздействие вступления в ЕАЭС на Кыргызстан, рассмотрим более подробно состояние национальной экономики. Начнем, как обычно, с анализа динамики ВВП (таблица 21).

Таблица 21. Динамика ВВП Кыргызстана в 2009 — 2014 гг.[213]

	2009	2010	2011	2012	2013	2014*
ВВП, млрд. сомов	201,2	220,4	286	310,5	355,3	397,3
-на душу населения, тыс. сомов	39,2	42,4	54,4	58	65	-
ВВП, млрд. долл.	4,7	4,8	6,2	6,6	7,2	7,7

* Предварительные данные на январь 2015 года.

Представленные показатели дают картину заметного экономического роста, переживаемого республикой. В частности, в 2011 году ВВП в национальной валюте вырос почти на 30%, в 2013-м — на 14%, в 2014 — на 11%. Однако частично эта динамика объясняется инфляцией сома, уровень роста валового продукта в долларах несколько более умерен, но тоже значителен: 9% в 2013-м и 7% в 2014-м.

В то же время анализ структуры производимого страной ВВП дает менее радостную картину. В 2013 году 41,1% ВВП приходится на долю сферы услуг (146,3 млрд сомов)[214], на сельское хозяйство — 14,6% (52 млрд), на обрабатывающую промышленность — 15,8% (56 млн.), строительство 6,3% (22,5 млрд). В 2014 году положение продолжило усугубляться на фоне спада в добывающей промышленности, и доля услуг в ВВП достигла по предварительным оценкам 48% ВВП (около 191,1 млрд.)[215].

Экономические диспропорции — очевидны. Причем есть основания предполагать, что доля непроизводственной сферы только занижена, так как в республике действует большой «теневой» или неформальный сектор, связанный с торговлей и транспортировкой товаров. По оценкам государственной статистики, доля «тени» в национальной экономике составляла в 2010 году около 19,1% ВВП. По другим расчетам, доля «неформальной» экономики может превышать 49% ВВП[216]. Конечно, основную массу неформального сектора — с точки зрения численности — составляют мелкие дехканские хозяйства в селах, в которых занято более трети трудоспособного населения страны. Однако в

финансовом отношении более половины теневого сектора — это именно торговля и транспортные перевозки, которые и лежат в основе национального рынка реэкспорта[217].

Исторически он возник как часть общего постсоветского движения торговцев-«челноков», ставшего реакцией на распад союзной экономики и дефицит товаров. Мое поколение в России еще помнит массовые поездки в Турцию первой половины 1990-х гг. за трикотажными изделиями. Кыргызстан же успешно использовал свое географическое положение и стал одним из мостов между китайским рынком и постсоветским пространством, что оказывало существенную помощь республике в тяжелый период 1990-х. Но, в отличие от ряда других постсоветских государств, стихийный рынок реэкспорта не отошел на периферию, но даже институционализировался и окреп.

Многие в Кыргызстане открыто признают, что одной из основ экономики является реэкспорт через республику дешевых китайских товаров в Казахстан и Россию, часто — контрабандными путями. Неформальном центром этой сферы считается бишкекский рынок «Дордой», где заключается изрядная часть сделок. В шутку горожане называют его «предприятием национального значения». Известно, что «Дордой» занимает территорию около 100 га. Только по официальным данным, на нем располагается 10 — 16 тысяч торговых контейнеров и занято более 50 тысяч человек. Однако «Дордой» является далеко не единственным рынком в Бишкеке с 850-тысячным населением (по неофициальным данным, около 1 млн жителей), приезжим наверняка посоветуют посетить рынок «Мадина», а также Ошский или Ортосайский рынки в столице республики.

О роли торговли в жизни общества можно также судить и по занятости. Опять-таки по заведомо заниженным официальным оценкам, около трети трудоспособного населения Бишкека работает в сфере торговли и бытовых услуг, а реальный уровень этого показателя с учетом неофициального найма может составлять и более высокие значения. И при этом Бишкек является, хотя и основным, но не единственным «торговым центром страны». Столичные рынки в большей степени ориентированы

на торговлю с Россией и Казахстаном. Но помимо них существуют и такие крупные региональные торговые узлы, как оптово-вещевой рынок в Кара-Суу, ориентированные на поставки в Таджикистан и Узбекистан.

Однако в 2011 — 2014 гг. сектор рекэспорта столкнулся с серьезным кризисом, вызванным изменениями внешней политической и экономической конъюнктуры. В первую очередь, проблемы создало оформление в 2011 году новой системы в рамках Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. Таможенный контроль был перенесен на внешнюю границу ТС, что значительно осложнило «серый» реэкспорт китайской продукции из Кыргызстана. Кроме того, Казахстан, пользуясь пребыванием КР вне рамок объединения, перешел к практике создания административных барьеров для кыргызских товаров. Последнее было обусловлено в том числе политикой по превращению Казахстана в узел транзита китайского импорта и фактическую конкуренцию на этом поле с Бишкеком.

По сообщениям региональных изданий, грузопоток на «Дордое» в последние годы сократился в три-четыре раза со 150 — 200 фур в день до 40 — 50 машин[218]. Недавние опросы, проведенные среди торговцев рынка, подтвердили наличие проблемы. По этим данным, 69% опрошенных работников рынка и предпринимателей говорят о заметном сокращении оборота в течение двух последних лет, 76% — о сокращении числа оптовых покупателей, 46% уверены в том, что эта тенденция сохранится в ближайшие годы[219].

В 2015 году по торговле с Россией также больно ударило падение курса рубля, в результате чего реэкспортные товары стали внезапно терять конкурентоспособность. Особенно остро встала проблема сбыта для рынка транзитных иномарок, закупленных предпринимателями-посредниками в прошлый период. На рынках России и Казахстана они не востребованы, в результате чего автомобилями оказались наводнены крупные города Кыргызстана. Сбыт здесь также ограничен из-за кризиса, однако в республике был зафиксирован «автомобильный бум». В частно-

сти, старожилы Бишкека отмечают, что на улицах города впервые появились образцы некоторых дорогих марок машин.

Однако кризис реэкспортной отрасли в Кыргызстане, как мы отметили выше, начался уже давно, и его причины никак не связаны с вступлением страны в ЕАЭС и изменением таможенных тарифов. Источники кризиса — сугубо внешние и не зависящие от политики республиканского руководства. Казахский бизнес в последние годы составляет все большую конкуренцию на рынке реэкспорта и стремится замкнуть на себя потоки китайских товаров, которые все еще пользуются спросом на постсоветском пространстве. Находясь в зоне ТС, Казахстан имеет все шансы «отбить» значительную часть рынков сбыта на своей территории и в России, что приведет к краху кыргызского реэкспорта (88% торговцев «Дордоя» продают свои товары преимущественно выходцам из Российской Федерации и Республики Казахстан).

Казахское присутствие на рынке рекэкспорта будет усиливаться после открытия центра приграничного сотрудничества «Хоргос» на границе с Китаем. Рост емкости казахского транзита может привести к тому, что поток товаров двинется по более удобному маршруту в обход Кыргызстана. Кроме того, идет постепенное укрепление пограничной охраны, в результате — сокращаются возможности контрабандного ввоза в РК реэкспортных товаров в обход тарифов ЕАЭС.

Однако вступление в экономический союз само по себе не решает проблему, так как введение определяемых правилами организации тарифных ставок отразится на обороте торговли с Китаем и повлияет на стоимость реэкспортных товаров. В результате — при любой внешнеполитической стратегии — страна сталкивается с необходимостью коренной перестройки экономики с сокращением доли торговли и услуг в пользу реального производства. КР нуждается в создании новых промышленных предприятий, однако, пока не может справиться с этой задачей из-за недостатка средств и плохих условий для бизнеса.

Прежде всего, сказывается политика национальных банков в области кредитования. Уровень займов, выдаваемых финансовыми институтами, не слишком велик: в 2014 году он составил

79 млрд. сомов или 19,6% от ВВП. Но эти относительно небольшие ресурсы распределяются крайне неравномерно: 57,2% займов составляют кредиты, выданные предприятиям сферы торговли, а также потребительские и ипотечные займы, которые в конечном итоге финансируют не реальное производство, а рынок потребительских товаров и в какой-то мере отрасль строительства. Также очень большой дисбаланс создает массовое валютное кредитование экономики, составляющее около 56,1% от всей массы займов[220].

В течение последних пяти лет доля валютных займов имела явную тенденцию к росту, что вело к стимулированию импорта в страну потребительских товаров.

Таблица 22. Кредитование национальной экономики и внешняя торговля Кыргызстана в 2010 — 2014 гг.[221]

	2010	2011	2012	2013	2014
Общая масса кредитов, млрд. сом	22,8	31,9	38,1	59,3	79,4
-из них в валюте	10,9	16,7	21	32,6	44,6
Доля валютных кредитов, %	47,8	52,4	55,1	55	56,2
Экспорт, млрд. долл.	1,8	2,2	1,9	2	н/д
Импорт, млрд. долл.	3,2	4,3	5,6	6	н/д

Как видно из приведенных данных, прирост доли валютных кредитов в общей массе кредитования за пять лет составил почти 10%. На этом фоне почти в два раза вырос импорт при минимальном росте экспорта. В результате дефицит внешней торговли вырос с 1,5 млрд. в 2010 году до 4 млрд. в 2013-м. В результате отношение импорта к национальному ВВП в долларовом выражении составило 80% (!).

Частично торговый дефицит республики покрывают не учитываемые в приведенной выше статистике доходы от экспорта рабочей силы. Они выражаются в денежных переводах трудовых мигрантов домой и составляют около 2,1 млрд. долл. (предварительные данные за 2014 год). Особую роль в этой статистике традиционно играет Россия. В 2014 году республика получила 1,4 млрд. долл. переводов от нерезидентов из РФ, большую

часть которых составляли переводы трудовых мигрантов. Эта сумма составила более 15,5% ВВП КР.

Указанные средства не только покрывают упомянутый дефицит внешней торговли, но и выполняют важную социальную функцию. Недавнее социологическое исследование ЕАБР цитирует такую реплику трудового мигранта из КР, работавшего в России: «В Бишкеке работала преподавателем географии в средней школе. Выехала к сестрам в Подмосковье, так как надо было кормить семью, найти деньги на лечение мужа. Сейчас вернулась, купила участок, строим небольшой трехкомнатный дом, открыли продуктовый павильон, сын заканчивает университет… Работа в России однозначно улучшила материальное положение моей семьи. Работала бы дальше в школе — не хватало бы ни на что, собственного дома не было бы даже через 30 лет»[222].

Однако в долгосрочной перспективе экспорт трудовых ресурсов больно бьет по экономике, так как ведет к утечке наиболее квалифицированных кадров. Кроме того, такие «гостевые» заработки вне страны ведут к деградации собственного производства и удовлетворению потребностей населения страны за счет того же импорта.

В Кыргызстане потребности страны в ряде ключевых видов потребительских товаров обеспечиваются в основном иностранными поставщиками. Например, в страну ввозится 60,1 тыс. тонн мяса при собственном производстве мяса и колбасных изделий около 11,7 тыс. тонн. По молоку аналогичные показатели — 11 против 22,9 тыс. тонн соответственно, по сахару — 82,7 против 3,3, по пшенице — 361,7 против 819,4. Таким образом, страна удовлетворяет свои потребности в мясе за счет импорта на 83,7%, в молоке — на 32%, в пшенице — на 30,6%[223]. Естественно, при таких условиях трудно говорить и о продовольственной безопасности страны, и о развитии собственного агропромышленного комплекса.

Ситуация в сфере сельского хозяйства является крайне сложной в результате фактической остановки развития отрасли в период 1990 — 2000 гг. За последние 20 лет площадь обрабатываемой земли стабильно сокращалась: пашни — на 7%, богарных

посевов — на 11%, многолетних посевов — на 21%. Фактический уровень использования земель сельскохозяйственного назначения уменьшился на 11,6%. Сказывалась неэффективность использования земли после разделения колхозного фонда между малыми собственниками, которые не имели средств для обслуживания оросительных систем. Кроме того, в ряде случаев из-за общей нерентабельности производства орошаемые земли передавались под застройку и выводились из сельскохозяйственного оборота[224]. Пожалуй, наиболее острой является ситуация в вопросе деградации пастбищных земель, уровень которой, по официальным данным, достиг 70%, в т. ч. из-за неэффективного использования[225].

В области сельского хозяйства местные жители также указывают на массу проблем: дефицит технических и кредитных ресурсов (хотя уровень кредитования отрасли почти удвоился за последний год), слабость централизованных закупок сельхозпродукции, нехватка собственных обрабатывающих производств, которые могли бы быть потребителями сельскохозяйственного сырья. Правительство пытается решить эти проблемы, развивая лизинг сельскохозяйственной техники, однако восстановление республиканского аграрного сектора потребует еще долгого времени. Проблему составляет в том числе небольшой размер большинства хозяйств, где затратные ирригационные работы и использование сельхозтехники просто не окупаются.

Крайне сложной остается ситуация и в сфере развития собственной промышленности Кыргызстана. Во-первых, проблемой является крайне ограниченное кредитование отрасли на фоне приведенной выше статистики по займам в сфере торговли. Промышленность получает лишь 10,2% от общей массы кредитов, что составляет около 10 млрд. сомов. Подобное сравнительно слабое кредитное обеспечение отрасли отталкивает бизнес от идеи проектов в сфере реального производства, так как кредитная обеспеченность торговли и услуг оказывается гораздо выше.

Другой проблемой является обеспечение прав инвесторов, которое в Кыргызстане регулярно становится острейшей

проблемой. Примером является ситуация вокруг золотодобывающего комбината «Кумтор» — крупнейшего промышленного предприятия страны, принадлежащего канадской компании «Центера Голд». КР, в свою очередь, владеет 32,7% пакетом акций «Центеры», однако после смены власти ряд депутатов парламента поставили вопрос о необходимости пересмотра этого соглашения. На момент написания этих строк обсуждается схема обмена кыргызстанского пакета акций «Центеры Голд» на долю в «Кумторе», однако правительство и парламент не могут достигнуть соглашения о величине «справедливого» пакета, из-за чего канадская сторона демонстрирует обеспокоенность.

Ситуацию осложняет то, что республиканский пакет акций «Центеры» сейчас арестован по решению канадского суда из-за иска другой компании «Stans Energy». Ее иск против КР связан с намерением кыргызской стороны лишить фирму лицензии на разработку месторождения редкоземельных металлов «Кутессай-2», хотя та уже успела вложить в проект более 118 млн. долларов. Бишкек обвиняет инвесторов в нарушении достигнутых соглашений, те утверждают, что являются жертвой интриг конкурентов, пытающихся лишить компанию актива с помощью коррупционного ресурса. Сама сложившаяся ситуация и шум в прессе вокруг нее не способствуют инвестициям в республику. Во всяком случае, пока нет уверенности в том, что политическая ситуация и позиция властей по поводу ранее заключенных сделок стабилизируются.

Тема невыгодности существующего соглашения по этому вопросу постоянно муссируется в республике, а в 2013 году ситуация вокруг «Кумтора» стала поводом для массовых беспорядков в районе комбината. Протестующие блокировали дорогу к комбинату и захватили подстанцию с целью нарушить электроснабжение предприятия. Тогда было введено чрезвычайное положение и беспорядки были подавлены, но многие зарубежные бизнесмены считают, что власти так и не смогли адекватно среагировать на ситуацию и оперативно ее разрешить. В 2014 году аналогичные беспорядки, сопряженные с перекрытием дороги, вспыхнули в районе рудника «Шыралжын» в Таласской области.

Хотя эти выступления проходят в том числе под экологическими лозунгами, фактически местные жители таким образом пытаются добиться от инвесторов дополнительных вложений в социальные проекты, так как налоги в республиканский бюджет до местных общин не доходят[226].

Сами по себе эти выступления не могут служить вестниками «новой революции», страх перед которой после событий 2005 и 2010 гг. стал фоном политической жизни республики. Однако, как считают многие, отсутствие адекватной реакции на беспорядки со стороны кыргызских органов власти вполне демонстрирует их слабость. Зарплаты личного состава правоохранительных органов крайне низки и составляют 10 — 12 тыс. сомов, что значительно ниже, чем в частном секторе. Суды над бойцами спецподразделений, противостоявшими участникам революции 2010-го, вовсе не мотивируют современных стражей порядка на последовательное выполнение своих обязанностей, ведь в случае резких политических изменений люди рискуют оказаться в роли «пособников свергнутого режима».

Есть, впрочем, и социальные факторы нестабильности. Уровень бедности в среднем по стране достигает 37%, в сельской местности — 41,4% населения[227]. Как отмечалось выше, уровень питания жителей республики имеет тенденцию к сокращению и в 2012-м был близок к биологической минимальной норме. В опубликованном тексте доклада представителя Минсельхоза республики в ООН приводятся следующие шокирующие факты: «Относительно уровня 1992 года … в 2013 году средние физиологические нормы на душу населения удовлетворены в мясе на 73,0%, в яйцах на 43,1%, в рыбе и рыбопродуктах на 21%. Дефицит этих продуктов восполняется за счет значительного превышения уровня потребления, предусмотренного физиологическими нормами, хлебобулочных изделий, картофеля, овощей и бахчевых, растительного масла и молока. В Кыргызстане из-за недостаточного потребления основных питательных веществ и калорий имеет место большая распространенность среди детей и взрослых болезней, обусловленных недостаточным питанием. По оценкам ЮНИСЕФ и ВБ, в Кыргызстане 21,8% из 1547 случа-

ев смерти среди детей в возрасте до пяти лет были связаны с недоеданием, 50% смертей обусловлено задержкой роста умеренной или тяжелой степени»[228].

Очевидно, что слабость государственного аппарата, бедность общества и угроза голодания для беднейших слоев населения создают опасные предпосылки для революционной ситуации в стране. В настоящий момент правительство во многом поддерживает баланс ситуации с использованием системы сдержек и противовесов в кыргызском социуме, а оппозиционные партии не находят достаточной поддержки у населения. Действующая власть все еще пользуется некоторым кредитом доверия, надеждами населения на улучшения ситуации в ближайшем будущем.

Для решения социальных проблем необходимо развитие экономки, но ситуация во многом упирается в дефицит инвестиций в республиканскую экономику. Существует масса проблем, отпугивающих инвесторов, кроме перечисленных выше. К их числу относятся: слабость судебной системы и неисполнение судебных приговоров, износ национальной инфраструктуры, слабость системы здравоохранения и институтов государственной власти. В конце концов, до сих пор актуальны и политические риски, вызванные частой сменой кабинетов министров, а также регулярными слухами о близости новой революции.

Однако необходимо отметить, что Кыргызстан обладает важными условиями для привлечения инвесторов в свою экономику: сравнительно дешевой рабочей силой и низкой, по меркам ЕАЭС, налоговой нагрузкой. Например, в России ставка НДС составляет 18%, в Кыргызстане — 12%, налог на прибыль в России — 20%, в Кыргызстане — 10%. Общий коэффициент налоговой нагрузки Кыргызстана (19%) среди стран, входящих в ЕАЭС, уступает только Казахстану (14%)[229].

На основе исследований текущего состояния торговли в Кыргызстане можно выделить несколько потенциальных «отраслей-локомотивов», которые могут успешно развиваться в рамках общего рынка ЕАЭС и «тянуть» за собой другие отрасли. Формальный анализ существующих конкурентных преимуществ

в торговле с Россией и Казахстаном позволяет выделить две такие наиболее перспективные отрасли собственного производства — сельское хозяйство и легкую промышленность[230].

Многие специалисты полагали, что данный спектр товаров может представлять интерес, в первую очередь, для Казахстана. На уровне правительств двух стран даже обсуждалось создание совместного мясного производства на территории КР при участии РК в качестве инвестора (СП «Мясо»)[231]. Но в настоящий момент Россия также рассматривает в числе актуальных задач минимизацию поставок продовольствия из дальнего зарубежья, что связано с эмбарго против стран ЕС и колебаниями национальной валюты относительно доллара и евро. Естественно, в этих условиях востребованным становится рост продовольственных поставок из стран ЕАЭС.

В настоящий момент к числу продуктов сельского хозяйства, экономически пригодных для экспорта на рынки Союза, можно отнести, прежде всего, мясомолочные товары. Несмотря на то, что в настоящий момент Кыргызстан является их активным импортером, местные экономисты оценивают республиканский потенциал в этой области как значительный.

На текущий момент, однако, в кыргызском «мясомолочном проекте» много неясностей. Фитосанитарный контроль в стране практически отсутствует, что и затрудняет сегодня экспорт местного мяса за рубеж. В рамках подготовки к членству в ЕАЭС Россия спонсирует создание сети контрольных станций в республике, но их запуск может продемонстрировать не самую благоприятную картину в республиканском животноводстве. Среди специалистов существуют пессимистические оценки уровня заболеваемости среди скота, что может исключить легальный экспорт большей части мясной продукции из КР. В этом случае буквальное оздоровление скотоводческого рынка в республике, даже при условии активной финансовой поддержки Москвы и Астаны, может потребовать от трех лет[232].

Впрочем, есть неплохие шансы для развития некоторых экспортно ориентированных растениеводческих производств, осо-

бенно бахчевых, выращиванию которых способствует климат. Имеется также несколько региональных вариантов производства сельскохозяйственной продукции на экспорт — выращивание фасоли в Таласской области и ореховодства в предгорьях Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины. Из числа непродовольственных товаров перспективным направлением является шерсть овец (особенно тонкое руно мериносов). Предположительно уровень этого производства можно поднять минимум в два раза без ущерба для экосистемы, так как современное поголовье овец в республике отстает в несколько раз от уровня конца 1980-х гг.[233]

Наконец, необходимо обратить внимание на производство хлопка. В настоящий момент его основным поставщиком в Россию считается Узбекистан, однако Ташкент в настоящий момент отказался от членства в ОДКБ и несмотря на улучшение отношений с Москвой членство в ЕАЭС пока серьезно не рассматривает. Между тем, хлопок относится к числу культур оборонного назначения и в связи с производством порохов, и в связи с производством военной формы. В условиях обострения отношений между Россией и Западом очевидна необходимость максимальной локализации поставок продукции военного назначения среди стран-союзниц.

Кроме экспорта сырья, Кыргызстан может попытаться выйти на рынок ЕАЭС с предложением готовых изделий из импортных тканей, если не для государственных заказов, то для гражданского рынка «бюджетной» одежды. В этом сегменте за счет отсутствия тарифных барьеров Кыргызстан мог бы побороться с засильем продукции китайской легкой промышленности в РФ и РК.

В отличие от многих других отраслей республики, которым не удалось пережить кризис 1990-х, легкая промышленность Кыргызстана имеет довольно хорошие стартовые позиции. В республике действует ряд известных комбинатов, например, АО «Ош-Жибек» (Ошский шелковый комбинат), АО «Текстильщик», АО «Касиет». Уже сейчас на экспорт идет около 90% их продукции, что позволяет поддерживать в отрасли довольно высокий уровень зарплат: на начало 2015 года средняя заработная плата

швеи достигала 24 тысячи сомов, что превосходит денежное довольствие старшего офицерского состава армии[234].

В настоящий момент рынок швейной продукции находится преимущественно в «теневом секторе», в том числе из-за того, что продукция часто реализуется на потребительском рынке под турецкими марками. По этой причине отрасль практически лишена господдержки, имеет ограниченный доступ к кредитам на приобретение оборудования и обучение персонала. Для успешного развития легкой промышленности КР в ЕАЭС необходима ее постепенная легализация.

Довольно большие дискуссии вызывает вопрос о том, как скажется рост тарифов в рамках ЕАЭС на стоимости ткани, ввозимой из Китая (сырье из Таджикистана и Узбекистана не используется в большинстве цехов из-за низкого качества). Однако существующие исследования говорят, что эта проблема сильно преувеличена. Предполагаемый рост стоимости ткани после изменения тарифов может увеличить конечную стоимость продукции лишь на 3 — 4%[235], что будет с лихвой компенсировано политикой протекционизма в рамках Евразийского экономического союза. Кроме того, развитие национального производства хлопка может позволить частично перейти на использование собственного сырья.

Можно предположить, что в швейной промышленности успех будут иметь совместные предприятия с Россией и Казахстаном. В настоящий момент эта отрасль все равно зависит от поставок фурнитуры (пуговицы, молнии и проч.), спрос на которую не удовлетворяется в рамках республики. В перспективе российские и казахстанские партнеры могут выступать также в роли поставщиков инвестиций и более современного оборудования и, наконец, потребителей готовой продукции. Однако создание новых торговых цепочек в рамках ЕАЭС может потребовать от кыргызского бизнеса и власти усилий, которые пока явно недостаточны для того, чтобы полностью использовать возможности, появляющиеся в рамках союза.

Открытым остается вопрос об экспорте из Кыргызстана редкоземельных металлов, импортером которых является Рос-

сия. В этом отношении перспективным является упоминавшееся выше месторождение «Кутессай-2», которое в советский период являлось одним из крупнейших в своей отрасли, однако было закрыто после распада СССР из-за нерентабельности. Активизация торговли с ЕАЭС может позволить «реанимировать» ряд добывающих производств за счет спроса на поставки сырья в Россию и Беларусь.

Хорошие предпосылки для развития добывающей промышленности создает существующая в республике логистическая сеть. В настоящий момент она ориентирована на обеспечение внешней торговли, однако опыт показывает, что компании-перевозчики могут переориентироваться на другие виды грузов, включая строительные материалы. Вообще современная отрасль реэкспорта создала национальную сеть логистики, где рынки стали грузовыми терминалами и географическими узлами перевозки грузов. В новых условиях при известной модернизации сложившуюся транспортную сеть можно пытаться переориентировать на новую товарную номенклатуру и адаптировать к взаимодействию с собственными производствами в республике[236].

Несомненно, речь не идет о полной ликвидации реэкспортного сектора. Наличие соглашения о ЗСТ СНГ, в котором участвует Узбекистан, означает, что для кыргызского бизнеса сохранится возможность активной транзитной торговли с Узбекистаном и Туркменистаном. По данным автора, уже существуют некоторые стратегические соглашения по данному вопросу между представителями кыргызского и узбекского бизнеса (правда, на этом направлении очевидна — в силу географических причин — конкуренция с Таджикистаном, который также входит в ЗСТ).

Кроме того, на первые пять — десять лет членства Кыргызстана в ЕАЭС сохраняются льготные тарифы на ввоз в республику социально значимых товаров из третьих стран (в общей сложности 260 наименований). Также вводится режим свободных экономических зон и норма о т. н. «свободных складах», которая позволит сохранить на какое-то время старый тарифный режим для некоторых видов национального бизнеса. Однако вопрос о

частичной переориентации бизнеса, работающего в сфере торговли, — актуален, и республике его предстоит решать в течение ближайших лет.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о влиянии более широкого проникновения в республику бизнеса из России и Казахстана, который привнесет в экономику свои корпоративные нормы. Этот аспект интеграции трудно оценить в численном выражении, но многие связывают с ним очень серьезные ожидания. Один из заметных бизнесменов КР так изложил мне в беседе свой взгляд: «Это очень важно! Если здесь будут появляться российские компании, они начнут все понемногу менять. Тот же «Газпром»: на него не смогут наехать бандиты, он не будет давать взяток министрам. Это само по себе уже многое значит!»[237].

Несомненно и более прозаическое влияние присутствия других стран ЕАЭС в экономике Кыргызстана. Появление российских и казахских банков позволит оживить кредитный рынок республики и сломать «клановые» системы кредитования, которые, по отзывам республиканских экспертов, играют в ней очень большую роль. Говорить о том, что российские игроки помогут быстро преодолеть все накопившиеся негативные тенденции, слишком оптимистично, но появление на рынке новых игроков, не связанных картельными или родственными неофициальными связями, не может не внести оживления в экономику.

Из-за сравнительно недавнего присоединения Кыргызстана к ЕАЭС средства евразийских институтов еще не очень активно поступают в республику, но, вероятно, их поток вырастет после официального присоединения КР к объединению в мае 2015 года. Впрочем, уже сейчас Антикризисный фонд ЕврАзЭС выделил кредит в 20 млн. долл. на приобретение республикой сельскохозяйственной техники, а также 60 млн. долл. на реконструкцию дороги Бишкек-Ош. Кроме того, на момент написания этих строк ЕАБР было предварительно одобрено выделение средств на развитие Камбартинской и Токтогульской ГЭС, а также выделение 25 млн. долл. на развитие транспортно-логистической системы КР[238].

Крупнейшим на текущий момент евразийским финансовым проектом в Кыргызстане является Кыргызско-Российский Фонд Развития, созданный на основе российского капитала. Консолидированные в нем средства будут инвестироваться в экономику КР, в основном в крупные проекты стоимостью от 3 млн. долл. Общий капитал фонда будет достигать 1 млрд. долл.[239]

Существующие прогнозы оценивают вступление в ЕАЭС как позитивный фактор для развития национальной экономки. По предварительным оценкам группы экономистов Академии государственного управления (Бишкек), одномоментный эффект от присоединения к ЕАЭС может составить около 3% роста экономики, роста реального производства на 8,8% и занятности на 2,5%[240].

Эти расчеты учитывают возможное расширение номенклатуры экспортируемых товаров без рассмотрения добывающей отрасли. Вне этих оценок находится теневой сектор и перспективы его легализации в рамках преобразованной национальной экономики. Исследование ЕАБР оценивает возможный рост ВВП после вступления КР в евразийский интеграционный проект в 4 — 5% годовых при «пессимистичном» сценарии развития экономики. «Оптимистичный сценарий» предусматривает годовой рост в 6 — 7% ВВП с последующим выходом на темпы роста в 9 — 10%[241].

Таким образом, к прямым выгодам для Кыргызстана от вступления в ЕАЭС относятся:

• привлечение иностранных инвестиций в реальный сектор экономики, преимущественно в сельское хозяйство и легкую промышленность;

• возможность увеличения экспорта продукции сельского хозяйства (мясо, фасоль, орехи, некоторые виды шерсти, хлопок);

• возможность расширения сбыта и производства бюджетной текстильной продукции с перспективой увеличения внутреннего производства хлопка для ее нужд;

• возможность развертывания добычи и экспорта редкоземельных металлов;

• улучшение положения трудовых мигрантов в России и Казахстане;

• вывод из тени бизнеса и рост культуры предпринимательства по мере экспансии бизнеса из России, Беларуси и Казахстана.

5.5. Таджикистан

В настоящее время Республика Таджикистан (РТ) не является членом ЕАЭС, однако рассматривается в числе наиболее реальных кандидатов на вступление. Здесь сказывается и членство страны в ЗСТ СНГ и тесное партнерство с Россией и Казахстаном в рамках ОДКБ. Население страны достаточно позитивно относится к возможному вступлению в союз: за участие в интеграционном проекте выступают 72% населения, против — 4%[242].

Проблемой на пути в ЕАЭС являются, скорее, возможные возражения в странах, являющихся действующими членами организации, так как перспективы Таджикистана ассоциируются с возможными проблемами в сфере экономики и безопасности.

Формально таджикистанская экономика демонстрирует в последние годы стабильный рост ВВП, причем в национальной валюте этот показатель даже удвоился за последние шесть лет (таблица 23).

Таблица 23. Статистика ВВП Таджикистана (2009 — 2014)[243].

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ВВП, млрд. сомони	20,6	24,7	30,1	36,2	40,5	45,6
ВВП, млрд. долл.	5	5,6	6,5	7,6	8,5	9,2
ВВП на душу населения, долл.	661	740,7	836,2	953,3	1045	1102,9

Как мы видим, абсолютные значения ВВП в сомони и долларах демонстрируют тенденцию к быстрому росту, который в течение большей части рассматриваемого периода превышал 10% в год. Некоторое замедление отмечено лишь в 2014 году и в значительной степени обусловлено внешними факторами.

Но структура ВВП Таджикистана позволяет говорить о существовании серьезных системных проблем в национальной экономике. Ключевым сектором экономики до сих пор считается сельское хозяйство, объем которого достигает 21,1% ВВП (на 2013 год). Сектор торговли и услуг также велик: как в ряде развитых стран ЕАЭС, он составляет 43%, причем менее 14% ВВП приходится на транспорт и связь. Доля промышленности равна 13%, строительства — 10,2%. Причем в последние годы доля сельского хозяйства растет, а промышленности постепенно сокращается[244].

Во многом высокий уровень развития торговли и услуг при большой роли агропромышленного комплекса обусловлен тем, что внутренний спрос в последние годы зачастую превосходит объем национального ВВП и подпитывается из внешних источников. Современная система национальной статистики фактически не учитывает ключевую составляющую национальной экономики — поступления от экспорта рабочей силы. Выше мы уже показывали, что сумма переводов трудовых мигрантов из одной только России составляет почти 33% национального ВВП[245].

Второй по значению отраслью, как упомянуто выше, является сельское хозяйство. В данной отрасли занято около 66,1% населения республики[246]. Основные культуры — хлопок-сырец, являющийся основным предметом экспорта, и зерновые. Кроме того, продукция растениеводства включает также кукурузу, фрукты, рис, картофель. Продукция животноводства — мясо, молоко, яйца и шерсть.

Наряду с сельским хозяйством к числу «отраслей-локомотивов» реального производства относится выпуск продуктов питания, хлопка, электроэнергии и алюминия. Последние две отрасли, составляющие заметную долю в национальном экспорте, основаны на эксплуатации национальных водных ресурсов.

В республике насчитывается 947 рек длиной более 10 км, а также несколько тысяч более мелких рек и водоемов. По объему располагаемых водных ресурсов страна занимает первое место в регионе и восьмое в мире, причем, в отличие от ряда соседних государств, объем воды мало зависит от стока на чужой суверен-

ной территории. Сейчас в стране функционирует несколько сотен ГЭС, к числу крупных относятся одиннадцать.

Они дают около 98% национального производства электроэнергии, которое, правда, жестко привязано к временам года. В зимний период реки мелеют, и республика сталкивается с энергетическим дефицитом, поэтому вынуждена прибегать к импорту, летом же отмечается избыточное производство и возникает проблема холостого сброса воды. Наиболее важным энергетическим комплексом можно считать Вахшский каскад ГЭС, включающий семь эксплуатирующихся электростанций различной мощности, крупнейшей из которых является Нурекская ГЭС (около 3000 МВт)[247].

В настоящий момент одним из ключевых международных проектов с участием республики является транснациональная система ЛЭП CASA-1000, которая предназначена для экспорта энергии из РТ и КР в Афганистан, Пакистан и Индию. Несмотря на проблемы в сфере безопасности в Афганистане, часть проекта, проходящая по территории этой страны, уже завершена, и построенная инфраструктура используется для электроснабжения центральных районов, включая Кабул.

Развитие энергетики также позволяет наращивать таджикскую экономику за счет экспорта электроэнергии и производства алюминия, которое, как известно, отличается повышенной энергоемкостью. Основным экспортным предприятием страны в настоящий момент является алюминиевый завод ТадАЗ в Турсунзаде. Сейчас он очень сильно зависит от поставок импортного оксида алюминия (глинозема), являющегося сырьем для работы комбината, из ближнего и дальнего зарубежья. Сейчас власти Таджикистана работают над замещением импорта отечественным глиноземом и в первом квартале 2015 года уже заявили о значительном сокращении внешних поставок[248].

Проблемой дальнейшего развития национальной энергетики и алюминиевой промышленности является дефицит водных ресурсов в регионе, в результате чего строительство новых ГЭС ущемляет интересы стран, находящихся ниже по течению Амударьи, в которую впадает та же река Вахш.

В частности, этим обусловлен многолетний конфликт между Таджикистаном и Узбекистаном из-за строительства Рогунской ГЭС, которая в случае запуска должна стать самой мощной электростанцией в РТ. Ташкент пытается всячески противодействовать данному проекту, в том числе на уровне международных организаций. В прошлом узбекская сторона прибегала даже к элементам транспортной блокады, которую позволяет осуществлять архитектура региональной транспортной сети. Узел железных дорог Средней Азии находится в Узбекистане, поэтому доставка крупных грузов в Таджикистан и Кыргызстан возможна только через узбекскую территорию, а емкость прямого автомобильного сообщения с Казахстаном крайне ограничена.

На текущий момент наиболее вероятен все-таки запуск строительства ГЭС, которое должно завершиться к 2018 году, несмотря на сохраняющееся противодействие узбекской стороны. Дипломатический успех Таджикистана обусловлен в том числе положительным заключением Всемирного Банка о Рогунском проекте, который, по мнению экспертов организации, может быть реализован без вреда для экологии региона и существенного ущерба для населения[249].

Здесь мы не будем подробно останавливаться на анализе гидрологических, экологических и правовых аргументов сторон, а лишь констатируем, что диалог по вопросу об использовании водных ресурсов в южных республиках Средней Азии остро необходим. Иначе дальнейшее нагнетание ситуации может привести к полному разрыву хозяйственных связей и даже жесткому противостоянию между государствами региона.

Кроме того, реализация Рогунского проекта, как и любых крупных промышленных инициатив в Таджикистане, связана с необходимость привлечения больших объемов внешних инвестиций. Это создает определенную проблему, так как инвестиционная привлекательность республики невысока из-за рисков политической и военной нестабильности в регионе. Недавнее вооруженное противостояние в связи активизацией экстремистов в Раштском районе (2010 — 2011 гг.) и события в Хороге (2012 год), связанные с противостояние таджикистанских силовиков и ре-

гиональных криминальных элит, вызывают понятные опасения у инвесторов.

По данным республиканского МИД, за весь период 2002 — 2013 гг. в республику удалось привлечь менее 2,3 млрд. долл. иностранных инвестиций. Из них 855 млн. (36,7%) пришли из стран СНГ, 320 млн. (14,1%) — из Китая[250]. Лишь в 2014 — 2015 годах инвестиции в республику начали поступать более активно в связи с региональными инфраструктурными проектами КНР.

Таджикистану удалось добиться привлечения больших объемов китайских инвестиций. При этом республика представляет для Китая больший интерес не в качестве собственно объекта для инвестиций в реальный сектор, а в качестве транзитной зоны при сообщении с Туркменистаном и Ираном. Прежде всего, речь идет о прокладке трубопровода Туркменистан — Узбекистан — Китай, предназначенного для транспортировки газа из Средней Азии китайским потребителям. На текущий момент действует маршрут Туркменистан — Узбекистан — Казахстан, но осенью 2014 года было начато строительство ветки через Таджикистан емкостью 30 млрд. кубометров газа в год и до 1000 км длиной.

Кроме того, существует проект кружной железной дороги Китай — Иран по маршруту Кыргызстан — Таджикистан — Афганистан. Несмотря на напряженную ситуацию на афганской территории, эта инициатива вполне реализуема, так как ветка должна идти через наиболее спокойные провинции севера и запада страны, где можно обеспечить сравнительно стабильное сообщение. Напомним, ветка из Узбекистана в афганский Мазари-Шариф успешно действует уже сейчас. Существуют даже планы ее продления до Герата.

В качестве «нагрузки» за возможность реализации этих проектов Китай планирует вложить средства в ряд проектов, не связанных с транзитом энергоресурсов. В ноябре 2014 года пресса сообщала, в частности, о намерении горно-металлургической компании Китая (CNMM) вложить 250 млн. долл. в разработку таджикского месторождения золота «Пакрут». Еще 100 млн. долл. Аграрный банк Китая планирует вложить в кредитование сель-

ского хозяйства РТ. Кроме того, на правительственном уровне планируется выделение нескольких льготных кредитов на строительство железной дороги Душанбе — Курган-Тюбе, второй очереди душанбинской ТЭЦ-2, а также строительство предприятий по производству криолита, фтористого алюминия и сульфатной кислоты[251].

Однако риски, связанные с притоком в республику большой массы юаней, достаточно существенны. На текущий момент Таджикистан является страной, зависящей от импорта широкой номенклатуры товаров и страдающей хроническим дефицитом внешней торговли (таблица 24).

Таблица 24. Внешняя торговля и кредитование экономики Таджикистана в 2009 — 2014 гг.[252]

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Экспорт, млн. долл.	1010	1195	1257,3	1359,7	1161,8	976
Импорт, млн. долл.	2 570	2 657	3 206	3 778	4 151	4 340
Отношение импорта к ВВП, %	51,4	47,5	49,3	49,7	48,8	47,2
Доля кредитов в национальной валюте, %	70,4	51,1	44,5	40,4	40,5	39,9

Как видно из приведенных данных, дефицит внешней торговли имеет тенденцию к росту на фоне статичного экспорта и постоянно растущего импорта. Вероятно, фактические объемы импорта недоучтены из-за больших масштабов теневой торговли. Это видно при сравнении статистики торговли РТ со статистикой ее основных партнеров. В 2012 году, например, размеры китайского импорта в Таджикистан достигли, по данным РТ, 488,1 млн. долл., в то время как Пекин оценивает его в 1,7 млрд., что невозможно объяснить техническими отличиями статистического учета[253].

Хотя общее соотношение импорта к ВВП в Таджикистане имеет тенденцию к сокращению, оно все равно крайне велико. Данный показатель говорит о нездоровой ситуации, когда значительная часть спроса оплачивается внешними денежными переводами, а удовлетворяется внешними же поставками. Факти-

чески 30 — 50% национальной экономики целиком зависят от внешних факторов и слабо контролируются властью.

Тревожным симптомом является то, что банковская система быстро адаптируется к данной экономической модели и постоянно наращивает кредитование бизнеса в иностранных валютах, что означает стимулирование импортных поставок. Как мы видим, доля кредитов в сомони за шесть лет сократилась с 70,4% до 39,9%. В этих условиях — без должной жесткой и продуманной политики властей — китайские инвестиции будут быстро перенаправлены экономикой на финансирование импорта, а не на развитие реального производства.

Разумеется, изложенное не является поводом для отказа от иностранных инвестиций, однако, означает, что власти республики должны с большой осторожностью подойти к освоению получаемых средств, регулированию собственного кредитного рынка и, наконец, стратегическому планированию развития промышленности. В частности, злободневным является вопрос о рынках сбыта произведенной в Таджикистане продукции.

В краткосрочной перспективе вопрос о членстве республики в ЕАЭС коснется судьбы трудовых мигрантов в России и Казахстане. По данным ФМС, которые приводились выше, в РФ находится около 1 млн. трудовых мигрантов из РТ. С учетом курса на сокращение использования труда мигрантов в российской экономике и ожидаемом закреплении на рынке труда выходцев из Кыргызстана и Армении (действующие члены экономического союза) проблема сохранения присутствия в странах ЕАЭС таджикистанских мигрантов может стать весьма актуальной.

Однако в любом случае ставка на экспорт рабочей силы не может считаться допустимым путем развития экономики. Необходимо понять, какие возможности развития реального производства откроются в случае вступления РТ в ЕАЭС.

На текущий момент на рынках республики уже присутствует ряд инвесторов из стран союза, преимущественно России и Казахстана. ОАО «Газпром» работает в республике уже много лет и активно ведет геологоразведочные работы на различных пло-

щадках. «Интер РАО ЕЭС» участвовало в строительстве ГЭС на Вахше. Российский бизнес также вкладывает средства в металлургию (Такобский комбинат), сектор услуг связи и розничную торговлю. Казахстан присутствует в банковском секторе Таджикистана, а также в энергетической отрасли. Последнее связано с тем, что РК является потребителем таджикской электроэнергии, поступающей по системе ЛЭП через Кыргызстан[254].

В настоящий момент в качестве основного направления развития Таджикистана в рамках ЕАЭС рассматривается возможность дальнейшего привлечения инвестиций России и Казахстана в сферу гидроэнергетики. По мере реализации CASA-1000 РТ действительно имеет широкие возможности по наращиванию экспорта электроэнергии в страны дальнего зарубежья и, следовательно, развитию данного сектора экономики. Вполне вероятным является, например, участие российских компаний в Рогунском проекте в качестве подрядчиков и инвесторов. Также перспективным является возможность развития производства алюминия, цены на который в 2014 — 2015 гг. на мировых рынках имеют тенденцию к росту.

Однако данные проекты могут быть ориентированы на рынки дальнего зарубежья, так как дефицит алюминия и электроэнергии не характерен для стран ЕАЭС, в т. ч. из-за присутствия на рынках российских поставщиков. Таким образом, речь идет о привлечении российско-казахстанских инвестиций в рамках расширения экономических связей, но не о полноценном использовании всего спектра возможностей союза.

Можно предположить, что на фоне усиления экономической интеграции возможно развитие видов производства, играющих сейчас второстепенную роль. Прежде всего, появляются возможности для развития «второстепенных» металлургических производств республики, которые преимущественно сосредоточены в северных районах страны. В частности, сурьма и ртуть добываются в долине реки Зарафшон, а полиметаллические руды на месторождении Алтын-Топкан. Свинцово-серебряные руды добывает и перерабатывает Адрасманский горно-обогатительный

комбинат. Также существует Исфаринский гидрометаллургический комбинат, где происходит добыча и обработка редких металлов, бария и ванадия. Это сырье вполне может быть востребовано промышленностью РФ и РК, а, например, адрасманская продукция уже реализуется в этих странах[255].

Как и в случае Армении и Кыргызстана, перспективной для общего рынка можно считать легкую промышленность РТ. В республике существует несколько десятков производств данной отрасли: 17 прядильных, 16 швейных, 3 чулочно-носочные фабрики, 9 предприятий по переработке животноводческого сырья и 2 предприятия по производству ковров. Наличие в республике собственного производства хлопка позволяет расширить присутствие таджикских производителей на рынке бюджетной одежды России, который сейчас занят преимущественно продукцией из КНР. В настоящий момент в Таджикистане действует минимум три совместных предприятия с участием российского бизнеса и минимум один проект, действующий при поддержке ЕАБР[256].

В целом необходимо признать, что в случае вступления в ЕАЭС у Таджикистана есть возможность решить основные проблемы национальной экономики. Этому будет способствовать одновременный поток инвестиций в реальное производство из России, Китая и Казахстана, улучшение доступа к рынкам сбыта, стабилизация внутреннего спроса в результате общей легализации статуса трудовых мигрантов в странах экономического союза.

Однако здесь вопросом скорее является реальная готовность действующих партнеров принять страну в объединение. Таджикистан, гранича с Афганистаном, является одним из ключевых маршрутов транспортировки афганских опиатов в страны СНГ и ЕС, причем после вывода из республики российских пограничников охрана рубежей явна ослаблена. ЕАЭС подразумевает снятие таможенных барьеров, что значительно упростит транспортировку контрабанды из Хорога и Душанбе на север, а это не может не внушать партнерам определенные опасения. Впрочем, проблема может быть частично решена путем развития сотрудничества по укреплению границы Таджикистана в рамках ОДКБ.

Таким образом, к числу ожидаемых прямых выгод от вступления Таджикистана в ЕАЭС относится:

• легализация и улучшение положения трудовых мигрантов в России и Казахстане;

• расширение рынков сбыта для национальной металлургической продукции (не только алюминия);

• расширение рынков сбыта для национального текстильного производства;

• привлечение инвестиций из РФ и РК в энергетику, легкую промышленность и металлургию.

6. ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ ЕАЭС

Было бы ошибкой рассматривать современное состояние ЕАЭС как нечто статичное и не подлежащее изменению. Наравне с эволюцией механизмов интеграции, т. е. качественным развитием объединения, не исключен и его количественный рост. Причем общий рынок может увеличиваться не только в результате принятия новых членов, но и в результате заключения между ЕАЭС и третьими странами договоров об иных видах экономической интеграции.

В начале 2015 года глава МИД России С. Лавров заявил: «Со стороны нескольких десятков стран есть предложение о том, чтобы с Евразийским экономическим союзом заключить соглашение о создании зон свободной торговли». За несколько месяцев до этого спикер российского парламента С. Нарышкин сообщил, что такие переговоры ведет «около 40 государств»[257].

Кроме формирования официальных ЗСТ существует тенденция к возникновению неформальных «окон», ведущих на общий рынок ЕАЭС. Характерен пример Сербии, которая имеет соглашения о свободной торговле с Россией (2000), Беларусью (2009), Казахстаном (2010), но при этом в 2011 году заключила соглашение об ассоциации с ЕС, а с 2012 года является кандидатом в члены объединения. Сейчас в торговле стран Таможенного союза с Сербией действует ряд нормативных актов, включая межправительственные соглашения об изъятии из ЗСТ. Кроме того, действуют нормы, предусматривающие контроль происхождения поступающих от сербских поставщиков товаров, чтобы не допустить в страну поток теневого реэкспорта из ЕС[258]. Но несмотря на эти меры ЕАЭС в данном случае фактически сталкивается с «окном», совершенно не предусмотренном утвержденной «конструкцией» Союза.

В некоторых случаях наличие таможенных «окон» является последствием предыдущих этапов евразийской интеграции. В частности, продолжает действовать зона свободной торговли СНГ, в которую — кроме действующих членов ЕАЭС и Таджикистана — входят Узбекистан, Молдова и Украина. Две последние страны, судя по всему, будут только наращивать дистанцию между собой и ЕАЭС, однако Узбекистан будет стремиться максимально использовать выгоды членства в ЗСТ.

Есть и другие примеры неофициальной интеграции. Особую проблему составляют частично признанные и непризнанные государства Южного Кавказа. Например, Нагорный Карабах де-юре не входит в ЕАЭС, так как по требованию партнеров Армения вступила в него в границах, признанных ООН. Однако очевидно, что в какой-то мере карабахский рынок будет сообщаться с общим пространством через дружественную Армению. Определенной проблемой являются и статусы Абхазии и Южной Осетии, которые не поддерживают дипломатических отношений с большинством членов ЕАЭС, но тесно контактируют с Россией. В случае Абхазии «Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве» с РФ даже предусматривает постепенную стандартизацию таможенных норм и минимизации таможенного контроля в двусторонних отношениях.

Впрочем, перечень стран, стремящихся к созданию официальной ЗСТ с ЕАЭС, также подлежит уточнению. На основе открытых источников бывает довольно сложно выделить конкретные случаи успешных консультаций. Например, не вызывают сомнения активные контакты органов ЕАЭС с представителями Чили, однако уровень их успешности и близость перспективы создания ЗСТ уточнению не поддаются. Нужно учитывать, что в ряде случаев переговоры могут касаться исключительно технических аспектов сотрудничества в рамках уже существующей нормативной базы. Например, в августе 2014 года Малайзия вела консультации с ЕЭК и контрольными органами России по вопросу нормирования качества пальмового масла, поставляемого в страны экономического союза[259].

Кроме того, значительная часть переговоров о развитии отношений с ЕАЭС изначально проводится в формате консультаций заинтересованных стран с Астаной или Москвой, и только после проработки проекта соглашения он выносится на обсуждение союзных органов, включая ЕЭК. Поэтому, дабы избежать недоразумений, в данной главе будут анализироваться лишь те случаи переговоров о снятии торговых барьеров и создании ЗСТ, о которых пресса или официальные релизы сторон сообщали прямо и недвусмысленно.

К числу таких государств-партнеров относятся: Вьетнам, Египет, Израиль, Иран, Индия, Турция, Сирия, Китай и, возможно, Чили. Таким образом, можно констатировать, что к моменту формирования ЕАЭС возникла большая группа государств, которые либо фактически имеют доступ к общему рынку, либо могут получить его в обозримом будущем в результате специальных соглашений.

В настоящий момент ЕАЭС не имеет наработанной формы договоренностей с третьими государствами о снятии таможенных барьеров, что характерно для соглашений об ассоциации с ЕС, поэтому пока достаточно сложно говорить о конкретных условиях «второго круга» евразийской интеграции.

На момент написания этой главы ни один из проектов соглашений «ЕАЭС — третья страна» не был опубликован, хотя достоверно известно, что разработка этого документа была практически завершена в ходе переговоров с Вьетнамом[260]. Поэтому трудно предполагать, какие квоты на те или иные товарные группы будет включать соглашение.

Несмотря на то, что в комментариях для прессы стороны чаще всего говорят о создании ЗСТ, в некоторых случаях речь идет о более низкой ступени интеграции — зоне преференциальной торговли (см. главу 1). Например, в случае соглашения с Ираном, о планах подписания которого в 2016 году сообщало иранское посольство в Москве, речь идет именно о «значительном сокращении тарифов между странами», но не об отказе от тарифных барьеров[261].

Наконец, режим ЗСТ допускает достаточно существенное редактирование в процессе реализации. Например, двустороннее соглашение Сербии и России о свободной торговле от 2000 года подкрепляется дополнительными межправительственными протоколами об изъятиях из указанного режима. Поэтому до формирования какой-либо «типичной» практики ЗСТ ЕАЭС прогнозы в данной сфере требуют известной осторожности.

В связи с этим, обсуждая перспективы формирования ЗСТ союза с дальним зарубежьем, мы можем оценивать их примерно, основываясь на интересах сторон и основных характеристиках состояния экономик стран-участниц (см. таблицу 25).

Таблица 25. Данные о ВВП и населении некоторых стран — кандидатов на создание ЗСТ с ЕАЭС (на 2013 год)[262].

	ВВП, млрд. долл.	ВВП на душу населения, долл.	Население, млн.
Китай	9469	6958	1360
Индия	1876	1509	1243
Турция	819,9	10721	76
Израиль	290	36926	7,8
Иран	367	4678	76,9
Чили	276	15575	17,5
Сербия	42,5	5902	7,1
Сирия*	60	2806	21
Египет	271	3242	83,7
Вьетнам	170,5	1901	89,6
Узбекистан	56,8	1878	30,2
Абхазия[263]	0,6	-	0,24
Южная Осетия	-	-	0,05
Нагорно-Карабахская республика	0,2	-	0,15
Итого	13699	-	3013,2

* Данные 2010 года.

(Кандидатами на участие в евразийском проекте также являются самопровозглашенные Приднестровье, Донецкая и Луганская народные республики, но из-за отсутствия их официального признания со стороны стран ЕАЭС заключение торговых соглашений с экономическим союзом пока невозможно)[264].

Даже неполно представленный объем рынка стран, которые могут заключить ЗСТ с ЕАЭС, поражает воображение, хотя при его анализе необходимы определенные оговорки.

Например, на текущем этапе создание ЗСТ для широкого спектра товаров с участием Китая является спорным шагом. В настоящий момент в его двусторонней торговле со странами союза, включая Россию, доминирует схема торговли «ресурсы за промышленную продукцию». В случае РФ в структуре импорта в КНР 29,7 млрд. долл. (более 71%) составляют поставки минерального топлива, а в ответном экспорте 36,1% — машины и оборудование, предметы одежды — до 20%, 8,3% — химическая продукция[265]. При этом значительная часть поставляемых машин может иметь в своем составе продукцию неглубокой переработки, включая даже «отверточную сборку».

Очевидно, что при создании ЗСТ со странами дальнего зарубежья ЕАЭС и Россия руководствуются желанием расширить рынки сбыта своей машиностроительной продукции в ответ на импорт сырья и сельскохозяйственных товаров. Однако в случае с КНР создание ЗСТ будет лишь культивировать и укреплять обратную формацию торговых отношений, что вряд ли отвечает интересам экономики ЕАЭС. Более того, перед экономическим союзом в числе прочих задач стоит замена на внутренних рынках дешевого китайского текстиля продукцией собственной легкой промышленности. В перспективе аналогичная задача может решаться на рынке электроники и машиностроения. Так что, скорее всего, к созданию полноценной ЗСТ с КНР сейчас не готовы сами страны ЕАЭС, что не исключает развития иных форм экономического партнерства.

Ради справедливости следует указать, что китайская сторона также осознает эту проблему на пути к снятию тарифных барьеров и ищет возможности ее решения. В частности, КНР актив-

но инвестирует средства в экономики Казахстана и Таджикистана, о чем упоминалось выше, а также России. В случае последней объем китайских инвестиций достигает 4,2 млрд. долл.: в России было создано 800 предприятий с китайским капиталом и 120 тысяч рабочих мест. Китайской стороной создаются закупочные группы для изучения и приобретения изделий российского машиностроения и электроники[266]. Однако очевидно, что изменение структуры двусторонней торговли и устранение экономических диспропорций потребует еще очень длительного времени.

Без учета Китая объем перспективных рынков все равно значителен — 1,6 млрд. человек и 4,2 трлн долл. совокупного ВВП. Попытаемся на основе доступных данных рассказать о перспективах создания ЗСТ с некоторыми странами из приведенного выше списка.

Следует подчеркнуть, что официальная или фактически действующая ЗСТ ни в коей мере не тождественна перспективам вступления в союз даже для постсоветских стран. В случае Узбекистана, например, официальное вступление страны в ЕАЭС остается маловероятным в ближайшие годы, о чем официально заявлял И. Каримов. Однако практически наверняка торговые отношения ЕАЭС и республики будут развиваться и даже рассматривается вопрос о создании официальной ЗСТ ЕАЭС — Узбекистан[267].

Это связано и с транзитной ролью Узбекистана при железнодорожном сообщении Казахстана с Кыргызстаном и Таджикистаном и с заинтересованностью Ташкента в кыргызском транзите китайских товаров, который сейчас играет важную роль в экономиках двух стран. На период действия временных мер по адаптации Кыргызстана к новому рынку поток китайского реэкспорта на рынки Узбекистана и Туркменистана будет оставаться активным, а участие Ташкента в ЗСТ СНГ поможет сохранить правовую базу для данных торговых связей в будущем.

По данным статистики 2013 года, Узбекистан вел бездефицитную внешнюю торговлю: экспорт страны составлял 15,8 млрд. долл., импорт — 13,8 млрд. Основными товарами экспорта, по данным ВТО, были минеральное сырье, хлопок и машино-

строительная продукция, импорта — различная техника, включая электронику, и металлические изделья[268].

Иной является ситуация в торговле Узбекистана со странами ЕЭП и ТС[269], которая имеет дефицитный характер. Импорт достигает 4 млрд. долл., экспорт — 2,4 млрд.[270] Основными поставщиками являются Россия и Казахстан: РК поставляет преимущественно продукты питания, включая зерно и муку, а также некоторые виды металлического сырья. РФ — древесину, минеральное сырье и некоторые виды техники. Страны союза, включая Россию, являются основными рынками сбыта многих экспортных товаров республики, включая автомобили, выпущенные совместным с зарубежными инвесторами предприятием «GM Uzbekistan», и хлопок. В случае реализации описанных выше проектов по развитию легкой промышленности в Кыргызстане и Таджикистане возможности для экспорта хлопка — исторически одного из ключевых предметов внешней торговли — могут увеличиться.

Кроме того, в настоящий момент более 2,1 млн граждан Узбекистана работают в России и переводят на родину около 4,9 млрд. долл. в год (данные 2014 года). Еще не менее 300 тыс. трудовых мигрантов из республики находятся в Казахстане. Несмотря на то, что, в отличие от Армении и Кыргызстана, иностранные переводы не являются средством покрытия дефицита торгового баланса, указанные средства важны для поддержания значительной части узбекской экономики.

В республике при сравнительно слабом развитии промышленности доминирующей отраслью является сфера услуг, доля которой в ВВП возросла в 2014 году до 53%. Также в секторе услуг трудится более половины работающего населения, живущего внутри страны[271]. Несомненно, что переводы лиц, работающих за рубежом, обеспечивают заметную часть платежеспособного спроса.

На фоне отказа от участия в ЕАЭС вероятно усиление конкуренции со стороны рабочей силы из республик — членов союза, что может привести к сокращению переводов в Узбекистан из РФ и РК. Для Узбекистана это не является абсолютной катастро-

фой, но ставит на повестку дня поиск альтернативных источников дохода для национальной экономики.

Выходом был бы импорт капиталов и ноу-хау, направляемых в перерабатывающую промышленность. Однако на фоне усиления конкуренции за внимание инвесторов с общим пространством ЕАЭС Узбекистану будет не так просто их привлечь. Уже сейчас объемы иностранных вложений в экономику республики сравнительно невелики. Они уступают по объему той же сумме иностранных переводов, а относительно общего вала инвестиций составляют лишь 21 — 22%[272]. Проблемой пока является отток капитала в непроизводственную сферу, в которую поступает более 57% массы инвестиций, 34% приходятся на промышленность, из них 13% — на топливную отрасль[273].

С точки зрения стран ЕАЭС, Узбекистан представляет интерес как поставщик некоторых видов сырья, рынок сбыта продовольствия и некоторых видов техники, но, прежде всего, как логистический узел. Республику можно было бы даже попытаться включить в общерегиональный проект транспортной сети, о создании которой мы более подробно говорили в главе 5.2, посвященной Казахстану. Но очевидно, что это потребовало бы привлечения большого объема капиталов со стороны ЕАЭС, что невозможно на текущем уровне сотрудничества, от углубления которого республика отказывается сама.

Как упоминалось выше, Узбекистан склонен жестко лимитировать сотрудничество с евразийскими интеграционными проектами, которое на уровне официальной риторики объясняется опасением «потери суверенитета». Кроме идеологических причин, позиция Ташкента может объясняться желанием продолжить политику лавирования между Вашингтоном и Москвой, извлекая выгоду из стратегического партнерства с обеими странами.

В некоторых случаях экономическому сотрудничеству более открыты страны дальнего зарубежья. Вопрос о создании зоны свободной или преференциальной торговли ЕАЭС — Вьетнам сейчас считается практически решенным. Диалог по данному во-

просу идет давно, причем в роли посредника выступает Россия, что сильно ускоряет согласование.

Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) представляет определенный экономический интерес. Население страны составляет более 90 млн. человек, ВВП — 170,6 млрд. долл. (около 1902 долл. на душу населения). Внешняя торговля страны характеризуется значительным оборотом (до 287 млрд.) и сравнительно небольшим дефицитом (около 3 млрд. долл.)[274]. Основные предметы экспорта — продукты сельского хозяйства (в первую очередь, кофе и рис), а также электроника, сборка которой осуществляется в стране предприятиями западных ТНК. Предметы импорта — техника, включая транспорт, и комплектующие, минеральное топливо, и некоторые иные виды сырья.

В настоящий момент из числа стран ЕАЭС Вьетнам ведет активную торговлю только с Россией, торговый оборот двух стран достигает 2 — 3 млрд. долл. в год (2012), со всеми странам ЕЭП и ТС — 4,4 млрд долл. (2013). Основными предметами импорта из стран ЕЭП являются нефтепродукты, продовольствие, машины и оборудование, а также некоторые виды металлического сырья, статьи вьетнамского экспорта — сборная электроника, сельскохозяйственная и текстильная продукция.

В случае введения ЗСТ прогнозируется увеличение торгового оборота между РФ и СРВ. Российский экспорт должен вырасти на 3%, вьетнамский — в пределах 11%. Рост оборота, вероятно, будет происходить преимущественно за счет увеличения вьетнамского экспорта продукции иностранных предприятий — той самой сборной электроники[275].

Ожидаема активизация торгового оборота с прочими странами союза, в особенности Казахстаном и Беларусью, причем в ней будут присутствовать те же закономерности, что и в торговле с Россией. Также проблемой является намерение Вьетнама параллельно заключить соглашение о свободной торговле с ЕС, что может потребовать решать комплекс проблем с ограничением реэкспорта товаров из третьих государств.

Интересам ЕАЭС отвечала бы, в первую очередь, ЗСТ, содержащая жесткую систему квот и облегчающая поставки толь-

ко обоюдовыгодной номенклатуры товаров. Для ЕАЭС представляет интерес импорт из Вьетнама продуктов питания. В их числе морепродукты, замороженная свинина, пряности, чай и кофе, тропические фрукты, рис, консервированные овощи. Ориентация на увеличение импорта продуктов питания, особенно не производимых на территории ЕАЭС, вообще характерна для политики современной России в отношении стран АСЕАН[276], в которой доминирует схема «технологии и машиностроительная продукция в обмен на сельскохозяйственную продукцию и сырье».

Вероятным является расширение экспорта машин, в т. ч. сельскохозяйственной техники, выпускаемой белорусскими предприятиями. Кроме того, ожидается увеличение поставок промышленного оборудования для энергетической и нефтехимической промышленности. В настоящий момент они осуществляются преимущественно из России, в рамках сопровождения строительства электростанций АЭС и ТЭС «Лонг Фу-1». Возможно привлечение российских компаний к модернизации железнодорожной сети СРВ и обновлению авиапарка республики путем поставок российских гражданских самолетов («Сухой Суперджет-100» и др.). Активизации торговли со странами ЕАЭС способствовало бы создание стабильного транзитного маршрута, возможно, через территорию России, а затем — морем из Владивостока.

Уже сейчас довольно активной является взаимное инвестирование России и Вьетнама. «Газпром» вкладывает средства в разработку ряда месторождений нефти и газа на вьетнамской территории. В частности, в октябре 2013 года консорциум «Газпром» и «Петровьетнам» начал добычу газа с месторождений «Мок Тинь» и «Хай Тхать». Еще более существенным является экспорт вьетнамского капитала, который в 2013 году уже превзошел его суммарный импорт (примерно 2,5 млрд. против 1 млрд. долл.)[277]. Вьетнамская госкомпания «Петровьетнам» вложила средства в совместный с «Газпромом» проект по разработке Долгинского месторождения в Печорском море. Есть также примеры инвестиций в обрабатывающую промышленность. Вероятно, что инвестиционный объем с другими странами ЕАЭС также активизируется после создания ЗСТ.

Ожидания от экономического сотрудничества с Арабской республикой Египет (АРЕ) пока не столь оптимистичны, как в случае с Вьетнамом. В первую очередь, из-за нестабильного состояния египетской экономики. Текущее население страны — 83 млн. человек, ВВП — 271 млрд. долл. (3,2 тыс. долл. на душу населения). Внешнеторговый оборот — около 117 млрд., внешнеторговый дефицит — хронический[278]. Страна экспортирует ряд видов овощей и фруктов, нефть, нефтепродукты и минеральные удобрения. Импортирует зерно, а также, как ни странно, нефтепродукты.

Торговый оборот с Россией и странами ЕЭП сравнительно невелик. Он составил 2014 году лишь 5,1 млрд. долл., хотя данный показатель и демонстрирует тенденцию к росту (в 2013-м — лишь 3,1 млрд.), преимущественно за счет роста евразийского импорта в страну. Страны ЕЭП поставляют в АРЕ продукцию металлического проката, зерно, нефтепродукты, древесину.

В настоящий момент Египет также рассматривается в качестве рынка сбыта продукции машиностроительной промышленности стран ЕАЭС — от транспортных средств до промышленного оборудования. Кроме того, обсуждаются некоторые преимущественно российские инвестиционные проекты, с которыми связаны большие надежды египетской стороны. «Имеются перспективы для сотрудничества в области промышленной сборки в Египте, а также в продвижении высокотехнологичных российских товаров. Создание российской специализированной промышленной зоны в Египте позволило бы российским компаниям, участникам проекта, увеличить свой экспорт не только в Египет, но и на рынки соседних стран», — констатирует доклад Министерства экономического развития РФ[279].

Также существует надежда увеличить экспорт в Египет строительных услуг компаний стран ЕАЭС, в первую очередь в сфере энергетики, транспорта и ирригации. Для этой цели в АРЕ планируется создать консультационно-проектный центр (КПЦ), который бы содействовал продвижению подобного рода сервисов в регионе. КПЦ мог бы представлять также интересы других стран ЕАЭС, так что данный проект может реализовываться под патронажем ЕЭК.

Наконец, взаимодействие в рамках ЕАЭС позволяет, как в случае с Вьетнамом, использовать российские географические и транзитные возможности (особенно инфраструктуру портов) для установления прямой связи между рынками стран экономического союза и Египтом.

И Вьетнам, и Египет, в целом, могут рассматриваться как развивающиеся регионы и неравные по уровню экономического и промышленного развития партнеры для ЕАЭС. Однако, например, Израиль является достаточно развитым по европейским меркам государством. При сравнительно небольшом населении (менее 8 млн. человек) ВВП страны равен 291 млрд. долл. (36,9 тыс. долл. на душу населения), причем его душевой ВВП самый высокий среди стран — кандидатов на создание ЗСТ, в т. ч. при сравнении с Индией и Китаем.

Внешнеторговый оборот Израиля — более 190 млрд. долл. Основные предметы экспорта — ювелирная продукция, драгоценные камни и жемчуг, различные виды оборудования, лекарства, продукция химической промышленности. Также источником валюты для страны является предоставление медицинских услуг иностранцам.

Торговый оборот с Россией в 2014 году достиг около 3,4 млрд долл., со странами ЕЭП — 5,2 млрд. Импортируется в Израиль почти исключительно сырьевая продукция, в первую очередь нефть, нефтепродукты, а также драгоценные камни (преимущественно алмазы и бриллианты из России). Экспорт характерен для валовой внешней торговли страны в целом с изъятием упомянутой выше ювелирной продукции.

Несмотря на обоюдный интерес к развитию двусторонней торговли, ее выход на новый уровень возможен только при расширении номенклатуры поставляемых товаров. Ситуацию усугубляет расстояние между двумя рынками, которое повышает стоимость экспортируемых товаров. Кроме того, проблемой является то, что Израиль также имеет соглашение о ЗСТ с ЕС, что требует разработки механизмов ограничения реэкспорта.

На текущий момент наиболее реальной возможностью развития торговли можно считать расширение номенклатуры сы-

рья, поставляемого из ЕАЭС в интересах электронной промышленности Израиля, включая редкоземельные металлы. Поставка машиностроительной продукции была бы возможна в рамках снабжения строящихся энергетических объектов, однако сейчас Тель-Авив ориентируется на сотрудничество с США и использует американские технические стандарты.

Неясно и то, как скажутся на отношениях с Израилем планы создания ЗСТ с его вечным антагонистом — Исламской республикой Иран (ИРИ). ВВП Ирана составляет 367 млрд. долл. (итог падения в 2013 году) или 4768 долл. на душу населения. Внешнеторговый оборот достаточно велик — около 113 млрд. долл., несмотря на последствия международных санкций, введенных из-за ядерной программы ИРИ.

Основной предмет экспорта Ирана — минеральное сырье и его производные (например, битум), что в общей массе составляет до 70% текущих поставок иностранным партнерам. К их числу относятся преимущественно региональные страны: Китай, ОАЭ, Афганистан, Ирак, Индия. Структура импорта более богата: она включает продукты питания (пшеницу, рис, кормовые культуры), сталь, лекарства и продукцию машиностроения. Источниками импорта, кроме КНР и ОАЭ, являются также Южная Корея, ЕС и Турция[280].

Торговый оборот ИРИ с ЕЭП составляет лишь 2,7 млрд. долл. (2014 год), из них с Россией — 1,6 млрд. Основным товаром импорта была российская сталь и сельхозтовары, поставки которых сокращались из-за дефицита западных валют у иранской стороны[281]. Впрочем, ситуация должна сильно измениться в 2015 году. Это связано с предполагаемым снятием санкций с ИРИ, а также отказом Тегерана от использования доллара США в торговле с партнерами из других стран[282].

В этом случае вероятен рост поставок стали и продуктов питания из России. Есть надежда на расширение ввоза в Иран продукции российского и белорусского гражданского машиностроения, но после отмены санкций в этом вопросе ожидаемо усиление конкуренции с продукцией страна Запада. Скорее всего, на иранском рынке останутся стабильными позиции ВПК стран СНГ,

что будет определяться в т. ч. политической конъюнктурой. В частности, можно напомнить о возобновлении поставок в республику комплексов ПВО С-300. Наконец, вероятно развитие связей в области энергетических проектов, в т. ч. поставок оборудования для нужд АЭС и ТЭС из России.

Создание ЗСТ может привести, в первую очередь, к увеличению иранского импорта в страны ЕАЭС. Например, Тегеран выразил готовность увеличить на 10 — 15% экспорт в Россию ряда товаров, включая продукцию сельского хозяйства и рыболовства, после введения льготных тарифов.[283] Рост импорта из стран ЕАЭС, прежде всего России, будет во многом зависеть от выбора сторонами расчетных валют и платежеспособного спроса иранской стороны.

Также очень позитивны перспективы развития отношений с Индией, одной из наиболее крупных стран — кандидатов на ЗСТ. Такие показатели, как ВВП — 1876 млрд. долл. и население — более 1,2 млрд, позволяют рассматривать указанный рынок как один из наиболее интересных. Внешнеторговая номенклатура Индии крайне богата, включает в себя широкий спектр товаров: от продуктов питания и полезных ископаемых до продукции машиностроения. Причем разнообразие характерно и для экспортной, и для импортной торговли.

В 2014 году общий торговый оборот Индии с ЕЭП достиг 11,2 млрд. долл.[284] Торговый оборот с Россией — 9,5 млрд., с Казахстаном — превышает 1,3 млрд. долл. В РК Индия приобретает преимущественно минеральное сырье, обратные поставки включают лекарства и продукцию легкой промышленности. Из России, кроме широкого спектра сырья, Индия получает в основном продукцию машиностроения — до 54,5% импорта. Эту графу во многом заполняет военно-промышленное сотрудничество, однако также идут поставки гражданской продукции. В индийском экспорте в РФ превалируют лекарства, продукция химической промышленности, сельскохозяйственные продукты.

При сохранении текущих тенденций можно ожидать, что после введения ЗСТ с Индией рост торговли будет носить, в первую очередь, количественный характер, т. е. будет происходить за

счет роста массы поставок при сохранении их структуры. В среднесрочной перспективе определенное влияние могут оказать инвестиционные проекты Индии в России и Казахстане, связанные, в первую очередь, с добычей нефтепродуктов и развитием фармацевтического производства. В частности, Индия проявляла интерес к участию в разработке Каспийских месторождений нефти в рамках общего евразийского проекта. В 2014 году Индия заявила о готовности принять участие в российской федеральной целевой программе «Фарма-2020» в качестве инвестора и продавца ноу-хау[285]. В этом случае могут несколько сократиться поставки лекарств из Индии, но увеличатся поставки углеводородного сырья.

На высоком уровне находится сотрудничество евразийского проекта и Турции. Общий торговый оборот данной страны превышает 120 млрд. долл., величина торговых операций с ЕЭП — 35 млрд. Доминирующую роль в торговле с Турцией играет Россия (оборот 31,1 млрд.). Среди внешнеторговых партнеров Турции она находится на втором месте после Германии, в том числе в экспорте — на четвертом, а в импорте — на первом месте. Правда, в настоящий момент основную массу (около 2/3) от этого оборота составляют российские поставки минерального сырья[286].

В июне 2014 года Н. Назарбаев в ходе конференции глав тюркоязычных государств в г. Бодруме предложил вывести отношения Турции со странами ЕАЭС на новый уровень, подписав соглашение о ЗСТ. Принятие подобного решение вполне вероятно, учитывая поступательное развитие сотрудничества Турции и России в энергетической отрасли.

В ближайшие годы роль Турции в качестве транзитной страны при поставках нефти из России и Казахстана в страны ЕС может вырасти. В частности, этому способствует новая конфигурация проекта «Южный поток» (превратившегося в «Турецкий поток»), определенная Россией и Турцией в ходе переговоров в 2014 году. Роль Турецкой Республики в международном транзите нефти и газа может вырасти, учитывая попытки страны замкнуть на себя транзит энергоресурсов из Туркменистана и Азербайджана.

Вывод сотрудничества Турция-ЕАЭС за «нефтяные» рамки пока труднореализуем. Это связано в том числе с тесными европейско-турецкими отношениями, которые выражаются даже не в обычной ЗСТ, а в двустороннем таможенном союзе. В результате действие соглашения с ЕАЭС ограничено исключительно изъятиями из турецкого соглашения с ЕС: продукцией сельского хозяйства, черной металлургией, сферой услуг и оборотом капиталов. По имеющимся на момент написания этих строк данным, консультации с Турцией затрагивают именно последние два пункта[287].

Предполагается предоставить турецким инвесторам равные права на территории ЕАЭС, расширив тем самым возможности по привлечению турецкого капитала. Наиболее перспективными в этом отношении являются отрасли легкой промышленности, металлургии, добычи и обработки нефти.

Соглашение в сфере услуг может позволить увеличить поставки услуг стран ЕАЭС в Турцию. Уже сейчас Россия осуществляет проекты по развитию энергетики республики. В частности, при участии российской стороны идет строительство энергоблоков АЭС «Аккую» и ГЭС «Кыгы». В среднесрочной перспективе возможно участие в этих проектах компаний из других стран экономического союза.

Таким образом, в числе потенциальных партнеров можно выделить наиболее перспективное для ЕАЭС торговое и инвестиционное сотрудничество с Вьетнамом и Индией.

Контакты с Израилем и Чили будут лимитироваться расстоянием и необходимостью морских перевозок. Экономические потенциалы Египта и Сирии ограничены, в большей степени они могут рассматриваться как «экономический плацдарм» в регионе. Торговля с частично признанными и непризнанными республиками Южного Кавказа пока не имеет большого экономического значения, так как их совокупный ВВП не достигает 1 млрд. долл., экономики находятся в непростом состоянии (в т. ч. из-за последствий войн и постоянной внешней военной угрозы), а платежеспособный спрос во многом обеспечивается поступлением средств от иностранных доноров[288].

Перспективным является транзитное сотрудничество с Узбекистаном и Турцией, так как в нем нуждаются обе стороны. В будущем оно может способствовать активизации и двусторонних торговых связей.

Пока основной формат отношений ЕАЭС со странами дальнего зарубежья — «техника за сельхозтовары», т. е. сотрудничество ориентировано на создание рынков сбыта для техники из России, Беларуси и в перспективе Казахстана. Поставки различных видов сырья из стран ЕАЭС интересны преимущественно промышленно развитым партнерам: Китаю, Турции и Индии.

Кроме того, развитие партнерских отношений должно помочь привлечению иностранных инвестиций в страны Союза. Пока такие инициативы в основном исходят от Индии, Китая и Вьетнама, в перспективе в них, возможно, удастся заинтересовать и другие страны-партнеры.

7. ГОСУДАРСТВА, НЕ ПРИСОЕДИНИВШИЕСЯ К ЕВРАЗИЙСКОМУ ПРОЕКТУ

В настоящий момент единственным государством постсоветского пространства, демонстрирующим полное равнодушие к интеграционным проектам, является Туркменистан. Республика принципиально отказывается от участия в каких-либо объединениях и блоках в рамках политики нейтралитета, которая является важной составной частью национальной идеологии. Прочие государства ищут возможности принять участие в том или ином интеграционном блоке, чтобы расширить свои экономические возможности.

Как мы упоминали выше, постсоветское пространство стало ареной борьбы двух интеграционных проектов — евразийского и западноевропейского. В основе первого лежали сложившиеся в советский период экономические связи, обусловленные кластерной структурой экономики СССР. В основе второго — во многом идеалистические представления части постсоветского общества о «европейском выборе» и возможности «импорта» европейского уровня жизни и европейских стандартов[289].

Пик популярности «европейского проекта» пришелся на 1990-е и начало 2000-х гг., когда постсоветские страны еще преодолевали последствия кризиса после распада СССР и испытывали сильную зависимость от внешних партнеров. Наибольший интерес к связям с ЕС проявляли страны Балтии, Латвия, Литва и Эстония, подавшие в 1995 году заявку на вступление в Евросоюз.

Названные страны, кроме того, стали расширять сотрудничество с НАТО. В частности, эстонские военные приняли участие в военных миссиях альянса в Боснии и Косово, а позже все три страны участвовали в конфликтах в Афганистане и Ираке, хотя

оба региона были далеки от национальных интересов балтийских народов. После вступления трех государств в НАТО в регионе были созданы две авиационные базы альянса — в Эмари (Эстония) и Шяуляе (Литва).

Демонстрация балтийскими странами лояльности политике ЕС была во многом обусловлена региональной зависимостью от импортных поставок, которые не удавалось обеспечить за счет выручки от экспорта. Все три государства столкнулись с проблемой хронического дисбаланса в структуре внешней торговли. Развитие политических связей с ЕС позволяло привлекать валюту в виде инвестиций, чтобы покрыть указанный дефицит.

Проблемой было то, что большая часть поступающих средств шла в сферу услуг, особенно связанных с финансовыми операциями, а реальному производству доставалась меньшая часть финансовых ресурсов. Происходила деиндустриализация балтийских республик, закрытие предприятий, построенных в советское время, однако финансируемый извне импорт позволял удовлетворять потребности населения и решать социальные проблемы[290].

Для Европы это фактическое спонсорство не было слишком обременительным из-за небольшой численности населения региона, которая к началу 2000-х составляла около семи млн. человек и была сопоставима с населением Люксембурга. При этом лояльность Балтии позволяла решать и военные, и чисто политические задачи. Регион становился «плацдармом» ЕС на постсоветском пространстве и демонстрировал экономическую мощь нового объединения. Всем трем республикам удалось даже войти в состав Евросоюза в 2004 году — в период, на который пришелся пик расширения ЕС в результате принятия стран Восточной Европы (чья основная роль заключалась в поставках рабочей силы для более развитых стран Евросоюза).

Из-за сравнительной малочисленности и — на первых порах — неощутимости последствий деиндустриализации страны Балтии выполняли в основном пропагандистскую функцию «витрины» ЕС. Однако Европа создавала позитивную «картинку» в

регионе не путем внедрения каких-либо реальных преобразований, а за счет продолжения политики «закачки средств» в балтийские страны.

После вступления в ЕС большая часть банковского сектора трех стран была поставлена под контроль европейских игроков: в Литве и Эстонии — 90% финансового сектора перешли к иностранным владельцам, в Латвии — 60%. Это позволило привлечь в страну дополнительные иностранные инвестиции. Но капиталы преимущественно направлялись не в реальное производство, а в финансовый сектор, потребительское кредитование и торговлю недвижимостью[291].

В результате в структуре ВВП трех стран происходят существенные изменения: сокращается реальное производство и резко растет доля сектора услуг. В 2008 году доля услуг в валовом продукте Латвии составляет 74,5%, в Литве — 65,5%, в Эстонии — 68%. Причем доля услуг в сфере транспорта и связи снижалась, а рост обеспечивали операции с недвижимостью и финансовая деятельность, т. е. в каком-то смысле спекулятивные услуги. В результате происходило закрепление зависимости всех трех государств от европейского импорта и европейских же кредитов, которые обеспечивали приобретение иностранных товаров. Возникала проблема перекредитованности населения: размер среднего личного долга на каждого работающего вырос в Литве с 0,5 тыс. евро в 2003 году до 5,9 тыс. в 2009-м[292].

Экономика была «перегрета» дешевыми кредитами, причем этот «разогрев» не был подкреплен опорой на реальное производство. Но эту проблему игнорировали и правительства, и национальные экспертные круги, и общество. «Никто не задумывался о рисках финансирования в кредит чуть ли не всех подходящих должников, причем за счет внешних займов. В частности, в Эстонии было распространено мнение, что «мы — те же финны и в ближайшем будущем будем жить так же»», — констатировали российские исследователи предкризисной экономики Балтии[293].

В результате кризис 2009 году стал для государств региона более длительным и более тяжелым, чем в других странах бывшего СССР. В 2009 — 2010 гг. ВВП Эстонии сократился на 19%, Литвы — на 22%, Латвии — на 32% (!). Это очень болезненно сказалось на уровне жизни населения: уровень безработицы вырос в Эстонии с 5,5% (2008) до 16,9% (2010), в Латвии — с 8% до 19,8%, в Литве — с 5,8% до 17,8%.[294]

В какой-то мере кризис заставил страны региона изменить подход к экономической политике и начать искать средства к наращиванию собственного реального производства. Однако на текущий момент ситуация во многом остается в докризисном состоянии, а изменения к лучшему — крайне медленны. Страны сталкиваются с дефицитным внешним платежным балансом, покрывают дефицит за счет внешних инвестиций, а также испытывают зависимость от импорта потребительских товаров, который чрезвычайно велик относительно ВВП.

Валовой продукт значительно вырос во всех трех республиках в 2004 — 2013 гг., что нельзя не признать успехом, однако и импорт рос вместе с ним (таблица 26).

Таблица 26. ВВП и импорт в странах Балтии в 2006 и 2013 гг. (млрд. долл.)[295].

		2006	2013
Латвия	ВВП	21,4	30,8
	Экспорт	5,3	19,3
	Импорт	8,7	20,6
Литва	ВВП	30,2	46,2
	Экспорт	12,1	39,7
	Импорт	15,7	40,1
Эстония	ВВП	17,0	24,9
	Экспорт	7,7	22,2
	Импорт	10,2	22,4

Как мы видим, в 2013 году вал импорта во всех трех рассматриваемых государствах оставался крайне большим. В Латвии он составлял 66,8% по отношению к величине ВВП, в Литве — 86,8%,

в Эстонии — 90%. Во всех трех случаях внешняя торговля является дефицитной, хотя величина дефицита относительно оборота заметно сократилась в сравнении с началом 2000-х. Здесь следует учесть, что значительная часть современного экспорта всех трех стран может в действительности являться реэкспортом, а не реализацией собственной продукции. На это, например, косвенно указывает близость товарной структуры экспортных и импортных операций по данным ВТО[296].

При этом нельзя сказать, что ЕС систематически блокировал попытки развивать реальное производство в балтийских республиках. В Таллине на базе электротехнического завода им. М. И. Калинина еще в 1990-е было возобновлено производство при участи финской компании «Elcoteq». В Риге работает производство парфюмерии «Dzintars» и алкогольных напитков «Latvijas Balzams». (Впрочем, масштабы этих предприятий не столь уж велики, на Таллинском электротехническом заводе на 2011 год работало менее 300 человек, на «Dzintars» — около 400).

Проблему создают не столько чьи-либо интриги, а жесткая конкуренция со стороны европейских товаров. В 1994 году Евросоюз (тогда еще ЕЭС) подписал с Латвией, Литвой и Эстонией соглашение о Балтийской ЗСТ, которая должна была открыть рынки для товаров обеих сторон путем снятия тарифных барьеров. В тот момент соглашение было очевидно не взаимовыгодным, так как государства Балтии из-за постсоветского кризиса и развала промышленности мало что могли предложить Европе, зато европейские поставщики должны были получить доступ на новые рынки. Да, изначально Литва и Латвия получили отсрочки по отказу от импортных пошлин, но к началу 2000-х они уже истекли. Кроме того, в 1998 — 2001 гг. страны уже вступили в ВТО, что привело к окончательному захвату национальных рынков европейскими поставщиками.

Естественно, подобный формат экономического взаимодействия максимально отвечает интересам Европы — Западной, в первую очередь. ЕС и НАТО получили беспрепятственный доступ к рынкам, территории и инфраструктуре балтийских стран. Европейские инвестиции, поступающие в регион, по сути, финан-

сируют европейские же поставки потребительских товаров, т. е. в кратчайшие сроки возвращаются в экономику ЕС.

Но такой формат выгоден стране или группе стран, доминирующих в экономическом союзе, и уже задачей «младших партнеров» является недопущение подобного развития событий. Это достигается в том числе системой налоговых льгот для переориентации инвестиционных потоков в реальное производство, введением ограничений для импорта и временных тарифов, что, кстати, предусматривают правила ВТО. Однако эти шаги относятся к компетенции руководства стран Балтии, которое должно было предусмотреть их и на стадии заключения международных соглашений и в момент определения внутренней экономической политики. Увы, до 2009 года национальные элиты оказались не на высоте этой исторической задачи, да и сегодня ее решение идет очень медленно.

Механизм формирования зависимости от импорта и возникновения экономических диспропорций можно проследить также на примере сотрудничества с ЕС Грузии. Несмотря на то, что соглашение об ассоциации с Евросоюзом республика подписала недавно, а ее вступление в союз просто невозможно, в грузинской экономике также реализовалась схема, похожая на описанную выше.

В 2004 году прозападный режим М. Саакашвили, пришедший к власти после т. н. «революции роз», пошел на резкое сближение в США и ЕС в политической и экономической сферах. Демонстрация лояльности западным союзникам на фоне сворачивания отношений с Россией порой носила «сверхрадикальный» характер. В частности, в 2004 году главой МИД республики была назначена С. Зурабишвили, которая до этого момента была не только гражданкой Франции, но и послом этой страны в Грузии. Конечно, одной из целей любого посла является влияние на политику страны пребывания, но насколько знаю, столь явных и парадоксальных успехов на этом поле дипломаты до этого не достигали.

В результате, как и страны Балтии, Грузия присоединилась к военным операциям США в Афганистане и Ираке, а также пошла на расширение программ военного сотрудничества с Запа-

дом. Есть основания полагать, что действовавшая тогда власть включилась в совместную с армией США работу по совершенствованию биологического оружия. В 2004 году при поддержке министерства обороны США в Грузии началось строительство биологической лаборатории, получившей название «Центра им. Р. Лугара». Хотя центр аттестовался как гражданский объект, он предназначался для работы со смертельно опасными вирусами и мог быть использован для создания биологического оружия. Причем еще на стадии строительства американская сторона официально заявила о намерении отправить туда американских военных экспертов[297]. В 2013 году факты разработки в центре биологического оружия подтвердил американский политолог Д. Сильверман, в прошлом бывший советником Саакашвили[298].

В плане внешнеполитического курса после 2004 года отмечается последовательное ухудшение отношений Грузии с Россией, итогом которого стало столкновение с российской армией в 2008 году в ходе вооруженной агрессии против Южной Осетии. Кроме того, в последнее время появились сообщения о том, что в период правления Саакашвили специальные службы Грузии активно сотрудничали с экстремистами на российском Северном Кавказе, предоставляли им оружие и даже выступали заказчиками терактов на территории России в 2008 — 2012 гг.[299]

Кроме демонстративных политических шагов, Грузия в тот период пошла на серьезные экономические уступки. В частности, к 2006 году в стране были обнулены тарифные ставки на 90% импортных товаров, включая широкий спектр потребительской продукции. Следует подчеркнуть, что, хотя Грузия к тому моменту была членом ВТО (2000), избранная тарифная политика вовсе не вытекала из требований организации. Запад не остался в долгу: в 2004 и 2008 гг. Грузия получила два крупных пакета финансовой помощи, грантов и политически мотивированных кредитов, которые позволили ускорить экономическое развитие республики.

Рассмотрим влияние избранного Тбилиси курса на экономические показатели (таблица 27).

Таблица 27. Некоторые показатели экономики Грузии в 2004 — 2014 гг.[300]

	2004	2008	2012	2014
ВВП, млрд. долл.	5,1	12,8	15,9	16,5
Экспорт, млрд. долл.	0,6	1,5	2,4	2,9
Импорт, млрд. долл.	1,8	6,3	7,1	8,6
Внешний долг, млрд. долл.	1,8	7,6	13,3	13,5
Доля валютных кредитов в банковском секторе, %*	87,4	71,9	67,9	61,3

* Рассчитано на конец календарного года.

Перед нами предстает уже в общем-то знакомая картина. На фоне роста валового продукта также быстро растет импорт, причем его отношение к ВВП увеличивается с 35,3% в 2004 году до 52,1% в 2014-м. Одновременно резко растет внешний долг страны с 35% до 81,8%.

В случае Грузии мы имеем дело с примером т. н. «голландской болезни» — негативной трансформации экономики на фоне притока больших объемов иностранной валюты. В большинстве случаев подобная проблема возникает на фоне роста поступлений от какой-либо группы товаров (обычно полезных ископаемых, золота или нефти)[301]. Однако в данном случае подарком и — одновременно — источником проблем для республики стали иностранные политически мотивированные гранты и кредиты.

Основной причиной того, что экономика так и не смогла их эффективно использовать, являлось феноменально неразумное решение руководства страны об обнулении импортных пошлин, в результате чего национальное производство было быстро «задавлено» потоком дешевого импорта. А наличие дешевой валюты сделало наиболее выгодной бизнес-стратегией импорт с целью сбыта на внутреннем рынке или дальнейшего реэкспорта иностранных товаров[302]. Бенефициаром в сложившейся ситуации не всегда выступал ЕС. Сельское хозяйство Грузии было

«убито» поставками продовольственной продукции из Турции, конкуренция со стороны которой привела к сокращению производства широкой номенклатуры продовольственных товаров внутри республики[303].

Опять же нельзя сказать, что ЕС ставило какие-то очевидные препятствия на пути вложений в реальное производство. Как и в Балтии, некоторые проекты, включая реформу энергетики, вполне успешно стартовали, однако в конечном итоге правительство не смогло решить стоящие перед ним экономические задачи и толкнуло страну в ловушку «голландской болезни».

К числу других факторов, способствовавших формированию импортной зависимости, можно также отнести доминирование в банковском секторе Грузии иностранцев. На 2012 год иностранным собственникам принадлежали 15 из 19 грузинских коммерческих банков. Вполне естественно, что эти банки более охотно и дешево (по более низкой ставке) предоставляли валютные кредиты, которые в конечном итоге шли на приобретение импортных товаров. Постепенное увеличение доли кредитования в национальной валюте (см. таблицу 27) не спасало положение, так как во многом стимулировало не внутреннее производство, погубленное в предыдущие годы, а из-за отсутствия альтернативы поддерживало потребительский спрос на те же зарубежные товары.

В результате захват европейским бизнесом грузинского рынка произошел еще в 2006— 2012 гг., и подписание соглашения об ассоциации в 2014 году практически никак не сказалось на торговом обороте Грузии и ЕС (последние данные на февраль 2015 года). В указанный период двусторонний оборот даже несколько сократился. Для сравнения: улучшение отношений Тбилиси с Москвой в 2013 году, после поражения на выборах режима М. Саакашвили, оказало гораздо более существенное воздействие на экономику, расширив, прежде всего, возможности сбыта грузинской продукции. Общий грузинский экспорт в Россию вырос в 2013 году вырос с 46,8 млн долл. (2012) до 190,7 млн., доля в валовом экспорте с 2% до 6,6%. Аналогичным образом вырос торговый оборот с Казахстаном[304].

Возобновление сбыта вина, минеральной воды и некоторых видов фруктов на рынке России стало основным экономическим успехом коалиции «Грузинской мечты», пришедшей к власти в 2012 году. Однако, несмотря на очевидные экономические выгоды, новое руководство Грузии не пошло на сближение с Россией и другими странами евразийского проекта, а подписало соглашение об ассоциации с ЕС и продолжило углублять военное сотрудничество с Западом, заявив в 2014 году о намерении создать в республике тренировочную базу НАТО.

Так или иначе, соглашение с ЕС не оказало реального влияния на уровень торговли между Грузией и Европой. В чем-то близкой является ситуация в республике Молдова, которая парафировала соглашение об ассоциации с Евросоюзом в 2013 году. На текущий момент доля ЕС во внешнеторговом обороте республики уже составляет около 45%, причем на 2013 год дефицит составлял 31% от оборота[305].

Это связано с тем, что Молдова давно придерживается крайне либеральной тарифной политики, открывающей дорогу европейским товарам, но при этом сталкивается с высокими тарифными барьерами при выходе на внешние рынки[306]. В этих условиях многие полагают, что ассоциация уже мало что может испортить, но дает шанс хоть как-то изменить ситуацию.

Впрочем, с соглашением об ассоциации Молдова — ЕС связаны серьезные риски для республики: вероятна потеря рынка сбыта товаров в России, включая алкогольную продукцию, сокращение числа трудовых мигрантов в РФ на фоне усиления конкуренции со стороны рабочих из стран ЕАЭС. Обвальное снижение переводов из РФ уже началось, так как объем денежных переводов с 2013 по 2015 гг. сократился почти в три раза. В настоящий момент уровень переводов молдавских мигрантов относительно ВВП чуть больше 10%, а в 2013-м соотношение достигало 30%[307].

Кроме того, вероятно обострение конфликтов внутри Молдовы, прежде всего приднестровского конфликта, так как изменение ситуации после создания ЗСТ с ЕС нанесет серьезный прогнозируемый ущерб экономике самопровозглашенной Прид-

нестровской республики, что заставит ее усилить изоляцию от Кишенева. Также вероятно обострение ситуации в Гагаузии, население и руководство которой выступают за евразийский интеграционный проект[308].

Анализ динамики внешнеторгового оборота Молдовы после 2013 года пока подтверждает скорее нейтральные прогнозы.

Таблица 28. Внешняя торговля республик Молдова в 2011-2014 гг. (млрд. долл.)[309].

	2011	2012	2013	2014*
Экспорт	2,2	2,2	2,4	2,3
-в т.ч. в страны СНГ	0,9	0,9	0,9	0,7
-в т.ч. в страны ЕС	1,1	1	1,1	1,3
Импорт	5,2	5,2	5,5	5,3
-в т.ч. из стран СНГ	1,7	1,6	1,7	1,5
-в т.ч. из стран ЕС	2,3	2,3	2,5	2,6

* Предварительные данные.

Произошло сокращение торгового оборота со странами СНГ и прирост со странами ЕС. Общий оборот внешней торговли в рассматриваемый период сократился в основном за счет импорта из стран, не входящих в указанные группы. Более существенные изменения фиксируются по предварительным данным начала 2015 года. Общий вал экспорта сократился на 12% в сравнении с тем же периодом 2014 года, объем импорта — на 22%. Изменения произошли преимущественно за счет сокращения торговли со странами СНГ: уменьшение экспорта на 50%, импорта примерно на 30%. Оборот с ЕС в этот период продолжал рост, но пока не компенсировал сокращение торговли с СНГ.

На основе доступных данных пока трудно сказать, как отразятся столь резкие изменения во внешней торговле на молдавской экономике. Пока очевидны серьезные проблемы, связанные в т. ч. с внешнеторговым дефицитом, которые после ассоциации с ЕС могут быть решены или усугублены. Нельзя исключать, что Молдова, учтя ошибки других постсоветских государств при

интеграции с ЕС, попытается не только играть с Западом, но и — выигрывать.

Проблемы республик Балтии и Грузии не вполне могут считаться виной Евросоюза. Желание партнера, чтобы на выдаваемые им кредиты покупали его же товары, а не производили свою конкурентоспособную продукцию вполне естественно. Столь же естественна задача контрагента максимально эффективно использовать полученные средства и не дать нажиться на собственных ошибках. Со своей стороны он также хочет обыграть кредитора, создать конкурентоспособную промышленность и захватить его рынок. Это правила циничного бизнеса XXI века, которые верны и на уровне частных фирм, и на уровне государств. До тех пор, пока у партнера остаются варианты действий в рамках заключенного соглашения и способы извлечь максимальную выгоду, игру можно счесть условно честной. К сожалению, в последнее время наметилась тенденция к ужесточению предлагаемых постсоветским государствам условий интеграционных соглашений, которые начинают заслуживать характеристику «кабальные».

Дело в том, что у тех же соглашениях об ассоциации, предлагаемых ЕС партнерам, есть некий общий, сложившийся с годами формат. Меняются в основном намеченные сроки реализации и номенклатура товаров, подлежащих квотированию. Однако если мы изучим, например, договор об ассоциации Украины, то обнаружим отличия, которые, по сути, являются ловушкой для республики.

Статья 56-1 договора предусматривает стандартный для практики ЕС переход Украины на технические и иные производственные стандарты Евросоюза. Это означает, что фактически украинская продукция будет получать доступ на европейский рынок по мере приведения ее в соответствие с нормами производства и оценки качества европейских стран. Сам по себе этот пункт кажется неприятным, но преодолимым. Однако здесь возникает ловушка в виде главы 32, которая запрещает обеим сторонам вводить «любые экспортные субсидии и меры

эквивалентного воздействия» (пункт 1) для сельскохозяйственной продукции.

В нормальной ситуации страна, стремясь получить доступ к европейскому рынку, должна субсидировать своих производителей, чтобы те имели возможность поменять технологию производства в кратчайшие сроки. Однако действующий текст соглашения запрещает подобную поддержку национального сельского хозяйства, что превращает для него доступ на европейский рынок в фикцию. По состоянию на 2013 год более 70% украинской молочной продукции не соответствовало стандартам ЕС просто потому, что в хозяйствах используют традиционные способы доения коров, не отвечающие европейским нормам производства. На стадии дальнейшей обработки нормам ЕС отвечает лишь 30 —35% предприятий. Ситуация в производстве мясной продукции даже хуже: там европейским нормам отвечает лишь 5% продукции[310].

Другим неприятным сюрпризом для производителей украинской сельхозпродукции оказалась невыгодная система квот. В 2014 году, после введения европейских торговых преференций, выяснилось, что украинский экспорт по ряду товарных групп (пшеница, мед, некоторые виды соков) просто не умещается в квоты, намеченные на стадии переговоров об ассоциации. В связи с этим Украина вынуждена просить ЕС скорректировать квоты в большую сторону, в чем европейская сторона может отказать[311]. Впрочем, в 2015 году этот вопрос может утратить актуальность из-за обвального снижения украинского экспорта и объемов национального производства.

Вообще оценка экономических последствий соглашения об ассоциации Украины с ЕС будет крайне затруднена из-за политического кризиса и гражданской войны, которые последовали за революцией 2014 года и приходом к власти прозападных националистических сил. Однако уже доступные данные о соглашении ЕС — Украина позволяют говорить о неудаче данного интеграционного плана для Украины без учета прямых и косвенных последствий этого акта для экономики страны.

Так или иначе, но мы наблюдаем разительные отличия между европейской и евразийской интеграционными моделями.

Европейский подход подразумевает довольно простой подход, основанный на взаимном открытии рынков. При этом ЕС стремится к одностороннему получению выгоды либо путем стимулирования валютного кредитования бизнеса и импортной зависимости партнеров, либо путем включения в договор «пунктов-ловушек», как это произошло в случае Украины.

Евразийский подход в большей степени основан на поиске точек соприкосновения и возможных механизмов производственной кооперации. В центре внимания оказывается не открытие доступа потребительских товаров на рынки друг друга, а развитие производственных цепочек с участием максимального числа стран объединения.

В украинском случае это различие прослеживается на примере соглашений с Россией от 17 декабря 2013 года, которые не вступили в действие из-за свержения В. Януковича. Тогда, стремясь привлечь страну к участию в работе ЕАЭС, В. Путин предложил ряд конкретных совместных проектов. К их числу относится, например, возобновление серийного производства самолетов семейства Ан-124 с двигателями Д-18Т и их модификациями на основе кооперации КБ «Антонов» (Украина) и Объединенной авиастроительной корпорации (Россия). Предполагалось выпустить до 80 бортов общей стоимостью 12,9 млрд долл.[312] Кроме того, планировалось начать совместное строительство транспортного перехода через Керченский пролив, которое должно было активизировать торговлю между Крымом, тогда остававшимся частью Украины, и югом России. Наконец, стороны начинали разработку новой нормативной базы для развития производственной кооперации и решения проблем поставок промежуточных товаров.

Причина этих отличий между евразийским и европейским проектами вовсе не в какой-то особой «духовности» или исторической общности евразийцев. В основе более «предметных» и ориентированных на развитие производства предложений России лежат сугубо прагматические соображения.

Как уже неоднократно подчеркивалось, это созданные в советское время производственные связи. Экономика СССР строилась, как множество географических профильных кластеров, объединенных в общую систему, где каждый элемент был заинтересован в других. В этой связи для евразийского проекта объединение автоматически открывает возможности для роста производства за счет запуска и активизации ранее существовавших механизмов сотрудничества.

Брюссель, возможно, был бы рад предложить Украине что-то подобное, но на европейском рынке КБ «Антонов» и прочие промышленные предприятия страны никому не нужны. Дело вовсе не в том, что чье-то производство заведомо лучше или хуже. Просто в Европе с веками сложились собственные экономические связи и производственные комплексы, куда очень непросто вклиниться производителю продуктов «глубокой переработки». В ЕС действуют свои технологические стандарты и традиции, и адаптация к ним даже самых современных производств авиационных или ракетных двигателей потребует больших усилий.

В результате во взаимодействии «новых европейцев» с ЕС начинают действовать подходы, которые порой эмоционально сравнивают с эпохой колониализма. Европа может принять в себя поставщиков сырья и рабочей силы в той мере, в какой готова к росту тех или иных собственных производств. Вопрос вызывает даже импорт сельскохозяйственной продукции: собственный агропромышленный комплекс в ЕС традиционно дотируется, поэтому поставщики продукции, уже имеющейся на рынке Евросоюза, не вызывают особой радости. Фактически ЕС при заключении договоров заинтересован, в первую очередь, не в равных партнерах, которые усилят конкуренцию на рынке, а в экономически и технологически слабых странах, превращенных в «безответные» рынки сбыта.

Нет сомнения, что Европа сама является привлекательным рынком в силу объема и наличия высокотехнологичных производств. Однако интеграция с ним может считаться достаточно непростой игрой, правила и перспективы которой нужно очень

хорошо понимать. Без этого понимания интегрирующийся партнер может быть довольно быстро превращен в сырьевой придаток, рынок сбыта европейских товаров и объект военно-политических интересов.

Следует отметить, что в настоящий момент на постсоветском пространстве начинает распространяться критическое отношение к «европейскому проекту». Признаком этого может служить отказ Азербайджана от подписания соглашения об ассоциации ЕС, которое намечалось на ноябрь 2013 года. Представители республики заявили, что намерены продолжать сотрудничество с Евросоюзом, в том числе в энергетической сфере, однако они заинтересованы в том, чтобы в основе партнерства пока оставалось слово «партнерство», соглашение о котором заключено в 1999 году. По мнению азербайджанской стороны, старая нормативная база лучше отвечала интересам республики[313]. Азербайджан сохраняет партнерские программы с ЕС и выражает готовность сотрудничать в сфере энергетики, однако более близкие отношения пока находятся вне повестки дня. Вероятно, в связи с осознанием необходимости диверсификации национальной экономики, испытывающей сырьевую зависимость, до открытия перед внешними поставщиками национального рынка.

Впрочем, неясно, вернутся ли обе стороны к этому проекту через несколько лет. ЕС демонстрирует тенденцию к отказу от политики расширения и поиска новых рынков, так как слишком занят внутренними проблемами.

Вступление в ЕС в качестве полноправных членов, на которое упорно рассчитывают некоторые постсоветские государства, окончательно превращается в недостижимую цель. Евросоюз уже не готов широко открывать двери ни для новых членов, ни для торговых партнеров, так как расширение 2000-х уже дало серьезную нагрузку для общеевропейской экономики и вызвало недовольство жителей стран «старой Европы» притоком дешевой рабочей силы. Даже к кандидатам на ассоциацию, как мы видим на примере Украины, ЕС предъявляет все более строгие требования и уже не готов кредитовать их столь интенсивно, как страны Балтии и Грузию в 2000-е.

Я говорю это не в осуждение современной Европы. Меньше всего она обязана решать чужие проблемы за свой счет, особенно в условиях, когда собственные трудности очень серьезны. В 2011 году в Варшаве бывший глава французского МИД Б. Кушнер сказал автору этих строк с острым пессимизмом: «Хорошо, конечно, что есть еще люди, которые верят в Европу и стремятся в нее. Но это бессмысленно, ведь Европа умирает»[314].

Европейцам есть, о чем тревожиться. Многих пугает затянувшееся балансирование на грани стагнации и рецессии после кризиса 2009-го, провал политики мультикультурализма, появление в Европе этнических анклавов иностранных эмигрантов, социальные и культурные проблемы. Копится неверие в готовность структур Евросоюза решить общие проблемы, и все чаще высказывается мысль, что пора отказаться от выгод общего рынка и общей валюты и начать преодолевать накопившиеся проблемы в рамках отдельных стран.

Наконец, возникает проблема TTIP (Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства), которую США, используя военные и политические рычаги, убеждают принять ЕС. Как упоминалось выше, многие в Европе выражают тревогу, что в результате этого соглашения сам Евросоюз превратится в «младшего партнера» Соединенных Штатов. Впрочем, эта проблема уже окончательно выходит за пределы нашего рассмотрения, и мы не будем здесь говорить о ней подробно.

7.1. Политический аспект «европейского проекта»

Как можно заключить из вышеизложенного, зачастую выбор в пользу европейского интеграционного проекта формируется не в рамках прагматичного анализа экономических выгод и издержек, а в связи с определенной политической мифологией и идеологией.

Трудно сказать, что стоит за мотивами прозападных элитных групп в каждом конкретном случае, но на уровне массовой агитации на постсоветском пространстве часто фигурирует миф о

том, что стремление к интеграции с Евросоюзом тождественно стремлению к свободе и демократическим ценностям. Однако это представление довольно далеко от реальной политической практики.

В рамках политики ЕС заключение соглашения об ассоциации не обусловлено восприятием политической системы страны-партнера как демократической или убежденности в ее намерении идти «курсом реформ». В 1998 году Евросоюз подписал ассоциацию с Тунисом, в 2004-м — с Египтом, что абсолютно не помешало европейцам позже приветствовать свержение действовавших там «недемократических» режимов. С Сирией несколько иной вариант экономического соглашения действует с 1978 года, что опять же не мешает ЕС симпатизировать местной вооруженной оппозиции. В Иордании (соглашение 2002 года), которую миновали потрясения «арабской весны», действует королевская власть, которую лишь незначительно ограничивает парламент, что весьма слабо соответствует политическим стандартам ЕС.

Однако, судя по всему, в демократические идеи в основе интеграции не слишком верят и элиты постсоветских стран-партнеров ЕС. Наоборот, мы сталкиваемся с тем, что они склонны к подавлению инакомыслия и ограничению прав граждан в большей мере, чем Россия и другие страны «евразийского проекта».

В Латвии после провозглашения независимости действует хорошо известный комплекс норм, ограничивающий права «неграждан» — преимущественно русского населения страны, которому власть отказалась предоставить гражданство и право участвовать в выборах после создания независимого государства. В Эстонии также действует аналогичный комплекс норм (Закон об иностранцах 1993 года). Проблема прав «неграждан» не была решена в республиках и после вступления в ЕС, когда такую политику уже невозможно было оправдать какими-то специфическими условиями и обстоятельствами[315].

В этом плане характерно подавление массовых беспорядков 2007 года в Таллине, связанных с решением властей о демонта-

же памятника советским воинам-освободителям. Жестокость полиции и массовые аресты вызвали нарекания со стороны Комитета против пыток ООН. Факты нарушений прав человека, пыток и необоснованных арестов были зафиксированы даже приговором Европейского суда по правам человека, который трудно заподозрить в политических антипатиях к Эстонии[316].

Сейчас в Грузии не так много людей будут настаивать на том, что режим М. Саакашвили был «демократическим». Правление Саакашвили началось с масштабных насильственных захватов собственности, приобретенных бизнесом во времена Э. Шеварнадзе. Владельцев активов арестовывали и заставляли подписывать фиктивные акты о «дарении» своего имущества госструктурам Грузии, а иногда и частным лицам. Так были захвачены крупные пакеты акций машиностроительных заводов «Эльмавалмешенебели» (29% акций) и «Электровагоншемкетебели» (42%), а также 61% акций Жинвальской ГЭС на реке Арагви[317].

После падения лидера «революции роз» стали очевидны факты более серьезных преступлений. В частности, официальными властями было признано, что МВД занималось совершением террористических актов и бессудных убийств. Так, например, офицерами департамента конституционной безопасности был в пропагандистских целях совершен теракт в приграничном селении Хурча. Бессудно казнены несколько граждан Грузии, одного из которых лично застрелил и утопил труп в море видный функционер МВД Р. Шаматава[318].

Кроме того, известны многочисленные факты смерти арестованных в результате жестоких пыток, сопровождавшихся изнасилованиями. Причем известно, что эта практика была санкционирована на самом верху. Например, знаменитые кадры пыток, снятых в Глданской тюрьме, предназначались для просмотра главой МВД Б. Ахалая с целью «развлечения» и, возможно, самим М. Саакашвили[319]. Очевидно, что в этом случае речь идет уже о какой-то патологии властной элиты и безнаказанной вседозволенности, примеры которой можно найти в деспотиях далекого прошлого.

Несомненно, ЕС и США могут в международной политике апеллировать к теме прав человека, как это было в ходе подготовке вторжения в Ливию. Однако эта риторика отражает не реальные движущие мотивы политики Запада: было бы странно, если бы элиты развитых стран приносили в жертву интересы собственных народов просто для того, чтобы внедрять абстрактные идеалы в жизнь иностранных государств. Пример Грузии еще раз показывает, что при необходимости Евросоюз вполне может игнорировать отступление торговых партнеров от стандартов западной демократии[320].

Автор не хотел бы порочить европейский образ жизни и политические традиции стран ЕС. После долгой борьбы идеалы личной свободы и уважения к закону прижились в большинстве западных обществ. Однако опыт показывает, что проводимый некоторыми постсоветскими элитами процесс «интеграции с Европой» часто сопровождается явными антидемократическими тенденциями и откровенными жестокими репрессиями.

Наиболее тяжелые и страшные примеры мы наблюдаем на современной Украине после прихода к власти после «революции достоинства» 2013 — 2014 гг. прозападных и националистических групп. В стране получила широкое распространение практика арестов по политическим мотивам и внесудебных расправ со стороны властей. В 2014 году с марта по ноябрь на Украине, по данным СБУ, было возбуждено три тысячи дел, связанных с обвинениями в сепаратизме, было арестовано и объявлено в розыск более 700 человек[321].

Объяснить эти действия проблемой гражданской войны на Юго-Востоке Украины невозможно, так как репрессивные меры против противников «революционной» власти начались еще до начала вооруженного конфликта и в какой-то мере стали его причиной. Аресты оппозиционных активистов в Луганске и Донецке начались еще в начале марта 2014 года, когда в регионе в обычном режиме действовали институты власти, включая милицию и СБУ. Одновременно происходили обыски и аресты в Одессе, Харькове и Закарпатье, причем поводом становились даже

не идеи смены власти или отделения каких-либо регионов от Украины, а дискуссии о расширении региональной автономии[322]. Этот курс официально декларировали представители власти. В частности, начальник ГУВД Одесской области И. Катеринчук завил: «Если люди общаются между собой о федерализации — это одно, а если об этом говорят с трибуны и в мегафон — это уже состав преступления»[323].

Официальные репрессии — лишь верхушка айсберга карательной политики на Украине. В ней большую роль играют внесудебные расправы, похищения, избиения и убийства оппозиционных активистов, совершаемые руками правых радикалов. Наиболее известной акцией такого рода стало массовое убийство антикиевских активистов в мае 2014 года в Доме профсоюзов в Одессе, однако менее масштабные расправы, по рассказам жителей Украины, происходили и продолжают происходить на юго-востоке страны. Наличие этой практики публично признавал, например, советник главы республиканского МВД А. Геращенко[324].

Парадоксально, но репрессии властей стали одной из ключевых причин радикализации протеста. Весной 2014 года, когда протестующие требовали лишь проведения референдума о федерализации, у официального Киева была реальная возможность одержать «мирную победу». В апреле у сторонников унитарной Украины и «революционных» властей были достаточно сильные позиции на юго-востоке страны, включая Донецк, Луганск и Харьков. Федерализацию и ее радикальных сторонников не поддерживало большинство населения, а многие осуждали отделение Крыма от Украины[325]. Однако начало вооруженного конфликта и ввод вооруженных сил в Луганскую и Донецкую области резко изменили симпатии населения и привели к провозглашению независимых ДНР и ЛНР.

В чем же идейные основы постсоветского западничества, если их трудно найти и в сфере экономической выгоды, и в субъективной симпатии к стандартам политической жизни Запада? Точный ответ на этот вопрос потребует масштабного политологического исследования многих постсоветских партий и дви-

жений. Здесь я позволю себе лишь высказать гипотезу, основанную на общении с прозападными активистами из стран бывшего СССР.

Во-первых, во многих случаях активисты действительно некритически относятся к условиям партнерства с ЕС и США, а также связывают с ним завышенные ожидания. Например, прозападные представители экспертного сообщества Грузии до сих пор крайне болезненно относятся к констатации, что республика никогда не будет принята в качестве полноправного члена в ЕС и НАТО. Был случай, когда подобное заявление американского дипломата на закрытой встрече с представителями НКО вызвало острую эмоциональную реакцию аудитории и даже гнев[326].

Во-вторых, зачастую речь идет о неприемлемости для части национальных элит участия в ассоциируемом с Россией евразийском интеграционном проекте, от которого они ищут «противоядие». «Чистая» русофобия не всегда является причиной таких взглядов. В ряде случае политики считают Россию препятствием для реализации своих амбиций или угрозой для своих позиций. В частности, националистические партии в Грузии болезненно относятся к позиции России по вопросу о суверенитете Абхазии и Южной Осетии. Поводом для вражды является в том числе проведенная Россией в 2008 году операция по принуждению Грузии к миру.

В странах Балтии и на Украине противоречия в большей степени связаны с логикой внутренней борьбы за власть. Латвия и Эстония пошли на механическое изъятие из политического процесса русскоязычного населения с помощью законов о «негражданах», а национально ориентированные партии могли укреплять свои позиции, разыгрывая этническую карту. В результате в обеих республиках политическая элита в течение двух десятилетий искусственно сохраняла моноэтнический характер[327]. Достаточно резкая реакция России на нарушение прав русского и русскоязычного населения в регионе, которая проявилась еще в 1990-е, ставила крест на сотрудничестве с ней правящих элит. Очевидно, что сближение с Москвой означало бы для них «предательство принципов» и ослабление собственных позиций.

Ситуация на Украине после провозглашения независимости характеризовалась противостоянием отдельных географических регионов — прежде всего Востока и Запада — с несхожими языковыми и политическими симпатиями. Уже к концу 1990-х западные исследователи стали говорить об Украине как о «расколотом государстве» и допускать возможность его скорого распада[328]. Во многом логикой борьбы региональных элит определялось лавирование страны между европейским и евразийским проектами в 2000-2010-х гг.

Фактическое участие российского бизнеса и политических сил в украинской политической борьбе было гораздо меньшим, чем многим казалось. Однако многие политические силы воспринимали Россию как «естественного союзника» Востока, где была наиболее велика доля русскоязычного населения. Ситуация обострилась в 2014 — 2015 гг., когда официальный Киев начал обвинять Москву во внутренних украинских проблемах. В частности, это связано с обвинениями в поддержке ДНР и ЛНР и даже участии российских войск в войне на стороне непризнанных республик. Появление в других регионах страны (Харьков, Одесса и проч.) вооруженных оппозиционных группировок киевские политики также называют следствием интриг «российских спецслужб». Подобная риторика, основанная на обличении «внешних врагов», является удобным способом разрядки внутриполитического напряжения, но очевидным образом сокращает возможности для сотрудничества с Россией и ЕАЭС.

В результате в 2014 году руководство России взяло курс на замещение импорта украинской высокотехнологичной продукции. В 2015 году, в частности, началось производство российских авиационных двигателей без использования украинских комплектующих. При дальнейшем развитии этой тенденции упомянутый выше проект совместного производства самолетов Ан-124 станет ненужным и невозможным из-за создания производств-заменителей в самой России[329]. Создание «дублирующих» производств совершенно неудобно России, требует времени и средств, однако на фоне враждебной риторики Киева сотрудни-

чество в сфере ВПК начинает нуждаться в пересмотре и резком сокращении.

К сожалению, этот пример показывает, что соперничество евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве получает и политическое наполнение. В регионах появляются военные объекты НАТО, что усиливает международную напряженность и создает риск гонки вооружений. Все чаще происходит прямое и демонстративное вмешательство стран Запада во внутриполитическую жизнь стран СНГ. В частности, можно вспомнить публичную встречу помощника госсекретаря США В. Нуланд с участниками антиправительственного митинга в Киеве в 2013 году.

Крайней мерой в борьбе за влияние на конкретное государство становятся технологии т. н. «цветных революций», внеконституционных смен власти, инициированных оппозиционными кругами при поддержке иностранных государств. На постсоветском пространстве уже произошел ряд таких переворотов в Грузии, Кыргызстане и на Украине[330].

Конечно, подобные революции наивно считать полностью искусственными, созданными извне и не имеющими каких-либо внутренних предпосылок. Они становятся возможными в результате реальных ошибок и неудач действующей власти, которыми те или иные политические силы пользуются для решения своих задач. Например, из-за этого в Армении до сих пор существует неоднозначное отношение к попытке «революции» 2008 года, ведь, несмотря на явный «цветной» акцент выступлений, за ними стояло и реальное общественное недовольство. А консолидация общества и непопулярность оппозиции нейтрализуют подобные технологии и приводят к поражению «революционеров», как это было в Беларуси в 2006 году («джинсовая революция») или в России в 2011 году («революция белых лент»).

Более того, сама политическая технология перестала быть визитной карточкой прозападных сил в СНГ, на Балканах и Ближнем Востоке. Методы, словно сошедшие со страниц книги теоретика «цветных революций» Д. Шарпа, применяются в других ситуаци-

ях и контекстах. Можно вспомнить события в Испании («Движение возмущенных» 2011-го), в США («Оккупай Уолл-Стрит») и на Украине («Русская весна» в Донецке и Луганске). Единственным отличием можно назвать реакцию властей, США и Украины, которые без колебаний пошли на жесткое подавление протеста.

Однако использование Западом подобных методов на постсоветском пространстве означает однозначный перенос политической активности из-за столов переговоров на улицы городов. А это оказывает прямое влияние на ситуацию в сфере безопасности как отдельных стран, так и целых регионов.

8. СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Рассказ о постсоветской интеграции будет неполным, если не сказать несколько слов и о совместных инициативах в сфере безопасности, в особенности о создании Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Попытки создать общую структуру данной направленности в рамках СНГ предпринимались еще 1990-е гг., но фактически проект стартовал после утверждения в 2002 году Устава ОДКБ.

Изначально активизация работы ОДКБ в 2000-е годы стала следствием развития вооруженного конфликта в Афганистане, в который в 2001 году вмешались страны НАТО. Изменение ситуации в Средней Азии заставило страны, члены организации, заняться развитием собственного объединения. Был принят устав и создан Объединенный штаб ОДКБ (2003 год), начались активные консультации по разработке конкретных механизмов сотрудничества при возникновении внешних угроз, однако их ход сильно тормозило правило о единогласном принятии всех решений.

В 2009 году были созданы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ, которые позволяют оперативно отражать атаки против стран объединения. Наиболее крупный вклад в них сделала Россия: в состав КСОР вошли 98-я гвардейская воздушно-десантная дивизия ВС РФ (5 тысяч человек) и 31-я гвардейская десантно-штурмовая бригада (3,5 тысячи). Казахстан выделил 37-ю десантно-штурмовую бригаду, прочие государства по одному батальону. Кроме войсковых соединений, в КСОР должны входить части МЧС и спецназ МВД (включая казахстанский «Беркут»). На момент создания общая численность КСОР достигала 20 тысяч человек[331].

Кроме коллективных сил ОДКБ интересы общей безопасности обеспечивают военные базы России: 999 авиационная база

в г. Кант (Кыргызстан), 201-я военная база в г. Душанбе (Таджикистан) и 102-я база в г. Гюмри (Армения). Можно предполагать, что в случае начала масштабной агрессии против стран, где расположены военные базы, они не останутся в стороне и примут участие в операции по стабилизации обстановки, проводимой ОДКБ.

Основная цель любого оборонительного альянса — коллективное отражение внешней агрессии против его членов. Несмотря на то, что интенсивность прямых вооруженных конфликтов между развитыми странами после завершения Второй мировой войны снизилась, риски внешнего вторжения очевидны. Можно напомнить сравнительно недавний пример фактической агрессии группы стран НАТО против Ливии с целью свержения режима М. Каддафи.

В настоящий момент базы США и НАТО находятся в непосредственной близости от границ ОДКБ: в странах Балтии, Польше, Турции. Кроме того, США развертывают от двух до трех баз ВВС на территории Афганистана, получающего после 2014 года статус американского союзника вне альянса. В общей сложности в стране планируется разместить 10 — 12 тысяч американских военных, а также некоторое число военных советников европейских членов НАТО в афганских вооруженных силах.

К сожалению, угроза повторного вторжения сил НАТО в какую-либо страну под предлогом защиты демократии остается вероятной. Учитывая многочисленные рецидивы «цветных революций» в постсоветских странах, угроза повторения подобных событий воспринимается как достаточно серьезная. Лидеры стран-участниц ОДКБ подчеркивали возможность предотвращения с помощью КСОР вмешательства во внутриполитические конфликты иностранных военных[332].

Подчеркнем, речь не идет об удержании действующих правительств «на штыках», а именно защите суверенного права стран определять свое будущее. В случае реальной внутренней борьбы между властью и оппозицией, не отягощенной вмешательством внешних игроков, страны-союзницы вряд ли станут вмешиваться. В качестве примера можно привести смену президента Абхазии в 2014 году, в ходе которой контингент РФ, дисло-

цированный на военной базе в Гудауте, сохранял нейтралитет и лишь обеспечивал диалог между президентом и оппозицией.

Конечно, в современном мире задача армии не столько участвовать в масштабных военных конфликтах, но и своим присутствием их не допускать. Есть основания полагать, что КСОР и совместные силы стран-участниц ОДКБ смогут исключить вероятность масштабного иностранного вторжения. Безусловно, особую роль здесь играет российская армия, которая относится к числу сильнейших в мире. Показателен пример напряженности с США, доходившей до «войны нервов» в связи с процессом самоопределения Крыма в 2014 году. Тогда армии РФ оперативными и умелыми действиями всех родов войск удалось не допустить вмешательства в ситуацию вооруженных сил Соединенных Штатов[333].

ОДКБ приходится сталкиваться с рядом внутренних проблем, включая, например, пограничные споры Кыргызстана и Таджикистана. В январе 2014 года в результате серьезного инцидента на кыргызско-таджикской границе, сопровождавшегося применением оружия обеими сторонами, было ранено несколько человек. Для разрешения ситуации проводились консультации в рамках Организации, посредником в ходе которых выступал лично генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа[334].

Эти события можно назвать первым серьезным испытанием объединения на прочность, которое Организация выдержала с честью. Для сравнения можно напомнить, что в 1974 году блок НАТО покинула Греция из-за Кипрского конфликта с другим членом альянса — Турцией (обе страны входят в альянс с 1952 года). Тогда НАТО не удалось предотвратить масштабный вооруженный конфликт между двумя странами за контроль над Северным Кипром, приведший к многочисленным жертвам.

Другой болезненной проблемой ОДКБ является вопрос об обеспечении безопасности Армении, находящейся в состоянии конфликта с Азербайджаном из-за вопроса о статусе Нагорного Карабаха. В регионе неоднократно фиксировались вооруженные инциденты, в ходе которых были убитые и раненные. В связи с этим возникает вопрос об уровне угрозы, при котором Органи-

зация может рассмотреть возможность участия в ходе конфликта на стороне страны-союзницы. Впрочем, большинство экспертов сходятся в том, что позиция России и ОДКБ во многом определяет невозвращение сторон к полномасштабной войне, как в 1991 — 1994 гг., хотя попытки переговоров (Минский процесс) результатов пока не дают.

Однако наравне с «конвенционными» военными угрозами страны ОДКБ также сталкиваются с иными рисками. Прежде всего, речь идет об угрозах, связанных с международным терроризмом и контрабандой наркотиков.

Ключевой проблемой в сфере борьбы с терроризмом сейчас является «террористический интернационал» — сеть группировок религиозных экстремистов, исповедующих общую идеологию создания глобального клерикального государства на основе наиболее радикального прочтения ислама. Часть радикалов относит себя к ваххабитам, часть находится фактически вне крупных течений современного ислама. В настоящий момент основными источниками террористических угроз для стран ОДКБ являются экстремистские группировки, действующие в Афганистане, Пакистане, Ираке и Сирии. В перечисленных странах существуют либо крупные районы, контролируемые экстремистами, либо зоны вне систематического контроля властей, где радикалы пользуются высокой степень свободы.

Указанные группы преимущественно настроены враждебно к постсоветским государствам. В частности, афганское движение «Талибан» еще с 1990-х рассматривало территорию бывшего СССР как направление для экспансии и устанавливало связи с местными экстремистами. С 2000 года талибы находятся фактически в состоянии войны с Россией в связи с поддержкой самопровозглашенной «Ичкерии»[335].

Афганские экстремисты могут считаться наиболее близкой и серьезной террористической угрозой для ОДКБ, так как Афганистан имеет непосредственную границу с Таджикистаном, а ситуация в регионе обостряется после завершения в стране миссии международного воинского контингента в 2013 — 2014 гг. Об интенсивности вооруженного конфликта можно судить по статистике боевых действий в Афганистане (таблица 29).

Таблица 29. Статистика вооруженных столкновений и жертв среди силовиков и мирных жителей в Афганистане (2012 — 2014)[336].

	2012	2013	2014
Число вооруженных столкновений, ед.	-	20093	22051
Потери боевиков, чел.	-	-	5400
Потери армии и полиции, чел.	3600	4350	4634*
Потери населения, чел.	2768	2959	3188*

* Неполные данные.

При этом война носит преимущественно партизанский характер, вооруженная оппозиция не имеет постоянных зон контроля, широко применяет индивидуальный террор, не владеет тяжелыми вооружениями. Несмотря на вывод большей части иностранных войск в 2014 году, вероятность реставрации режима талибов в Афганистане невелика, но очевидно, что вооруженное противостояние в стране будет иметь долгосрочный характер и вряд ли завершится до 2020 года.

Высокая интенсивность конфликта создает риски его «выплескивания» через границу в страны Средней Азии. С точки зрения безопасности стран ОДКБ угрозу представляет наличие отрядов боевиков в некоторых северных районах Афганистана, в том числе рядом с границами Таджикистана и Туркменистана. В частности, несколько пограничных уездов контролируются боевиками в провинциях Кундуз, Герат, Фарьяб и Бадгис.

В 2014 году резко увеличилось число вооруженных столкновений на афганской границе. В феврале и мае имели место случаи минимум двух нападений на пограничные заставы, в ходе которых были убиты шесть туркменских пограничников. По сообщениям афганских источников, перестрелки на границе неоднократно происходили и позже.[337] Летом 2014 года властям Туркменистана даже пришлось объявить мобилизацию резервистов для укрепления пограничных войск. В пограничных рай-

онах из-за участившихся перестрелок установились панические настроения, хотя официальные туркменские власти через СМИ категорически отрицали и мобилизацию, и панику среди жителей, и само наличие проблем на границе[338].

Не менее сложной является ситуация на границе Таджикистана и Афганистана. В течение 2014 года там зафиксировано не менее 100 нарушений, причем многие сопровождались перестрелками, ранениями и гибелью людей. В конце декабря боевиками «Талибана» четверо пограничников были захвачены в плен на приграничной полосе[339].

Фактором, способствующим росту интереса экстремистов к Средней Азии, является «террористическая эмиграция»: возвращение на родину значительного количества постсоветских экстремистов, скрывавшихся на подконтрольных талибам территориях от уголовного преследования в 1990-е гг.

Основной приток радикалов из стран СНГ произошел в результате исхода из Средней Азии активистов, ассоциируемых с «Исламским движением Туркестана» (изначально — Узбекистана). Его основу составили экстремистские группы, первоначальное формирование которых произошло в городах Ферганской долины в 1991—1992 гг. Позже в результате конфликта с властями многие члены группировки перебрались в Таджикистан, где принимали участие в войне на стороне оппозиции. Однако после заключения мира представители ИДТ отказались признать это соглашение и были вынуждены покинуть и эту страну, перебравшись в Афганистан[340].

Кроме ИДТ на территории, контролируемой талибами, действовали «Аль-Каида», уйгурская «Исламская партия Восточного Туркестана» и несколько менее значимых организаций. В 2001 году лидер талибов мулла М. Омар попытался упорядочить функционирование иностранных организаций на территории страны и создал совет «Ливо» с участием их представителей для координации совместных действий. Судя по всему, создание постоянного совета лидеров террористов было связано с ожидавшимся поражением «Северного альянса» осенью 2001 года и последующими переносом деятельности на территорию стран Средней Азии, в первую очередь Узбекистана[341].

После разгрома талибов в 2001 году эти группировки сохранили связь со своими афганскими союзниками, ушли в подполье и продолжаются сражаться на их стороне. В настоящий момент можно выделить семь крупных группировок, находящихся в афганской «террористической эмиграции»:

• «Исламское движение Туркестана»;

• Союз «Исламский Джихад», отколовшийся от ИДТ в 2002 году, также известный как «Джамаат моджахедов Центральной Азии»[342];

• «Джамаат Ансаруллох» — таджикоязычная организация, получившая известность после Раштских событий в Таджикистане;

• «Джамаат Булгар», состоящий из российских экстремистов, чаще выходцев из Поволжья;

• «Джундалла» имеет преимущественно иранские корни, но сейчас принимает очень много выходцев из Средней Азии;

• «Имарат Кавказ», состоящий из российских экстремистов, выходцев с Северного Кавказа;

• «Ансар аль-Асир» — группировка, действующая в Пакистане, но имеющая много русских среди руководящего состава.

Кроме того, на рубеже 2014 — 2015 гг. в Северном Афганистане стали появляться мелкие национальные отряды боевиков из стран Средней Азии, которые начали провозглашать собственные названия. Например, в Бадахшане появились кыргызский отряд «Кыргызстан калканы» и «Ансар уль-Уллох» (выходцы из Таджикистана). Численность этих групп невелика, но есть основания полагать, что они создаются «на вырост» с целью усиления экспансии на территорию СНГ[343].

Указанные группы сейчас используются талибами преимущественно как союзники в борьбе против официального Кабула, однако в долгосрочной перспективе с их помощью создается инфраструктура радикального подполья в странах СНГ. В частности, в 2013 году группы боевиков из Афганистана, готовивших террористические акты, раскрывались в Душанбе и даже в Москве[344].

Воевать в Афганистан преимущественно приезжают молодые радикалы из сельских районов постсоветских стран. В большинстве случаев это мужчины возраста до 30 лет со средним

или неполным средним образованием, безработная молодежь, малоуспешные предприниматели-кустари или мелкие фермеры[345]. Они попадают в экстремистское подполье через ячейки организаций «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Таблиги Джамаат», которые сами не участвуют в боях в Афганистане и Сирии, но занимаются первичным вовлечением молодежи в экстремистскую деятельность, за что некоторые исследователи называют их «прихожей фундаментализма»[346].

В основном интерес к радикализму имеет не религиозные, а социальные корни. Вербовщики говорят с адептами о социальном неравенстве, коррупции в правительстве, полицейском произволе и утверждают, что выходом из ситуации является создание клерикального исламского государства. Чем сложнее социально-экономическая ситуация в государстве и чем ниже доверие общества к власти, тем успешнее такая агитация. Какое-то время молодежь приглашают на подпольные собрания, дают экстремистскую литературу, а потом наиболее «проникшимся» предлагают продолжить образование в «пакистанских медресе»[347].

После прибытия в Пакистан боевики направляются в одно из таких незарегистрированных медресе, общее число которых, по разным оценкам пакистанских источников, составляет от 10 до 40 тысяч. Для обучения преимущественно используются арабский и английский языки. Изначально подобные заведения, подконтрольные пакистанским талибам, создавались для работы с добровольцами из числа афганских граждан, которые до сих пор составляют до 50% студентов[348], однако со временем в них увеличилось число выходцев из других государств, в т. ч. стран СНГ.

В Пакистане рекруты присоединяются к отрядам одной из перечисленных экстремистских организаций, которые действуют под фактическим контролем афганских или пакистанских талибов. Зачастую отряды комплектуются смешанным составом, часть — иностранцы, часть — уроженцы северных провинций Афганистана обычно непуштунского происхождения.[349] По косвенным данным, доля выходцев из стран СНГ в отрядах «постсоветских» группировок колеблется от 15% до 50%.

Несмотря на то, что вновь прибывшие обычно приносят присягу «эмиру» организации, их мобильность достаточно высока. Боевики порой переходят из одного формирования в другое или вовсе покидают регион без разрешения командования. Точками притяжения экстремистов также являются Ирак и Сирия, особенно после обострения ситуации в регионе в 2014 году и появления больших территорий, контролируемых т. н. «Исламским государством Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Ирак стал казаться более перспективным с точки зрения радикальных идей, поэтому многие активисты из Афганистана стали перебираться туда. Кроме того, ИГИЛ в большей степени, чем афганский «Талибан», стало местом притяжения радикалов с Южного Кавказа, преимущественно из Азербайджана и Грузии.

Кроме «донорской», экстремистские группировки из региона имеют и «транзитную» функцию, так как обеспечивают нелегальную транспортировку экстремистов из России в Сирию. Во многом этот поток также является «террористической эмиграцией» для радикалов, пытающихся скрыться от органов правопорядка РФ. Их бегство особенно усилилось в 2014 году в связи с активизацией борьбы с бандподпольем на фоне обеспечения безопасности Олимпиады в Сочи, в результате чего, по данным российских спецслужб, поток «эмигрантов» вырос вдвое[350].

Информированные источники характеризуют существующую инфраструктуру бандподполья Южного Кавказа как «подземную дорогу» с узловыми точками в крупных городах при мечетях, контролируемых радикалами. Добровольцы переходят по цепочке между базами в различных населенных пунктах, пока не оказываются в Турции. Их «зоной ответственности» является обеспечение проживания переезжающих на своей территории, а также транспортировка боевиков через госграницу, если следующий этап предполагает ее пересечение[351].

В краткосрочной перспективе миграцию экстремистов в Афганистан и Ирак можно даже расценивать, как позитивный фактор, однако в дальнейшем возникает проблема, связанная с возвращением выживших боевиков домой. В горячих точках они успевают получить боевую подготовку, связи с международными

террористическими центрами, а в ряде случаев — задания по подготовке терактов и вербовке боевиков на родине. Проблему боевиков-«возвращенцев» обсуждали лидеры стран ОДКБ в ходе Московского саммита в декабре 2014 года, в результате в итоговой декларации ими было заявлено о намерении проводить в этом вопросе скоординированную политику.

Другой угрозой является возможность создания экстремистами ударных групп для последующего вторжения в районе границы Афганистана со странами СНГ. Как отмечалось выше, многочисленные инциденты уже были зафиксированы на границах Таджикистана и Туркменистана, а в будущем возможны попытки рейдов вглубь территории и нападений на населенные пункты. Волна подобных атак имела место в Таджикистане в 2011 — 2012 гг., когда в течение года на территории страны было разоблачено более сотни членов экстремистских организаций, преимущественно ИДТ и «Джамаат Ансаруллох»[352]. Позже уровень активности радикалов несколько сократился, но все же остается достаточно высоким: в 2014 году органами правопорядка республики было задержано 79 активистов экстремистских партий и движений[353].

В настоящий момент нет сомнений, что КСОР ОДКБ позволят гарантировано отразить любое массовое наступление экстремистских группировок с территории Афганистана на Таджикистан. Однако сохраняется опасность «фланговых ударов» по территории Туркменистана и Узбекистана. Официальный Ташкент начал в 2014 году диалог с ОДКБ и ШОС по вопросам безопасности, однако Ашхабад, насколько известно, сохраняет режим чрезвычайной закрытости. Поэтому уровень готовности Туркменистана самостоятельно отразить атаки террористов оценке не поддается, а о росте активности экстремистов в этой стране страны Организации могут узнать достаточно поздно, что создает риск внезапных атак с этого направления.

Анализируя возможную тактику террористов, следует отметить, что массовые фронтальные атаки с целью захвата населенных пунктов стран СНГ пока маловероятны. Наиболее вероятно

копирование тактики афганских талибов: заброска диверсионно-террористических групп и «атаки роем».

Первая схема подразумевает заброску в крупные населенные пункты групп до 7—8 человек с целью совершения актов индивидуального террора или взрывов в общественных местах. Учитывая, что боевики могут не только проникать в страны ОДКБ через таджикско-афганскую границу, но и въезжать по легальным каналам, эффективные меры противодействия в данном случае возможны только в результате сотрудничества специальных служб.

«Атака роем» подразумевает постепенное проникновение в регион до нескольких сотен боевиков, которые рассредоточиваются в сельской местности или в пустынных (малонаселенных) районах с целью одновременной атаки в заранее определенный момент против объектов силовых структур. В условиях Таджикистана это могут быть, в первую очередь, стационарные посты милиции и пограничной охраны на дорогах. Целью подобных атак в Афганистане является вытеснение силовиков из сельских районов и их блокирование в уездных центрах и на постоянных военных базах[354].

Наиболее вероятной целью в афганском приграничье может являться Горно-Бадахшанской автономный округ, где ситуация является традиционно нестабильной. Возможны также попытки проникновения боевиков в южные районы КР для проведения «атак роем» там. Описанные атаки, очевидно, не будут столь же успешны в Кыргызстане и Таджикистане, как в афганской глубинке. Однако их эффективное предотвращение и отражение требует анализа афганского опыта и отработки схем и методов взаимодействия КСОР и национальных силовых структур в случае ЧП. Особое внимание необходимо уделять методам поиска мобильных групп террористов и организации связи.

Другой немаловажной проблемой является контрабанда наркотиков, идущая из Афганистана через страны Средней Азии и Россию. Азия была регионом традиционного произрастания опийного мака, однако вплоть до XX века опий и его производ-

ные (морфин и героин) не были предметами активной контрабанды в другие страны и регионы.

Национальный наркобизнес начал развиваться в Афганистане в ходе гражданской войны 1979 — 1989 гг., так как был одним из источников доходов национальной вооруженной оппозиции. В 1986 — 1993 гг. посевы опийного мака в стране выросли вдвое, было создано около 60 нелегальных лабораторий по выделению морфина из опия. Десятки тонн морфина и героина начали поступать на международные рынки через Пакистан[355].

Ситуация еще больше обострилась в ходе гражданской войны 1990-х гг., когда страна оказалась расколотой на множество зон контроля полевых командиров, и наркобизнес буквально расцвел. Торговлю наркотиками, как источник доходов, активно использовало и движение «Талибан», во многом поставившее производство и переработку опия на организованную основу. Талибы не только фактически легализовали выращивание опия в стране, но и способствовали развитию этого бизнеса. Речь идет, прежде всего, о системе «наркоссуд», или опийного «салаама» (традиционной семенной ссуды). Крестьянин получал денежный заем на приобретение семян под обязательство в течение года вырастить на своем участке опийный мак. Кредитор, обычно представитель «Талибана», обязывался выкупить урожай для дальнейшей реализации. На контролируемых талибами территориях стали возникать целые химические производства по переработке опия в морфин и героин. В страну импортировались прекурсоры, необходимые для этого процесса, а также селекционные сорта семян опийного мака, дающие урожай с большим содержанием морфина. Пользуясь контактами с исламскими экстремистами на постсоветском пространстве, «Талибан» наладил маршруты экспорта афганского героина на рынки СНГ и стран Запада.

В 1998 — 2001 гг. талибы начали использовать афганскую наркоторговлю в качестве инструмента шантажа, требуя признать собственный режим в обмен на запрет наркопроизводства. Однако теракты 2001 года и вмешательство США в афганский конфликт быстро исключили такую возможность. В услови-

ях противостояния с иностранными войсками талибы все шире использовали покровительство наркоторговле для пополнения бюджета движения[356], а официальный Кабул демонстрировал и демонстрирует неспособность решить проблему талибов и наркотиков в стране.

В результате в течение 2000-х страна превратилась в основного мирового экспортера опийного мака на наркорынки мира, причем после распада СССР начался стабильный рост контрабанды наркотиков на север. Основные маршруты в регионе проходят через территорию Таджикистана и Туркменистана. Очевидно, что непосредственная близость от территории со столь высокой криминальной активностью представляет угрозу для стран ОДКБ.

В 2007 — 2008 гг. власти Афганистана пытались наладить планомерную борьбу с наркоторговлей, основанную на уничтожении посевов опийного мака в ходе полицейских рейдов в сельских районах. Однако слабость государственного аппарата и проблемы в борьбе с терроризмом не позволили достигнуть фундаментальных успехов на этом поприще.

В последние годы афганское наркопроизводство демонстрирует тенденцию к росту, что видно на примере данных таблицы 30.

Таблица 30. Статистика афганского наркопроизводства в 2011 — 2014 гг.[357]

	2011	2012	2013	2014
Площадь посевов опийного мака, тыс. га	131	154	229	224
Производство опийного мака, тыс. т.	5,8	3,7	5,5	6,4

С 2011 по 2014 гг. посевы опийного мака выросли на 70%, производство опия — на 10%. Причина очевидного разрыва в показателях, в т. ч. в упомянутых выше полицейских рейдах, которые позволяют несколько сдерживать рост наркопроизводства. Ради справедливости необходимо подчеркнуть, что оно даже несколько ниже, чем в 2007 году (8,2 тыс. т. в год).[358]

Дальнейшая динамика наркопроизводства в Афганистане очень сильно зависит от военно-политической обстановки в стране, и государства-члены ОДКБ должны искать способы минимизировать наркоугрозу для самих себя.

Роль международного сотрудничества в этом вопросе особенно велика, учитывая наибольшую эффективность полицейских мер вблизи районов изначального производства опийного мака или хотя бы вблизи государственной границы Афганистана. Исследования показывают, что по мере дальнейшего продвижения наркопотока растет себестоимость наркотиков, а одновременно с ней увеличивается и абсолютная сумма расходов, которые преступные группировки могут потратить на защиту груза в т. ч. путем подкупа должностных лиц. В результате пресечение наркопотока на границах России и Казахстана значительно сложнее, чем в Таджикистане или Кырыгзстане[359].

Очевидным образом партнерство на фронте борьбы с наркотиками отвечает интересам не только Душанбе, но Москвы и Астаны, для которых лучше вкладывать деньги в борьбу с наркоконтрабандой на дальних рубежах.

С 2003 года участники ОДКБ проводят ежегодную операцию «Канал» по пресечению наркотрафика. Указанная операция предусматривает создание совместных оперативных групп и усиление полицейских и пограничных постов в Средней Азии сотрудниками органов других стран, в т. ч. России. В 2014 году в ходе данной операции было изъято 12 тонн 450 кг наркотиков, из них 10 тонн 324 кг опиатов афганского происхождения, 902 кг гашиша, более 245 кг героина, 19 кг наркотических средств синтетического происхождения, 669 кг марихуаны, более 97 кг прекурсоров. К ответственности привлечено 2407 нарушителей[360]. Мероприятия по борьбе с наркоторговлей с использованием Интернета проводятся в рамках регулярной операции ОДКБ «Прокси», направленной против киберпреступности. Меры по борьбе с контрабандой наркотиков реализуются также в рамках операции «Нелегал»[361].

За время существования ОДКБ возникли постоянные механизмы сотрудничества в сфере наркоконтроля. С 2005 года в

рамках ОДКБ действует Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков. В 2009 году создан Объединенный банк данных государств-членов Организации по вопросам контроля над наркотиками.

Вариантами возможного углубления сотрудничества в этой сфере является использование коллективных сил ОДКБ для охраны государственной границы Таджикистана и Афганистана. Вплоть до 2005 года в охране границы принимали непосредственное участие российские войска, но по политическим причинам (при активном участии США) они были выведены из региона по просьбе таджикской стороны, что привело к резкому увеличению наркопотока. Это обусловлено более слабым уровнем оснащения пограничных войск Таджикистана, нехваткой квалифицированных кадров, низким уровнем зарплат в пограничных войсках. В 2013 году ОДКБ приняло решение об оказании республике поддержки в охране государственной границы, однако вопрос о присутствии в приграничной зоне Коллективных сил пока остается вне повестки дня.

Вообще, по мнению специалистов, эффективность охраны границы путем физического присутствия проигрывает новым средствам и методам. Сейчас все шире используются различные технические решения: от беспилотников до систем видеонаблюдения и сигнализации, которые позволяют контролировать большие участки границы при участии минимальной по численности охраны. Для их внедрения в Кыргызстане и Таджикистане потребуются, в первую очередь, финансовая помощь, участие советников и инструкторов из других стран ОДКБ, которые бы обучили местные кадры[362]. В долгосрочной перспективе может стать вопрос об изменении стратегии развития пограничных войск стран Средней Азии, но это — тема отдельного разговора.

Также актуальной задачей является перенос борьбы ОДКБ с наркотиками на территорию Афганистана. В настоящий момент программы партнерства с Кабулом осуществляются Россией в единоличном порядке, но в будущем возможно финансовое и организационное участие в них и других стран ОДКБ.

В частности, на текущий момент афганские наркополицейские проходят подготовку в российской специализированной школе в Домодедово.

Важной составляющей российской борьбы с афганским наркотрафиком является совместная оперативная работа с региональными и западными спецслужбами. В 2010 году при участии США, Афганистана и Таджикистана была сформирована оперативная группа, которая провела не менее четырех операций по ликвидации подпольных наркопроизводств в Афганистане. В результате было изъято более 1,5 т. героина, 4,5 т. морфина и 300 кг опиума. Наиболее резонансной стала операция, проведенная силами НАТО и местной полицией на основе российских оперативных данных в провинции Нангархар в октябре 2010 года[363].

Россия ищет и новые пути решения проблемы наркотрафика. В частности, используются религиозные каналы взаимодействия. В 2011 году Совет муфтиев России подписал соглашение с представителями афганской уммы, касающееся сотрудничества в борьбе с наркоторговлей. Стороны договорились о том, что афганские улемы будут более активно заниматься антинаркотической пропагандой, вести регулярные проповеди в мечетях, осуждающие распространение и потребление наркотиков[364].

Сейчас с точки зрения борьбы с контрабандой опиатов в рамках ОДКБ Таджикистан и Кыргызстан являются своего рода «фрондиром», который нуждается в поддержке «тыла» — России, Казахстана и Белоруссии. Однако ситуация может измениться в ближайшие годы по мере усиления контрабанды синтетических наркотиков, идущих из Западной Европы через Белоруссию и Украину. Остро стоит проблема т. н. «спайсов», с которыми первой столкнулась Россия, а сейчас они начинают проникать в государства Средней Азии. В этом вопросе актуальной может стать передача государствам ОДКБ информации и опыта борьбы из России и Белоруссии.

Как и в случае противодействия терроризму, актуальным является вопрос создания механизмов сотрудничества с Узбекистаном и Туркменистаном, которые также являются объектами наркоугрозы. К сожалению, в случае Ашхабада процесс также

осложняется крайней закрытостью страны и отсутствием открытого обсуждения проблем наркоторговли в стране. Известно, что с конца 2000-х гг. в Туркменистане была проведена кампания по борьбе с наркоманией и наркоторговлей, однако вряд ли она привела к полному искоренению наркобизнеса в республике[365].

Подводя итог можно выделить четыре направления евразийского сотрудничества в сфере безопасности в рамках ОДКБ:

1. Создание общего «военного зонтика», защищающего государства-члены Организации от вторжения извне в т. ч. в результате поддержки иностранными державами местной радикальной оппозиции. Ключевую роль здесь играют армия и ВПК России, как наиболее сильной в военном отношении страны блока.

2. Борьба с международным терроризмом в рамках сотрудничества национальных МВД и спецслужб. Здесь большую роль играют чисто оперативные вопросы, которые мало освещаются в открытой печати.

3. Предотвращение крупномасштабных вторжений экстремистов с территории севера Афганистана. Проблема решается совместным планированием, отработкой взаимодействия и учебно-боевой активностью КСОР ОДКБ на опасных направлениях.

4. Борьба с наркоторговлей, которая во многом определяется поддержкой «приграничных» государств Средней Азии со стороны тройки наиболее экономически успешных государств ОДКБ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отличие от многих современных интеграционных проектов, Евразийский экономический союз является не столько реакцией стран-участниц на современное развитие сотрудничества, сколько попыткой восстановить экономическую кооперацию, существовавшую ранее. Промышленность бывших советских республик создавалась в условиях единого СССР, поэтому для постсоветских хозяйственных связей характерна взаимная зависимость производств в разных концах бывшего Союза. После распада страны и разрыва хозяйственных связей огромное число предприятий лишилось рынков сбыта и каналов поставок сырья и комплектующих, что усугубило социально-экономический кризис 1990-х гг. Адаптация к экономическим системам дальнего зарубежья осложнялась разницей в технологических стандартах и производственных укладах.

Постсоветские интеграционные проекты были направлены на преодоление негативных последствий распада СССР, восстановление хозяйственных связей и производств. Однако на первоначальном этапе их очень сильно тормозил груз внутренних проблем стран-участниц и сложные политические противоречия, возникшие между бывшими советскими республиками.

«Первой ласточкой» реинтеграции стал проект Союзного государства России и Беларуси. В промышленности обоих государств большую роль играли товары глубокой переработки, а заводы обеих стран нуждались в поставках уникальных комплектующих «союзных» предприятий, что было характерно, например, для тракторной промышленности.

В 2000-е гг. начали формироваться новые интеграционные проекты с участием других постсоветских государств. К числу наиболее успешных из них относится Зона свободной торговли

СНГ, Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана и, собственно, ЕАЭС. В его состав в настоящий момент входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан, также вероятным кандидатом в члены объединения является Таджикистан.

Ядро союза составляют страны — члены ТС. Их тяжелая промышленность, созданная в советскую эпоху, в наибольшей мере заинтересована в восстановлении распавшихся хозяйственных связей. Кроме того, их объединяет участие в транзитном мегапроекте КНР— ЕАЭС — ЕС, который должен стать новым «шелковым путем» между промышленностью Дальнего Востока и европейскими рынками сбыта. В связи с этим промышленность членов ТС получает достаточно очевидные и «быстрые» выгоды в результате интеграции рынков.

Армения и Кыргызстан в краткосрочной перспективе получают «дивиденды», связанные с экспортом рабочей силы в Россию и Казахстан, а выход на общий рынок с собственными товарами (прежде всего продовольствием и минеральным сырьем) потребует более длительного времени и денежных вложений. Поэтому принятие этих стран в ЕАЭС является с точки зрения государств «большой тройки» вложением в будущее, окупаемость которого потребует времени. Армения на текущий момент также может рассматриваться как звено будущего транзитного маршрута Иран — Южный Кавказ —Россия — ЕС. Однако современные политические противоречия вряд ли позволят реализовать этот проект в ближайшие годы.

Менее масштабными, но не менее важными являются крупные «внутриевразийские» проекты, связанные с созданием новых промышленных предприятий при участии стран ЕАЭС. Частично эти проекты стартуют при поддержке ЕАБР, частично — исключительно за счет частной инициативы, развитие которой становится возможным в условиях снятия экономических барьеров.

На текущий момент ключевой составляющей политики союза является создание единого рынка товаров, капиталов и рабочей силы. Происходит поэтапный отказ от тарифных и нетарифных ограничений, повышается прозрачность границ для людей

и компаний. В будущем на повестке дня стоит переход к единой экономической политике и единой валюте, однако этот шаг считается наиболее сложным из-за неизбежности тех или иных политических решений на этом пути. В настоящий момент более близким и ожидаемым шагом для участников ЕАЭС является отказ от использования валют третьих стран при взаимных расчетах.

Опыт сотрудничества России, Беларуси и Казахстана в рамках ТС показывает, что интеграция в рамках постсоветского пространства позволяет существенно увеличить торговый оборот стран-участниц и активизировать работу секторов промышленности, чья продукция востребована в других странах объединения. Создание ЕАЭС позволяет попытаться повторить этот позитивный опыт при участи новых игроков — Кыргызстана, Армении и, возможно, Таджикистана.

В таблице 31 мы приведем краткий перечень отраслей экономик стран Союза, которые могут в наибольшей мере выиграть от создания единого экономического пространства.

Таблица 31

Страна	Отрасли
Армения	растениеводство (табак, томаты, фрукты), добыча минерального сырья (медь, перлит), транспорт*
Беларусь	машиностроение (сельскохозяйственная и бытовая техника), НИОКР, транспорт
Казахстан	транспорт, нефтехимическая промышленность, машиностроение*, производство стройматериалов
Кыргызстан	швейная промышленность, добыча минерального сырья, сельское хозяйство
Россия	машиностроение, металлургия, транспорт
Таджикистан	металлургия, энергетика, сельское хозяйство

* Долгосрочная перспектива.

Наряду с прямыми выгодами от развития экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС необходимо отметить, что в результате роста объемов общего рынка его привлекательность для бизнеса из дальнего зарубежья вырастет. В настоящий мо-

мент ведутся переговоры о заключении соглашений о ЗСТ с несколькими десятками иностранных государств, включая Индию, Турцию и Иран. Ожидается увеличение объема иностранных инвестиций во многие отрасли экономики ЕАЭС и перенос некоторых производств третьих стран на территорию евразийского пространства.

Следствием развития экономической интеграции должно также стать повышение стандартов ведения бизнеса в странах-участницах. В некоторых государствах ЕАЭС значительная часть бизнеса все еще находится в «теневом секторе» и подвергается влиянию криминалитета. Работа на общем рынке крупных инвесторов из наиболее развитых государств союза должна помочь разрушить сложившееся внеправовые схемы ведения коммерческой деятельности.

Необходимо отметить, что в настоящий момент евразийская интеграция имеет не только экономическое измерение, но также основывается на общности интересов в сфере безопасности. Рост террористических угроз, интенсивная контрабанда опиатов, агрессивная политика ряда стран НАТО заставляют страны региона развивать сотрудничество в сфере безопасности и совместно отражать перечисленные угрозы.

В среднесрочной перспективе можно ожидать роста интереса к евразийскому проекту среди других постсоветских государств. Не в последнюю очередь это связано с хорошими перспективами ЕАЭС и кризисом проекта «европейской интеграции» на основе системы соглашений об ассоциации со странами региона.

Успех Евразийского экономического союза может иметь не только чисто экономические последствия: рост реального производства, занятости и благосостояния общества. Он также может стать толчком для позитивных изменений в общественной жизни. Опыт России, рассматривавшийся в этой книге, свидетельствует, что экономическое развитие позволяет изменить не только уровень жизни и демографические показатели, но и положительно влияет на восприятие населени-

ем своей страны, ее достижений и истории, а также перспектив развития.

Произошедшие в РФ перемены некоторые западные авторы назвали «российским экономическим чудом». Хочется надеяться, что развитие проекта ЕАЭС поможет раз и навсегда забыть о кризисном «постсоветском» периоде и позволит объединенными усилиями участников добиться появления «евразийского экономического чуда», служащего повышению благосостояния народов Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и любых других стран, готовых к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству.

Примечания

[1] *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Homewood: Richard D. Irwin, 1961. В более поздних работах выделяются также такие классы соглашений, как монетарный союз (экономический союз на основе общей валютной политики), и полную экономическую интеграцию, подразумевающую полное делегирование управления экономикой на союзный и уровень и диалектический переход от экономической интеграции к политической. Современное состояние исследований в данной области см. *Hosny A. S.* Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences, Issue 2(5), May 2013. Pp. 133-155.

[2] *Rueda-Junquera F.* European Integration Model: Lessons for the Central American Common Market. Miami: University of Miami, 2006. P. 12.

[3] *Афонцев С. А.* Условия и критерии успешной интеграции: уроки мирового опыта для Таможенного союза // Ежегодный электронный журнал «Леонтьевские чтения: Актуальные экономические проблемы России». 2014. № 14. С. 157.

[4] *Grzybowski K.* Socialist Countries in GATT // American Journal of Comparative Law. 1980. № 28. P. 549.

[5] Информационный бюллетень по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству между США и Европейским союзом // Белый Дом (США), Офис пресс-секретаря, 17 июля 2013.

[6] *Capaldo J.* The Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership: European Disintegration, Unemployment and Instability. Medford: The Global Development And Environment Institute, 2014. P. 2, 14.

[7] Thousands protest in Berlin against industrialized farming // Deutsche Welle, January 17, 2015.

[8] Wall Street and the Financial Crisis: Anatomy of a Financial Collapse. Majority and Minority Staff Report. United States Senate Permanent Subcommittee on Investigations. Washington D.C.: Committee on Homeland Security and Governmental Affairs, 2011. Pp. 2-5.

[9] *Helbling T., Mercer-Blackman V., Cheng K.* Commodities Boom: Riding a Wave // Finance & Development: A quarterly magazine of the IMF. Volume 45, Number 1, March 2008. P. 11-13.

[10] Статистические сведения о дореволюционной экономике см. в издании: Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. Санкт-Петербург: Институт Российской Истории РАН, 1995.

[11] Народное хозяйство СССР за 1913-1956 гг. (Краткий статистический сборник). Москва: Центральное Статическое управление СССР, 1955. С. 22. На момент издания сборник имел гриф «секретно».

[12] *Александров И. Г.* Производственные факторы в построении экономических районов // Плановое хозяйство, № 3, 1926. С. 106-107. *Курский А.* Завершение районирования СССР // Плановое хозяйство. 1936. № 11. С. 145-146. В более поздней литературе чаще использовался термин «территориально-производственные комплексы», или «кластеры». Подробнее об истории советских подходов к региональному планированию см.: *Олифер Д. И.* Региональное развитие в условиях директивной экономики // Экономикс. 2014. № 3. С. 23-24.

[13] *Шумской Н. Н.* Региональные экономические объединения постсоветских государств: организационно-правовое обеспечение процессов интеграции. Минск: Беларуская навука, 2010. С. 66.

[14] *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 320, 352-354. Ср. Там же с. 251-252.

[15] *Левчик Д.А.* Забастовочное движение шахтеров 1988—1991 // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 113-114, 119. См. также *Борисов В.* Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989—99 гг.). М.: Институт сравнительных исследований трудовых отношений, 2000.

[16] Расчеты Гранберга А.Г. и Суслова В.И., 1989. Приводится по: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. С. 299.

[17] Советская Татария, 12 августа 1990. Цит.: Союз можно было сохранить. Белая Книга. М.: Горбачев-Фонд — Издательство «Апрель-85», 1995. С. 110.

[18] Союз можно было сохранить. Белая Книга. С. 53.

[19] Там же, с. 110-111.

[20] Там же, с. 146-149.

[21] IMF Statistics: World Economic Outlook Databases, 2015. Данные приводятся в фиксированных ценах в сравнении с 1992 годом.

[22] *Галиев А.* Природа социально-экономических противоречий по линии «Север-Юг» в хозяйственном комплексе Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 2, Том 14. С. 190.

[23] Подробнее о данном этапе экономической интеграции см.: *Шумской Н.Н.* Экономический союз новых независимых государств: предпосылки и перспективы создания // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 4. С.85-91.

[24] Информация Единого реестра правовых актов и других документов СНГ на февраль 2015 года. Кроме перечисленных стран, в число подписантов договора входит Таджикистан, но для этой страны договор еще не вступил в силу.

[25] Евразийская интеграция: цифры и факты. Б. м.: Евразийская экономическая комиссия, 2013. С. 7, 16.

[26] *Додонов В. Ю.* Предварительные макроэкономические итоги участия Казахстана в Таможенном союзе // Таможенный союз и Единое экономическое пространство: проблемы экономической интеграции. Сборник научных трудов. Под общей редакцией Б.К. Султанова. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте РК, 2012. С. 50, 52.

[27] Подробнее о данной проблематике см. *Борисов С.М.* Валютно-финансовые проблемы евразийской интеграции. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

[28] Проектный портфель // Сайт ЕАБР, 2015.

[29] *Ушкалова Д. И.* Формирование Таможенного Союза и Единого Экономического Пространства России, Белоруссии и Казахстана. М.: Институт Экономики РАН, 2012. С. 16.

[30] Annex to Presidency Conclusions: Declaration by the European Council on the Eastern Partnership // Council of the European Union, Brussels European Council 19/20 March 2009. Pr. 2, 4.

[31] Clinton Calls Eurasian Integration An Effort To 'Re-Sovietize' // Radio Liberty, December 7, 2012.

[32] *Spratnel S.* Democracy in Central Asia: Supporting Kyrgyzstan's «Island of Democracy» // The Ambassador Review. 2014. Spring. P. 10, 11.

[33] IMF Statistics, 2015.

[34] Росстат (веб-сайт), 2015. IMF Statistics, 2015. *Четвернина Т.Я.* Формы и особенности скрытой безработицы в России // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 227.

[35] *Климанова Г. И., Мухетдинова Н. М.* Политика доходов и уровень жизни населения России в 1990-е годы // Проблемы развития челове-

ческого потенциала в деятельности Совета Федерации. М.: Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2001.

[36] *Papava V.* Necroeconomics: The Political Economy of Post-communist Capitalism. Lincoln: Universe, 2005.

[37] *Кувалин Д.Б.* Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М.: Макс-Пресс, 2009. С. 110-111.

[38] *Римашевская Н. М.* «Русский крест» // Природа, № 6, 1999.

[39] *Коротаев А., Халтурина Д.* России грозит гуманитарная катастрофа // Полит.ру, 29 июня 2005. См. также *Халтурина Д. А., Коротаев А. В.* Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: URSS, 2006

[40] Российский статистический ежегодник, 2003. М.: Федеральная служба государственной статистики (ФСГС), 2004. Таблица 11.1; *Кудрявцев В. Н.* Современные проблемы борьбы с преступностью в России // Вестник Российской Академии Наук, 1999. Т. 69, № 9. С. 790-797.

[41] *Суетнов А.* Кавказский капкан. Факты и комментарии. М.: Библиотека правозащитной литературы, 2009; Фильм «Рынок Рабов», Соловкин С., Кончаловский Д., «ВИД» (Россия), 2000.

[42] Russia Rebounds. Edited by David E. W. Owen, David O. Robinson. Washington D.C.: International Monetary Fond, 2003. P. 55.

[43] Центральный Банк РФ (веб-сайт), 2015. Росстат, 2015. IMF Statistics, 2015.

[44] *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 396.

[45] *Aslund A.* Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Washington D.C.: Peter G. Peterson Institute for International Economics, 2007. P. 300.

[46] Здесь и далее, если не оговорено иное, используются данные соответствующих разделов: Социальное положение и уровень жизни населения России, 2014. Москва: ФСГС, 2015; Социальное положение и уровень жизни населения России, 2008. Москва: ФСГС, 2009; Социальное положение и уровень жизни населения России, 2002. Москва: ФСГС, 2003.

[47] Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 17-18.

[48] *Дмитриев М., Мисхина, С.* «Прощай, нищета» // Вестник Европы. 2012. № 34; *Дмитриев М. Э., Мисихина С. Г.* Средний класс в Российской

Федерации: подходы, оценки, характеристики, интересы // Развитие человеческого капитала — новая социальная политика: сборник научных статей. М.: Дело, 2013.

[49] Сайт FAOStat (Проект Организации продовольствия и сельского хозяйства ООН), 2015.

[50] Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. [Москва: ФСГС, 2010.] С. 8.

[51] Правонарушения // Росстат, 2015.

[52] См. подробнее об этой проблеме: *Гаврилов Б. Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. Москва: Проспект, 2008.

[53] За год в РФ поймали 18 воров в законе и разоблачили 608 этнических ОПГ // РИА Новости, 21 марта 2014.

[54] По данным: Росстат, 2015; IMF Statistics, 2015; Ресурс Idex Mundi, 2015.

[55] Обращение деятелей культуры, науки, представителей общественности в связи с приговором, вынесенным бывшим руководителям НК «ЮКОС» // Известия, 28 июня 2005.

[56] Финансы России, 2004. Статистический сборник. Москва: ФСГС, 2005. Таблица 2.19; Финансы России, 2006. Статистический сборник. Москва: ФСГС, 2007. Таблица 2.23.

[57] Сайт Росстата, 2015.

[58] Услуги в современной экономике / Отв. ред. Л. С. Демидова, В. Б. Кондратьев. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 21.

[59] 2014 Space Launch Report // Сайт «Space Launch Report», 2015.

[60] Опыт функционирования аналогичной системы eCall на базе GPS в Европе показывает, что в результате смертность от аварий сокращается на 3-10%. (*Chauvel C., Haviotte C.* Ecall System: French A Posteriori Efficiency Evaluation // Proceedings of the Twenty Third International Conference on Enhanced Safety of Vehicles. Washington DC: National Highway Traffic Safety Administration, 2011. P. 8).

[61] Правительство подсчитало прибыль от Олимпиады в Сочи // Лента.ру, 16 апреля 2014.

[62] *Дьячкова Е.* Сочи после Олимпиады: туристы круглый год // Р-спорт, 7 февраля 2015; Всем ли хватит места этим летом в Сочи? // Турбас.ру, 16 марта 2015.

[63] *Хеллевиг Й.* Путин 2000 — 2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономи-

ке. Витгенштейновский взгляд на российскую экономику. М.: Awara, 2014. С. 11-14.

[64] Кириенко: Росатом не будет пересматривать планы строек АЭС за рубежом // РИА «Новости», 6 апреля 2015; *Гурдин К.* Силовой захват мира // Аргументы недели. 2015. 2 апреля.

[65] *Хеллевиг Й.* Путин 2000 — 2014. С. 21.

[66] Росстат, 2015. IMF, 2015.

[67] Сумма данных ежемесячных дайджестов сайта «Сделано у нас», 2015.

[68] Doing Business 2015. Economy Profile 2015: Russian Federation. Washington D. C.: The World Bank, 2015.

[69] БиСКВИД может позволить уменьшить энергопотребление суперкомпьютеров на 6 порядков // Сайт НИИ Ядерной физики им. Д. В. Скобельцына, 2015.

[70] Впервые в России произведена успешная биопечать щитовидной железы // 3D Today. 2015. 26 марта.

[71] *Путин В. В.* Стенограмма отчета в Государственной Думе // Российская Газета. 2012. 11 апреля.

[72] FAOstat, 2015; Международный союз электросвязи, 2015; Международные сопоставления // Росстат, 2015. Приведенные значения верны на 2011 — 2013 гг., во всех случаях использовались наиболее поздние из доступных данных.

[73] Статистика на базе списка программ на сайте канала «Россия-1», 2015.

[74] В 2014 году Максимовская сосредоточилась на работе топ-менеджера канала и не смогла продолжать проект, в эфире ее заменило аналогичное шоу с другим ведущим «Добров в эфире». (*Дергачев В., Галимова Н.* Конец «Недели с Марианной Максимовской» // Газета.ру. 2014. 1 августа).

[75] *Горшенин В.* «Яндекс» стал цифровым министерством правды? // Правда.ру, 24 февраля 2014; *Стариков Н.* Как «Яндекс» осуществляет политическую цензуру // Сайт депутата Госдумы Н. Старикова, 15 мая 2013.

[76] Антироссийские настроения СМИ расставили по местам // Полит-Онлайн. 2014. 31 марта.

[77] *Зубов А.* Это уже было // Ведомости. 2014. 1 марта 2014.

[78] Ройзман стал единственным российским мэром, принявшим участие в акции поддержки заключенных по «болотному делу» // Знак. 2014. 22 февраля; «Я за мир» // Знак. 2014. 15 марта.

[79] *Груздева Л., Козенко А.* Заморозки на местах // Коммерсант, 26 декабря 2011.

[80] «На следующий день после того, как стало известно об окончательном согласовании митинга на Болотной площади, Мэрия Москвы согласилась выделить специальные автобусы для перевозки людей с Площади Революции, где митинг планировался изначально». (Власти Москвы согласовали маршрут от площади Революции до Болотной // Лента.ру. 2011. 10 декабря).

[81] Доминанты ФОМ, № 18-19, 12 мая 2011. С. 33; Ernst & Young: Growing Beyond: a place for integrity 12th Global Fraud Survey. [Без места]: Ernst & Young, 2012. P. 5. Подробнее см.: Бытовая коррупция в России (на основании результатов социологического исследования, проведенного во втором полугодии 2010 г.). М.: Фонд «Общественное Мнение», 2011.

[82] «Что касается исследования «деловой» коррупции, то оно показало, что значение показателя вовлеченности в коррупционные отношения (доля предприятий, хотя бы изредка сталкивающихся с коррупцией, от общего числа предприятий в Российской Федерации) за время, прошедшее после предыдущего исследования, снизилось с 63% до 53%». (Минэкономразвития подвело итоги исследования бытовой и деловой коррупции в России // Сайт Министерства экономического развития РФ. 2014. 20 октября).

[83] Национальный рейтинг прозрачности госзакупок, 2014 // Сайт «Рейтинг прозрачности», 2015.

[84] Сайт «За честные закупки», 2015.

[85] World Giving Index 2014. A global view of giving trends. November 2014. Б.м.: Charities Aid Foundation, 2014. P. 16, 22.

[86] Добровольчество в России: потенциал участия молодежи: Пресс-выпуск 1745 // ВЦИОМ. 2011. 24 июня.

[87] Правительство решило увеличить финансирование НКО до 12 млрд рублей // РБК. 2014. 7 ноября.

[88] Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации // Росстат, 2015. Критика перечисленных иностранных сект представлена в классической работе: *Дворкин А. Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3-е, перераб. и доп. Нижний Новгород, 2002.

[89] Судьба курильщиков в России. Пресс-выпуск 2643 // ВЦИОМ. 2014. 7 августа.

[90] Подборка официальной статистики опубликована: О формировании здорового образа жизни граждан России // Сайт правительства РФ. 2015. 29 марта.

[91] TIMSS and PIRLS 2011: Relationships Among Reading, Mathematics, and Science Achievement at the Fourth Grade—Implications for Early Learning. Chestnut Hill: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IAE), 2013. P. 20, 25, 65. Итоги тестов за предыдущие годы представлены на сайте IAE, 2015.

[92] Ibid. P. 202-204.

[93] Что читаем? Пресс-выпуск 2596 // ВЦИОМ. 2014. 2 июня; Россияне стали больше читать. Пресс-выпуск 2251 // ВЦИОМ. 2013. 12 марта.

[94] *Ситнянский Г. Ю.* Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011. С. 34.

[95] *Пронин А. А.* Российские соотечественники в странах старого и нового зарубежья. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 19.

[96] *Флоринская Ю.* Масштабы трудовой миграции в Россию // Российский Совет по Международным Делам, 13 сентября 2013; *Мукомель В. И.* Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 11 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 236-263. Ср. *Ситнянский Г. Ю.* Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? С. 37.

[97] Мониторинг реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2014. М.: ФМС, 2015. С. 4, 7.

[98] *Ситнянский Г. Ю.* Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? С. 40.

[99] Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 4 марта 2015 г.) // Сайт Федеральной Миграционной Службы РФ, 2015; Трансграничные операции физических лиц по основным

странам-контрагентам за 2014 год // Сайт Центрального Банка РФ, 2015.

[100] 10% населения Армении имеют российское гражданство // Радио «Азатутюн», 22 марта 2014. (По оценкам автора, сделанным на основе бесед с жителями Еревана в феврале 2015 года, приведенные данные о наличии гражданства РФ можно назвать минимальными).

[101] Рассчитано по статистике ВВП в долларовом выражении: IMF, 2015.

[102] Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны. Санкт-Петербург: ЕАБР, 2013. С. 35.

[103] *Ермаков А.* Слабый рубль выгоняет мигрантов // Фонтанка. 2014. 18 декабря.

[104] Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2014.

[105] Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз... С. 18.

[106] Найбільше українських вчених виїхало до США, Росії і Німеччини // Тиждень. 2013. 29 квітня.

[107] Доктора наук и чемпионы выбирают Россию // Соотечественники. 2012. № 1, июль. С. 1.

[108] Народность Дагестана.

[109] «Урал, Урал, Урал! Там огромное количество залежей под землей. Это кладовая страны. Там огромное магнитное поле. Там вообще тупое население. Там дебилы живут. От Перми до Екатеринбурга — это население дебильное. Оно, может быть, здоровое, но, если взять его по интеллекту, — он тупой, до упора... 40 лет езжу по стране. Более тупого населения, чем на Урале, нет». (Цит.: Жириновский: самое тупое население на Урале // Взгляд. 2012. 10 января).

[110] Высказывания В. В. Жириновского многократно осуждались парламентской комиссией по этике и Президентом РФ: Госдума обязала Жириновского извиниться перед журналистами // Лента.ру. 2014. 23 апреля; В. Путин призывал В. Жириновского к сдержанности в публичных выступлениях // РБК. 2013. 6 ноября.

[111] Россия — общий дом для разных народов: Пресс-выпуск 2611 // ВЦИОМ. 2014. 24 июня.

[112] Россия для русских — или для всех? Пресс-выпуск 603 // ВЦИОМ. 2006. 21 декабря.

[113] *Кожевникова Н. И., Рыбаковский Л. Л., Сигарева И. П.* Русские: этническая гомогенность? (Опыт социологического исследования). М.: Институт социально-политических исследований, 1998.

[114] *Беликов С. В.* Антифа. Молодежный экстремизм в России. М.: Алгоритм, 2012. С. 66, 72. Аналогичный вывод сделан мной по материалам серии интервью с представителями экстремистской среды 2005 — 2007 гг.

[115] Состояние преступности — январь — декабрь 2012 года // Сайт МВД РФ, 2015; 2012 Hate Crime Statistics: Incidents and Offences // The FBI web-site, 2015; An Overview of Hate Crime in England and Wales. London: Office for National Statistics, 2013. P. 6; Police-reported hate crime in Canada, 2012 // Statistics Canada, 2015.

[116] *McDevitt J.* New figures reveal dramatic increase of hate crimes against Polish people // The Guardian. 2014. June 11.

[117] Некоторые свидетельства: *Дзугова Ж.* Дворников в Москву поставляет мафия? // Комсомольская правда. 2007. 30 марта; *Емельяненко В.* 7 вопросов Сафару Самиеву, продавцу с рынка // Русский репортер. 2015. 5 февраля.

[118] Интеграционный барометр ЕАБР, 2014. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2014. С. 98.

[119] Национальная счета республики Беларусь. Статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь (НСКРБ), 2014. С. 30; Сайт НСКРБ, 2015; Сайт IMF, 2015.

[120] О валовом внутреннем продукте и валовом региональном продукте Республики Беларусь в 2014 году // Сайт НСКРБ, 2015.

[121] *Болдак А. К., Сухоцкая О. Н.* Национальная экономика Беларуси. Учебно-методическое пособие. Гродно: Гродненский Государственный Университет, 2011. С. 45-47.

[122] Бюллетень банковской статистики. № 12(162), 2012. Минск: Национальный Банк Республики Беларусь, 2012. С. 135. Бюллетень банковской статистики. № 12(138), 2010. С. 138.

[123] Некоторые авторы полагают, что одной из причин избыточного кредитования в 2011-м было желание властей увеличить зарплаты в преддверии очередного избирательного цикла. (*Чубрик А., Шиманович Г., Зарецкий А.* Среднесрочные перспективы экономики Беларуси

после кризиса платежного баланса. Минск: Исследовательский центр ИМП, 2012. С. 6.

[124] Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2009 — 2013. Статистический сборник. Минск: НСКРБ, 2014. С. 21. Сайт НСКРБ, 2015. Сайт Росстата, 2015. IMF, 2015.

[125] Например: *Петухов В. В.* Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 8.

[126] *Шишков В. Ю.* Кооперирование в машиностроении стран СНГ: не расширение, а свертывание // Евразийская экономическая интеграция. 2008. № 1(11). С. 49.

[127] Внешняя торговля Республики Беларусь, 2013. Статистический сборник. Минск: НСКРБ, 2014. С. 24.

[128] *Бодрунов С. Д., Червяков А.В.* Состояние производственной кооперации машиностроительных комплексов России и Беларуси // Мир авионики. 2012. № 2.

[129] *Дайнеко А. Е.* Приоритеты международной экономической интеграции Республики Беларусь // Доклад на международной научно-практической конференции «Экономика Республики Беларусь в интеграционных процессах: тенденции, проблемы и перспективы», 19-20 апреля 2012. С. 9. Текст опубликован на сайте Института экономики НАН Беларуси, 2015.

[130] Основные показатели внешней торговли // Сайт НСКРБ, 2015.

[131] Внешняя торговля Республики Беларусь, 2013. С. 85.

[132] *Борисов С. М.* Платежный баланс Беларуси // Деньги и кредит. 2010. № 8, 2010. С. 13.

[133] Республика Беларусь. Доклад по стране № 14/226, июль 2014. Вашингтон: Международный валютный фонд, 2014. С. 8.

[134] Экспорт товаров Республики Беларусь по странам СНГ // Сайт НСКРБ, 2015.

[135] Внешняя торговля Республики Беларусь, 2013. С. 24-25; Внешняя торговля Республики Беларусь, 2011. Статистический сборник. Минск: НСКРБ, 2012. С. 76-77.

[136] Обзор российского рынка сельхозтехники: тракторы сельскохозяйственного назначения // Agro2B. 2014. 2 ноября; В 2014 году рынок тракторов России снизился на 3,8% // Ореанда-Новости. 2015. 5 марта.

[137] См. подробнее: *Шимов В. Н.* Развитие экономики Беларуси: состояние, проблемы, абрис перспективной трансформации // Белорусский экономический журнал. 2014. № 2. С. 6-8, 10.

[138] *Коробкина З. В.* Наука, которую мы можем потерять: размышления о судьбах ученых в современной России. М.: Логос, 2003. С. 9, 15.

[139] Сверхбольших интегральных схем.

[140] В ЕЭК сформирован проект перечня совместных перспективных научно-исследовательских работ в сфере АПК // Сайт ЕЭК, 17 октября 2014.

[141] Оценка экономических эффектов отмены нетарифных барьеров в ЕАЭС. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2015. С. 59.

[142] *Ходасевич А.* Кризис в РФ ударил по белорусскому производству // Независимая Газета. 2014. 8 декабря.

[143] Бюллетень банковской статистики. № 12(186), 2014. С. 50.

[144] Республика Беларусь. Доклад по стране № 14/226, июль 2014. С. 5; Бюллетень банковской статистики. № 12(186), 2014. С. 139; Бюллетень банковской статистики. № 12(162), 2012. С. 130.

[145] Республика Беларусь. Доклад по стране № 14/226, июль 2014. С. 8.

[146] *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 347.

[147] Интеграционный барометр ЕАБР, 2014. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2014. С. 98.

[148] Валовой внутренний продукт методом производства за 2014 год. Экспресс-информация № Э-41-2/76 от 17 февраля 2015 года // Сайт Комитета по Статистике Министерства Национальной Экономики Республики Казахстан (КС МНЭРК), 2015; Динамика основных социально экономических показателей // Сайт КС МНЭРК, 2015.

[149] Статистический бюллетень Национальный Банк Республики Казахстан (НБРК). № 12(240), декабрь 2014. С. 43.

[150] Казахстан в 2013 году. Статистический ежегодник. Астана: КС МНЭРК, 2014. С. 305-306.

[151] *Кувалин Д. Б., Лавриненко П. А., Ташенов А. С., Херсонский А. А., Потапенко В. В.* Развитие машиностроения в государствах — участниках ЕАБР. Алматы: ЕАБР, 2012. С. 20-21.

[152] Внешняя торговля Республики Казахстан, 2009 — 2013. Астана: КС МНЭРК, 2014. С. 17, 21, 26.

[153] Казахстан близкого будущего. Эссе / Под ред. Д. Н. Верхотурова. Алматы: Экспертный центр национальной стратегии, 2008. С. 177-178, 190-193.

[154] Внешняя торговля Республики Казахстан. С. 10, 12.

[155] *Чернышев С.* Романтики с большой дороги // Эксперт. 2012. 27 февраля.

[156] Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. Санкт-Петербург: ЕАБР, 2012. С. 36.

[157] Замминистра энергетики РК У. Караблин заявил «У нас сейчас имеется около 200 месторождений, и они на разной стадии своего развития. Конечно, это во многом зависит от того, какое месторождение. Разные затраты. Но в среднем можно говорить о том, что мы по традиционным нашим месторождениям имеем порядка 50 долларов себестоимость (добычи)». (Стала известна средняя себестоимость добычи нефти в Казахстане // Тенгри-ньюз, 22 октября 2014).

[158] *Досаев Е.* Себестоимость «старой» казахстанской нефти слишком высока, а новой нет. Что дальше? // Информационно аналитический портал «365Инфо», 3 марта 2015; *Лабыкин А.* России не страшны и 30 долларов за баррель // Эксперт. 2015. 28 января.

[159] Дорогой подарок к юбилею // Нефть и капитал, № 11, 2008.

[160] См. *Джолдасбаева Г. У.* Проблемы повышения конкурентоспособности нефтегазового комплекса Казахстана на мировых рынках // Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью. Сборник материалов VIII Международного конгресса. Новосибирск: Сибирская Государственная Геодезическая Академия, 2012. С. 240.

[161] *Червинский О.* Шейхи наказали Астану // Рател.кз. 2015. 26 марта.

[162] Председатель правления НК «КазМунайГаз» С. Мынбаев: «Касательно рентабельности Кашаган — действительно непростой проект, капиталоемкий. Предел его окупаемости достаточно высокий. Насколько я понимаю, это может быть в районе ста долларов за баррель» (Кашаган окупится при цене 100 долларов за баррель нефти — КМГ // Тенгриньюз. 2015. 9 февраля).

[163] Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 11 ноября 2014 г. // Сайт Президента РК, 2015.

[164] Доклад председателя Национального Банка Республики Казахстан Кайрата Келимбетова перед Сенатом РК, 6 ноября 2014 года. Текст доклада любезно передан автору представителем НБРК.

[165] Впрочем, казахстанские авторы при анализе национальных транспортных потоков выделяют до шести транспортных коридоров: *Балгабеков Т.К., Куанышбаев Ж.М., Айдикенова Н.К., Касымжанова А.Д., Катиев Т.С.* К вопросу об увеличении провозной и пропускной способности линий за счет развития международных транспортных коридоров // Наука и мир. 2014. № 3(7). Т. 1. С. 130.

[166] Отчет о научно-исследовательской работе «Транспортная политика единого экономического пространства на период до 2020 года: время действий». М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2012. С. 116. (Электронный архив Евразийской экономической комиссии, 2015).

[167] «Оценка стоимости перевозок одного 40-футового контейнера на одну морскую милю (1852 метра) различными видами транспорта: автомобилем — $2,5, железной дорогой — около $1, океанскими контейнеровозами $0,2-0,3». (*Збарщенко В.* Транзитный потенциал Российской Федерации: состояние и перспективы // Морские порты. 2013. № 10).

[168] Анализ тенденций мировой торговли и внешней торговли Казахстана. Астана: Казнекс-Инвест — Министерство по развитию и инвестициям Республики Казахстан, 2014. С. 13-14, 119; Doing Business 2015. Economy Profile 2015: Russian Federation. Washington D. C.: The World Bank, 2015. P. 14; Doing Business 2015. Economy Profile 2015: Kazakhstan. Washington D. C.: The World Bank, 2015. P. 14.

[169] Обзор цементной отрасли в государствах-членах Таможенного союза и Единого экономического пространства. М.: ЕЭК, 2012. С. 9-11.

[170] Послание от 11 ноября 2014…

[171] *Дубовицких Ю.* Куда пойдут $14 млрд китайских инвестиций в Казахстан // Форбс (Казахстан), 19 февраля 2015.

[172] Статистический бюллетень НБРК. № 12(240), декабрь 2014. С. 5-6, 15-16.

[173] Об инфляции в Республике Казахстан. Экспресс-справка № 41-4/8 от 9 января 2015 года // Сайт КС МНЭРК, 2015. Данные об инфляции приводятся по отношении к декабрю предыдущего года.

[174] Доклад председателя Национального Банка Республики Казахстан Кайрата Келимбетова…

[175] Транспортная политика единого экономического пространства на период до 2020 года С. 116.

[176] Китай построит железную дорогу из Пекина в Москву стоимостью $242 млрд // РИА Новости. 2015. 22 января.

[177] *Гайфутдинова В.* Какие казахстанские товары могут завоевать рынок ЕАЭС // Форбс (Казахстан). 2015. 19 января.

[178] Информация о сделке представлена на сайте компании «Kazyna Capital Management», осуществляющей управление фондом, 2015.

[179] *Додонов В. Ю.* Предварительные макроэкономические итоги участия Казахстана в Таможенном союзе. С. 61-62.

[180] Оценка экономических эффектов отмены нетарифных барьеров в ЕАЭС. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2015. С. 59.

[181] *Манукян С. А., Арутюнян Г. А., Сафарян А. В.* Отношение армянского общества к евразийской и европейской интеграции. Социологическое исследование 5-11 октября, 2013г. Ереван: Исследовательско-аналитическая общественная организация «Интеграция и развитие», 2014. С. 6, 21. По данным ЕАБР, уровень поддержки ТС на 2013 год составлял 67% населения, 5% идентифицировали себя как противников проекта. (Интеграционный барометр ЕАБР, 2014. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2014. С. 98).

[182] Statistical Yearbook of Armenia, 2014. Yerevan: National Statistical Service of Republic Armenia (NSSRA), 2015. P. 221. Statistical Yearbook of Armenia, 2008. Yerevan: NSSRA, 2009. P. 210. Данные 2014 года: предварительные данные НССРА на начало 2015, опубликованные на веб-сайте организации.

[183] Армянская экономика завершила 2013 год с ростом ВВП в 3,5% и инфляцией в 5,6% // ИА АРКА. 2014. 7 февраля.

[184] Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2014 года. Ереван: Национальная статистическая служба Армении (НССА), 2015. С. 110. За предыдущие годы данные: Внешнеторговый оборот Армении // Сайт Национальной Статистической Службы Республики Армения, 2015. Данные о кредитовании: Monetary and Financial Statistics // Central Bank of Armenia, 2015.

[185] Statistical Yearbook of Armenia, 2013. Yerevan: NSSRA, 2014. P. 503.

[186] Сусанна Петросян, Ушедший год не решил экономических проблем Армении // Вестник Кавказа. 2013. 4 января.

[187] Антикоррупционные реформы в Армении. Третий раунд мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией. Париж: Организация экономического сотрудничества и развития, 2014. С. 37.

[188] Food security and poverty in Armenia. January-December 2014. Yerevan: NSSRA, 2015.

[189] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств России. Москва: Росстат, 2014. С. 18. Потребительские расходы домашних хозяйств // Национальный статистический комитет республики Беларусь, 2014.

[190] Здесь и далее статистика Азербайджана приводится по источнику: Budget of households // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, 2014.

[191] Опубликовано: Потребление продуктов питания // Росстат, 2013. Наличие у населения предметов длительного пользования // Росстат, 2014. Основные показатели жилищных условий населения // Росстат, 2014. Все данные за 2012 год.

[192] Livestock and Fish Primary Equivalent // FAOStat, 2014. Наиболее поздние данные за 2011 год, азербайджанское потребление, по этому источнику, — 2952 ккал при 17% животных продуктов.

[193] Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2014 года. С. 77. Данные за 2014 год актуальны на III квартал.

[194] External Sector Statistics // Central Bank of Armenia, 2015.

[195] НСС: Отрицательное миграционное сальдо Армении составило 85869 человек // Новости Армении — News.am. 2014. 11 августа; Статистика: выросла миграция из Армении // Новости Армении — News.am. 2013. 1 ноября.

[196] *Манукян С.* Влияние трудовой миграции из Армении в Россию на экономику и социально-политическую ситуацию в Армении // Сайт «Союзинфо», 2014.

[197] Полиция Армении оценила число участников акции протеста в Ереване в шесть тысяч человек // ИА Интерфакс-Азербайджан. 2014. 18 января; Армения: жертвы пенсионной реформы // Кавказская политика. 2014. 7 марта.

[198] Армения и Таможенный союз: оценка экономического эффекта интеграции. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2013. С. 27-28.

[199] *Ионова Е.* Новый этап евразийской интеграции // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 4. С. 16. Подробнее о временных прави-

лах см.: Решение Евразийской Экономической Комиссии № 113 от 10 декабря 2014.

[200] *Восканян М., Туманян Р.* Перспективы вступления Армении в Таможенный Союз: за и против // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 2(23), май. С. 31, 35.

[201] Интервью, март 2015.

[202] Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2014 года. Ереван: НССА, 2015. С. 114.

[203] Армения имеет все шансы претендовать на значительную долю сельхозрынка ЕАЭС — Волынкин // ИА АРКА. 2015. 6 февраля.

[204] «Гранд Холдинг»: рост по всем направлениям // Еркрамас. 2015. 20 февраля.

[205] Восстановление железных дорог на Южном Кавказе: оценка потенциального экономического эффекта. Железная дорога Сочи-Сухум/и-Тбилиси-Ереван. London: International Alert, 2013. С. 34-36.

[206] Пресс-релиз ОАО «Арагац Перлит» // Деловой Экспресс. 2014. 24 января.

[207] Подробнее о существующих в этой сфере возможностях см.: *Егиазарян А.* Минеральные ресурсы Армении в контексте армяно-российского экономического сотрудничества // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 1. С. 35-39.

[208] Восстановление железных дорог на Южном Кавказе. С. 4. Источник автора сообщил, что данная оценка близка к итогам расчетов экспертов РЖД. (Интервью, декабрь 2013 года).

[209] Восстановление железных дорог на Южном Кавказе. С. 18.

[210] Lessons from Kyrgyzstan's WTO Experience for Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan. Background note. SPECA/PWG-Trade/2007/EN/6. Berlin: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 2007. P. 10.

[211] Интеграционный барометр ЕАБР, 2014. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2014. С. 98

[212] Public Opinion Survey Residents of Kyrgyzstan February 10 — March 5, 2015. Washington D.C.: International Republican Institute, 2015. P. 33.

[213] Статистический ежегодник Кыргызской Республики, 2009 — 2013 / Под редакцией А. Осмоналиева. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2014. С. 12; IMF, 2015; По итогам 2014 года рост ВВП в Кыргызстане составил 3,6 процента // 24.кг. 2015. 15 января.

[214] Включены все виды услуг, включая образование и здравоохранение, исключая коммунальные услуги и связь.

[215] Статистический ежегодник Кыргызской Республики, 2009-2013. С. 187; По итогам 2014 года рост ВВП в Кыргызстане составил 3,6 процента…

[216] *Караталов О.* Коррупция и «теневая» экономика в Кыргызстане // Материалы International Conference on Eurasian Economies, Алматы (Казахстан), 11-13 октября 2012. С. 486.

[217] *Саякбаев Т., Мокроусова Е.* Неформальная занятость в Кыргызстане. Отчет. Бишкек: Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики, 2014. С. 45-47; *Хасанов Р.* Исследование теневой экономики в Киргизской республике (презентация доклада) // Сайт Министерства экономики Кыргызстана, 2012. С. 5.

[218] *Кожобаева З., Абдымомунов С., Эгизбаев У.* Сокращаются показатели реэкспорта // Азаттык. 2014. 7 апреля.

[219] Перспективы рынка «Дордой»: взгляд изнутри // Фонд «Евразийцы — Новая волна», 2014. Социологический опрос был проведен сотрудниками фонда 11 марта 2014 года, было опрошено 96 человек, являющихся наемными продавцами или владельцами торговых точек на рынке «Дордой».

[220] Бюллетень Национального Банка Кыргызской Республики, №12, (227), 2014. Бишкек: Национальный Банк Кыргызской Республики, 2014. С. 84-86.

[221] Внешняя торговля Кыргызской Республики, 2009-2013: статистический сборник. Бишкек: НСККР, 2014. С. 26; Бюллетень Национального Банка Кыргызской Республики, №12, (227), 2014. С. 8, 84-86. Величина кредитования здесь равна абсолютной массе кредитов, выданной за отчетный период.

[222] Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны. Санкт-Петербург: ЕАБР, 2013. С. 9.

[223] Статистический ежегодник Кыргызской Республики, 2009-2013. С. 217-218, 241. Внешняя торговля Кыргызской Республики, 2009 — 2013. С. 18.

[224] Рамочная программа сотрудничества с ФАО в Кыргызской Республике, 2015-2017. Нью-Йорк: Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций, 2014. С. 7; *Карабаев Н.* Пер-

спективы участия Кыргызской Республике в продовольственном рынке Евразийского экономического союза // Доклад на конференции «Евразийская интеграция: курс на развитие» (КСРУ, Бишкек), 6 марта 2015 года. С. 2. Рукопись доклада любезно предоставлена автором.

[225] Деградация пастбищных земель в Кыргызстане составляет до 70 % // K-News. 2015. 19 февраля. Подробнее о причинах деградации почв в республике см., например: Интеграция экологического подхода в практику ведения сельского и лесного хозяйства: Прогресс и перспективы в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Том 2: Кыргызская республика, страноведческий обзор. Без места: Всемирный Банк, 2007. С. 13-15.

[226] Серия интервью автора с региональными экспертами, март 2015 года.

[227] Статистический ежегодник Кыргызской Республики, 2009 — 2013. С. 86-87.

[228] Выступление заместителя министра сельского хозяйства и мелиорации Кыргызской Республики Чодуева Эркинбека Урайымовича // Сайт FAO, 2015.

[229] См. *Демиденко М. В.* Риски государственных финансов государств-участников СНГ в свете текущей мировой нестабильности // Интеграционные исследования. 2012. №4(17), ноябрь. С. 65. Тем не менее среди экспертов КР существует мнение, что налоговая нагрузка в республике не сбалансирована.

[230] *Бейшеналы Н., Левинт Х., Ульген Ф., Шамшиев Ч.* Экономические последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана: анализ воздействия. Бишкек: Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, 2014. С. 15-16.

[231] Казахстан и Кыргызстан планируют совместно развивать мясное производство // Today.kz. 2014. 10 октября.

[232] Материалы серии интервью с экспертами, март 2015 года.

[233] *Карабаев Н.* Перспективы участия Кыргызской Республике в продовольственном рынке Евразийского экономического союза. С. 3.

[234] *Домашев К.* МСБ: курс на развитие швейной промышленности и туризма // Доклад на конференции «Евразийская интеграция: курс на развитие» (КСРУ, Бишкек), 6 марта 2015 года. С. 1-2. Рукопись любезно предоставлена автором.

[235] *Жениш Н.* Экспорто ориентированное развитие МСБ в Кыргызстане: швейная промышленность. Бишкек: Университет Центральной Азии, 2014. С. 25-26.

[236] *Дыйканбаева Т.* Таможенный союз и Кыргызстан // Россия и новые государства Евразии. 2013. №4. С. 27.

[237] Интервью, март 2015.

[238] Проекты // Сайт Антикризисного фонда ЕврАзЭС, 2015.

[239] Сариев пояснил цель создание Кыргызско-Российского фонда развития // Вечерний Бишкек. 2014. 13 июня.

[240] *Бейшеналы Н., Левинт Х., Ульген Ф., Шамшиев Ч.* Экономические последствия вступления Кыргызстана в Таможенный Союз России, Беларуси и Казахстана. С. 68.

[241] Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2013. С. 59.

[242] Интеграционный барометр ЕАБР, 2014. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2014. С. 98.

[243] Макроэкономические показатели // Сайт Национального Банка Республики Таджикистан (НБРТ), 2015; Номинальный и реальный ВВП, 2005 — 2013 // Сайт Агентства по Статистике при Президенте Республики Таджикистан (АСПРТ); IMF, 2015.

[244] Номинальный ВВП по отраслям происхождения, 2005-2013 // Сайт АСПРТ, 2015.

[245] Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2013. С. 30-31.

[246] Занятость в разбивке по секторам экономики, 1985-2013 // Сайт АСПРТ, 2015; Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП. С. 33.

[247] *Валмад-Заде Т.* Энергетика Таджикистана: настоящее и ближайшее будущее // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1(55). С. 104-105; Обзор энергетического сектора республики Таджикистан // Сайт МИД Республики Таджикистан, 2015.

[248] Таджикистан существенно сократил импорт глинозема // Азия-плюс. 2015. 27 марта.

[249] Final Reports Related to the Proposed Rogun HPP // The World Bank web-site, September 1, 2014.

[250] Investment climate in Tajikistan // Ministry of the Foreign Affairs of Tajikistan web-site, 2015.

[251] *Кузьменко В., Кошеляева Ю.* Китай придет за золотом // Русская планета. 2014. 7 ноября.

[252] Банковский статистический бюллетень. № 12 (233), 2014. Душанбе: Национальный Банк Таджикистана, 2014. С. 44; Экспорт товаров, 1993-2013 // Сайт АСПРТ, 2015; Импорт товаров 1993-2013 // Там же; Внешняя торговля Таджикистана в 2014 году // Время Востока. 2015. 14 января.

[253] Таджикистан в цифрах, 2013. Душанбе: АСПРТ, 2014. С. 129, 132. Ср. China Statistical Yearbook, 2013. Beijin: National Bureau of Statistics of China, 2014. Table 6-7.

[254] Подробнее см. Таможенный союз и соседние страны: модели и инструменты взаимовыгодного партнерства. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2013. С. 51-54.

[255] Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП. С. 79-80.

[256] Там же, с. 85-86.

[257] Израиль заинтересован в зоне свободной торговли с ЕАЭС // РИА «Новости». 2015. 26 января; Нарышкин: около 40 государств намерены создать зону свободной торговли с ЕАЭС // Интерфакс. 2014. 24 ноября.

[258] Кроме двусторонних соглашений, торговлю могут ограничивать некоторые подзаконные акты. В случае РФ это, например, приказ ФТС России от 2 июля 2009 № 1222 и иные акты, разъясняющие практику применения Соглашения с Сербией после формирования Таможенного Союза. Однако проблема юридических особенностей российско-сербской торговли еще является «серой зоной» и явно ждет своего исследователя.

[259] Сотрудничество с третьими странами // Сайт ЕЭК, 21 августа 2014.

[260] ЕАЭС первым создаст зону свободной торговли с Вьетнамом — посол России // Ведомости. 2015. 25 марта.

[261] Первое заседание межправительственного совета ЕАЭС пройдет в Москве // РИА «Новости», 6 февраля 2015.

[262] По умолчанию, данные IMF, 2015.

[263] Для не общепризнанных государств Южного Кавказа ВВП рассчитан автором (2012): *Мендкович Н. А.* Проблемы экономик Южного Кавказа в посткризисный период (2009 — 2013 гг.) // Ежегодник Инсти-

тута Международных Исследований, выпуск 2(8), 2014. С. 34-35. Данные о населении (2011): В Абхазии обнародовали итоги переписи // Лента.ру, 29 декабря 2011.

[264] Впрочем, на текущий момент все три государства признаны Южной Осетией, что позволяет в перспективе открыть опосредованный доступ обеим государствам к рынкам ЕАЭС.

[265] Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество // Портал внешнеторговой информации (Минэкономразвития РФ), 2015.

[266] *Лузянин С.Г., Чжао Х. и др.* Российско-китайский диалог: модель 2015. М.: Спецкнига — Российский совет по международным делам (РСМД), 2015. С. 14, 17.

[267] И. Каримов: Узбекистан не присоединится к ЕАЭС // Росбалт, 13 января 2015; Путин: ЕАЭС и Узбекистан проведут консультации по созданию ЗСТ // РИА «Новости». 2014. 10 декабря.

[268] Узбекистан: информация о стране // ПВИ, 2015. Данные о товарной номенклатуре: Trade-map Database // International Trade Center web-site, 2015. ITC — международная организация, действующая при поддержке ВТО и ООН.

[269] Сводная статистика по ЕАЭС за период до его образования недоступна.

[270] Здесь и далее данные о торговом обороте стран «евразийского проекта» с дальним зарубежьем приводятся по: Внешняя торговля с третьими странами (2013) // Сайт ЕЭК, 2015.

[271] Доля услуг в ВВП Узбекистана достигла 54% // UZDaily. 2015. 17 января. Данные оглашены И. Каримовым на заседании республиканского кабинета министров.

[272] *Каримов М. М.* Прямые иностранные инвестиции как фактор повышения конкурентоспособности экономики Узбекистана // Современная экономика: проблемы, тенденции перспективы, № 8(1), 2013. С. 27; Объем иностранных инвестиций в Узбекистане увеличат до 3,5 млрд // РИА «Новости». 2015. 17 января.

[273] Альманах Узбекистан, 2013. Ташкент: Центр Экономических Исследований, 2013. С. 115-116.

[274] Viet Nam Trade profile // World Trade Organization web-site, 2015. Данные 2013 года. Точность статистики внешней торговли — под вопросом. Возможно, она искажена значительным присутствием реэкспорта.

[275] *Изотов Д. А.* Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6. С. 109, 114.

[276] *Мазырин В. М., Кобелев Е. В.* Россия—Вьетнам: 20 предложений по повышению эффективности всеобъемлющего стратегического партнерства. М.: Спецкнига — РСМД, 2015. С. 17.

[277] Там же, с. 19.

[278] Egypt trade profile // WTO, 2015.

[279] Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Арабской республикой Египет // Портал внешнеторговой информации (Минэкономразвития РФ), 2015.

[280] Iran Trade Profile // WTO, 2015. Данные национальной статистики Ирана по объемам и структуре внешней торговли товарами и услугами за 2013 г. в сравнении с 2012 г. // Портал внешнеторговой информации (ПВИ), 2015.

[281] Торговые отношения России и Ирана в 2013 году // ПВИ, 2015.

[282] Иран отказался использовать доллар во внешней торговле // РИА «Новости». 2015. 24 января.

[283] *Кузнецов С.* Иранско-российская торговля готова к взлету // F-Times. 2015. 26 января.

[284] Обзор торгово-экономических отношений Индии и России за 2014 // ПВИ, 2015.

[285] Интервью с индийским дипломатом, декабрь 2014 года.

[286] Торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации с Турецкой Республикой // ПВИ, 2015.

[287] *Ульченко Н.* Россия+Турция=ЗСТ? // РСМД, 9 апреля 2015. На текущий момент консультации идут в формате Россия-Турция, однако вероятно, итоговый проект соглашения будет рассматриваться уже ЕЭК.

[288] *Мендкович Н. А.* Проблемы экономик Южного Кавказа в посткризисный период. С. 36.

[289] Исследование современной экспансии ЕС на постсоветском пространстве см. *: Винокуров Е.Ю, Кулик С. А., Спартак А. Н., Чернышев С. В., Юргенс И. Ю.* Конфликт двух интеграций. М.: Экон-Информ, 2015. С. 11-76.

[290] *Hunya G.* FDI in Small Countries: the Baltic States // European Investment Bank Papers. 2004. Volume 9, Number 2. P. 97-98, 100-101.

[291] *Grigas A., Kasekamp A., Maslauskaite K., Zorgenfreija L.* The Baltic States in EU: Yesterday, Today and Tomorrow. Paris: Notre Europe, 2013. P. 37-38.

[292] *Григорьев Л., Агибалов С.* Страны Балтии в поисках выхода из кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 4. С. 127, 129.

[293] Там же, с. 128.

[294] *Kattel R., Raudla R.* The Baltic Republics and the Crisis of 2008—2011 // Europe-Asia Studies. 2013. Volume 65, №3. P. 431. Статистика ВВП в долларовом выражении взята: IMF, 2015.

[295] Данные о внешней торговле в 2013 году: WTO, 2015. Статистика ВВП: IMF, 2015. Данные о внешней торговле 2006 года: *Misztal P.* International Competitiveness of the Baltic States in the Transformation Period: Lithuania, Latvia, Estonia // Transformation in business and Economics. 2009. V. 8, № 3. P. 28.

[296] См. также заявления руководителя службы экономического анализа министерства экономики Эстонии М. Кистинг: «В прошлом году экспорт из Эстонии в Россию составил 1,4 миллиарда евро, из которых 1,1 миллиарда — реэкспорт». (Министерство: львиную долю экспорта в Россию составляет реэкспорт // Delfi, 6 октября 2014).

[297] *Soares J. M. (Mr)* The Birth of Laboratory // The Official Homepage of United States Army. 2012. June 26. Материал был удален в 2013 году со всех американских ресурсов, однако его электронная копия («кэш») присутствует в архиве поисковой системы «Google» (на апрель 2015 года), а также в архиве автора.

[298] *Ткебучава М.* Грузинские опыты // Сегодня. 2013. 12 мая.

[299] *Белова О.* О сотрудничестве режима Саакашвили с террористами Северного Кавказа // Кавказовед, 6 июля 2014; *Сайдаев И.* Убрать свидетеля. Грозный: ГФ Кавказ. Новые горизонты, 2013. С. 48-51.

[300] External Trade // National Statics Office of Georgia web-site, 2015; Gross Domestic Product // Ibid; Statistical Data // National Bank of Georgia web-site, 2015; Bulletin of Monetary and Banking Statistics, № 190, January-December 2014. P. 40-43.

[301] О классических примерах голландской болезни см. *Ebrahimzade C.* Dutch Disease: Too much wealth managed unwisely // Finance and Development: A quarterly magazine of the IMF 2003. Volume 40, Number 1; *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. С. 82-126.

[302] Подробнее см. *Мендкович Н. А.* Кредитно-денежная политика Грузии 2003 — 2012 гг. и развитие «голландской болезни». М.: Кавказское сотрудничество, 2013.

[303] *Когуашвили П.* Еще раз о сельскохозяйственной политике Грузии // Сельское хозяйство Грузии: приоритет или обуза для государства? (Материалы семинара). Тбилиси: Кавказское сотрудничество, 2011. С. 22-23; *Мендкович Н. А.* Цена реформ, или Почему у Грузии не получилось? М.: Российский институт стратегических исследований, 2012. С. 48-49.

[304] External Trade // National Statics Office of Georgia web-site, 2015.

[305] Moldova profile // WTO, 2015.

[306] *Prohniţchi V., Popa A., Oprunenco A., Matthias L., Tekce M., Hristev E., Mincu G., Vasilescu V.* A Free Trade Area between the Republic of Moldova and the European Union: Feasibility, Perspectives and Potential Impact. Chisinau: Expert-Grup, 2009. P. 29-30.

[307] *Винокуров Е. Ю. и др.* Конфликт двух интеграций. С. 160.

[308] *Харитонова Н.И.* Возможные последствия подписания Соглашения об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом // Государственное управление: электронный вестник. 2014. Выпуск 43, апрель. С. 43-46.

[309] Внешняя торговля // Сайт Национального Бюро Статистики Республики Молдова, 2015. Данные без учета Приднестровья.

[310] ЕС отказался от 95% украинского мяса // Вести Кавказа. 2014. 19 октября; 70% украинского молока не соответствует требованиям ЕС — Козаченко // Экспертно-аналитический центр агробизнеса. 2013. 8 ноября; Треть украинских молочных заводов уже соответствует нормам ЕС // УНИАН, 29 июля 2014.

[311] *Сидоренко А.* Перспективное аграрное законодательство и реформирование аграрного сектора экономики Украины // АПК-Информ. 2015. 16 апреля.

[312] Украина обещает 80 грузовых «Русланов», которые могут оказаться ненужными // РБК. 2013. 19 декабря.

[313] EU expects Association Agreement with Azerbaijan for November EaP summit // ABC.az. 2013. April 4; Azerbaijan won't sign EU association agreement: official // Chanel 1(Georgia). 2013. November 26.

[314] Беседа автора с Б. Кушнером состоялась зимой 2011 года.

[315] Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. Редактор В. В. Полещук. М.: Фонд исторической Перспективы — «Русская панорама», 2009.

[316] Case of Korobov and others vs Estonia. Application No 10195/08. Strasburg, 22 March 2013.

[317] Подробный анализ о системе государственного рэкета при Саакашвили с приведением источников см.: *Мендкович Н. А.* Цена реформ. С. 75-77.

[318] МВД нашло у себя террористов // Эхо Кавказа. 2013. 22 октября; Экс-чиновнику МВД Грузии Шаматава предъявлено еще одно обвинение в убийстве // Новости-Грузия, 10 июня 2014; *Волошин В.* Саакашвили создал «эскадрон смерти»? // Комсомольская правда. 2014. 16 июня.

[319] «Пытки проходили ради забавы» // Взгляд. 2012. 21 сентября. О фактах смерти пытаемых: Новые факты о пытках // Эхо Кавказа. 2014. 8 января.

[320] «В Евросоюзе у Саакашвили есть лоббисты. Он подкупает лоббистов. Здесь очень трудно найти человека, чтобы заинтересовать. Вся эта система как будто ничего не видит. Когда мы в каких-то кабинетах о реакции спрашиваем — как будто не видели: «А что вы хотите, у вас демократ президент, ничего не видим, ничего не слышим» (Пытки проходили ради забавы…).

[321] В Украине арестованы 668 человек причастных к терроризму и сепаратизму // Независимое бюро новостей (Украина), 22 ноября 2014.

[322] Массовые нарушения прав человека в ходе гражданского противостояния на Украине, 2013—2014 гг.: Годовой отчет IGCP / Под редакцией А.Р. Дюкова. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. С. 73-76.

[323] Начальник одесской милиции: говорить о федерализации с трибуны — уже преступление // Таймер (Одесса). 2014. 15 мая.

[324] Он упомянул, в частности, о подобной деятельности властей Днепропетровской области: «Многие методы, которые они использовали, не всегда были законны. Это правда. Часто они действовали по принципу "глаз за глаз", "зуб за зуб". Говорят, что в Днепропетровске не было штурмов ОГА в отличии от Донецка, Луганска и Харькова потому, что ряд российских агентов, намеченных ГРУ на роль днепропетровских Губаревых, Болотовых и Безлеров, сразу после назначения Коломойского были вывезены на прогулку в лес, где с ними была проведена разъяснительная работа на предмет того, как надо любить Украину. И угрозу сепаратизма в Приднепровье как рукой сняло» (Сообщение на сетевой странице А. Геращенко на ресурсе «Фейсбук» от 25 марта 2015). В цитате сохранена орфография и пунктуация оригинала.

[325] См. данные исследования Киевского международного института социологии: Мнения и взгляды населения Юго-востока Украины: Апрель 2014 года // Зеркало Недели. 2014. 18 апреля.

[326] Интервью автора со свидетелем, осень 2014.

[327] *Розенвалдс Ю.* Проблема (де)герметизации политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3(9). С. 156, 158.

[328] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Перевод с английского Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. С. 254-258. Подробный статистический анализ политических различий между украинскими регионами: см., например, *Стегний А.* Региональный фактор развития политической культуры населения Украины // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 3. С. 94-122.

[329] *Никольский А.* Двигатели контрреволюции // Ведомости, 11 апреля 2014; Россия откажется от украинских вертолетных двигателей к 2017 году // Лента.ру. 2015. 18 февраля.

[330] Достаточно объективное обзорное исследование «цветных революций» на постсоветском пространстве см.: Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах / Под общей редакцией С.Н. Гриняева. М.: АНО ЦСОиП, 2015.

[331] *Гаврилов Ю., Кузьмин В., Фалалеев М.* Сумма сил // Российская газета. 2009. 5 февраля.

[332] А. Лукашенко заявил в 2011 году: «Речь идет не только о применении КСОР на случай вмешательства других государств извне, но и о вмешательстве других государств изнутри ОДКБ. Это будет значительная поддержка странам, входящим в ОДКБ. Потому что войной, фронтом никто на нас не пойдет, а вот конституционный переворот совершить — руки чешутся у многих. …Не то, что там рабочие и крестьяне вышли на площадь. Речь идет о вмешательстве извне». (Лукашенко переговоров не ведет // Интерфакс. 2011. 9 сентября).

[333] *Черных Е.* Из-за Крыма мир стоял на грани ядерной войны // Комсомольская правда. 2014. 10 ноября. Информацию о «войне нервов» автору подтвердил информированный источник на условиях анонимности.

[334] В ОДКБ рассказали о мониторинге и урегулировании конфликта на границе // Вечерний Бишкек. 2014. 16 января.

[335] Taliban send troops to Chechnya // Dawn. 2000. February 1.

[336] *Мендкович Н. А.* Безопасность в Афганистане: итоги 2014 года // Афганистан.ру, 31 декабря 2014; Report of the Secretary-General to the Security Council A/69/801—S/2015/151, 27 February 2015. P. 4; Report of the Secretary-General to the Security Council A/68/789—S/2014/163, 7 March 2014. P. 4.

[337] *Аннаев Д.* Талибы испытывают границу с Туркменистаном на прочность // CA-Online, 2 июня 2014; Боевики «Талибана» расправились с 3 туркменскими пограничниками // Афганистан.ру. 2014. 27 февраля; На пограничные пункты Туркменистана совершено нападение // Альтернативные новости Туркменистана. 2014. 9 сентября.

[338] *Журавлев В.* Афганские талибы готовятся к вторжению в Туркменистан // ИА «Центральная Азия». 2014. 8 апреля; *Аликперов Р.* Ситуация на туркмено-афганской границе в штатном режиме // Гундогар-ньюз. 2015. 2 апреля. Факт мобилизации туркменских резервистов подтверждали источники автора в Ашхабаде на условиях анонимности (Интервью, лето 2014).

[339] *Фасхутдинов Т.* Таджикско-афганская граница, к чему готовится Душанбе // Deutsche Welle, 2 февраля 2015; Захваченных в плен таджикских пограничников переправили вглубь Афганистана // Радио Озоди, 11 марта 2015.

[340] История формирования организации подробно рассматривается в *Naumkin V. V.* Militant Islam in Central Asia: The Case of the Islamic Movement of Uzbekistan. Berkley: University of California, 2003; *Naumkin V. V.* Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005.

[341] *Аскаров А.* ИДУ. История трансформаций // Вестник Востока. 2009. 26 февраля.

[342] См. Более подробные исследования об этой группировке: *Wigen E.* Islamic Jihad Union: al-Qaida's Key to the Turkic World? Oslo: Norwegian Defence Research Establishment (FFI), 2009; *Джани Ф.* Что такое Союз «Исламский Джихад»: выдумка спецслужб, или «дочка» Аль-Каиды? // Фергана. 2009. 28 сентября.

[343] *Ниязова М.* Готовы ли мы противостоять угрозам извне? // 24.кг. 2015. 16 февраля.

[344] Террористы признались в намерении взорвать Душанбе // Лента.ру, 25 сентября 2013; «Исламская партия Туркестана» была заказчиком теракта в Москве // РИА «Новости», 6 июня 2013.

[345] По данным о членах разгромленной сейчас организации «Джунд аль-Халифат». (Как становятся «торпедами» // Ак-Жайык, 27 сентября 2012.)

[346] *Алексеев А.* «Таблиги Джамаат»: невидимый легион джихада // Отечественные Записки. 2003. № 5(14).

[347] Здесь и далее по умолчанию информация получена в ходе серии интервью 2013 — 2015 гг. с информированными источниками в регионе, преимущественно бывшими сотрудниками спецслужб и участниками радикальных кружков.

[348] *Khan A.* 2,673 Foreign Students Studying in Pakistani Seminaries: Interior Ministry // The Express Tribune, September 8, 2012; Govt to Demolish Unregistered Madrassas // The Express Tribune. 2011. December 20.

[349] Об этническом составе отрядов ИДТ можно судить по спискам погибших боевиков, опубликованным экстремистами: 1432 хижрий йил (мелодий 2011) даги шахидлари // Сайт ИДТ [Без даты, доступ 11/12/2011]; Islamic Movement of Uzbekistan Notification of Martyrdom Operation in the center of Panjsher, Afghanistan, 30th of May, 2013 // Там же. [Без даты, доступ 30/07/2013]. Ресурс недоступен в настоящий момент, тексты хранятся в архиве автора.

[350] Директор ФСБ: в рядах боевиков в Ираке воюют около 1700 россиян // Вести.ру, 20 февраля 2015.

[351] Из разговора автора с информированным источником, осень 2014 года.

[352] *Хамрабаева Н.* В 2011 году в Таджикистане задержано около 200 террористов и экстремистов // Азия-Плюс. 2012. 10 января; В 2012 году в РТ возбуждены уголовные дела в отношении 144 предполагаемых экстремистов // Авеста. 2013. 9 января.

[353] Президент Таджикистана потребовал усиления борьбы с экстремизмом // РИА «Новости». 2014. 10 ноября.

[354] Report of the Secretary-General to the Security Council. A/69/540—S/2014/656. September 9, 2014. P. 6; *Ali O.* The Empty Streets of Mohammad Agha: Logar's struggle against the Taleban // Afghan Analytical Network. 2014. December 15.

[355] Afghanistan Opium Survey. October, 2003. Kabul: United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), 2003. P. 6; World Drug Report 2007. V. I. New York-Geneva: UNODC, 2007. P. 40; *Сикоев Р. Р.* Талибы. Религиозно-политический портрет. М.: Институт Востоковедения РАН, 2004. С. 139.

[356] К концу 2000-х наркобизнес был источником примерно 40% доходов движения. (UNODC, World Drug Report 2011. Vienna: UNODC, 2011. P. 83; *Stanekzai M.M.* Thwarting Afghanistan's insurgency: A pragmatic approach toward peace and reconciliation. Washington, DC: United States Institute of Peace, 2008. P. 2).

[357] Afghanistan Opium Survey 2014. Cultivation and Production. Kabul: UNODC, 2015. P. 7, 12; Afghanistan Opium Survey 2012. Kabul: UNODC, 2013. P. 3. Оценка площади посевов производит на основе данных авиационной фотосъемки и социологических опросов среди афганских крестьян.

[358] Afghanistan Opium Survey 2010. December 2010. Kabul: UNODC, 2010. P. 58.

[359] Подробнее см. *Мендкович Н. А.* Наркоугроза // Аналитические записки: сборник статей. М.: Центр изучения современного Афганистана, 2008. С. 29-30.

[360] Итоги специальной антинаркотической операции «Канал-Южный капкан», 20-25 мая 2014 года // Сайт ОДКБ. 2014. 28 мая.

[361] *Мелихов М.* Антинаркотическая деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (Доклад на заседании комиссии ООН по контролю над наркотиками 9—10 марта 2015) // Сайт ОДКБ. 2015. 11 марта.

[362] Интервью с А. Зеличенко, апрель 2015.

[363] Российско-американская наркотическая деятельность привела к сокращению наркотрафика в Россию // Афганистан.ру. 2011. 20 апреля; ФСКН приняла участие в операции по ликвидации нарколабораторий в Афганистане // Афганистан.ру. 2010. 29 октября.

[364] *Серенко А.* Афганский наркотрафик не пустят в Россию мусульмане // Независимая Газета. 2011. 28 сентября.

[365] Опрошенные автором региональные эксперты относятся к ее итогам достаточно скептически. Однако жители Ашхабада и Туркменабата утверждают, что она, во всяком случае, позволила прекратить почти открытую розничную торговлю наркотиками в общественных местах. (Серия интервью автора 2014—2015 гг.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
1. Экономическая интеграция как глобальное явление 9
2. От разделения к интеграции 19
3. Россия 34
3.1. Стандарты жизни 50
4. «Российская мечта», иммиграция и национализм в России 63
5. Страны ЕАЭС и кандидаты в члены 74
5.1. Беларусь 74
5.2. Казахстан 89
5.3. Армения 103
5.4. Кыргызстан 118
5.5. Таджикистан 135
6. Зоны свободной торговли и потенциал расширения ЕАЭС . . . 145
7. Государства, не присоединившиеся к евразийскому проекту . . 162
7.1. Политический аспект «европейского проекта» 178
8. Сотрудничество в сфере безопасности 187
Заключение 204
Примечания 209

Историко-публицистическое издание

Никита Андреевич Мендкович

НА ПУТИ К ЕВРАЗИЙСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ЧУДУ.
Россия и интеграция на постсоветском пространстве

Редактор О.И. Иванова
Художник Е.В. Максименкова

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.07.15. Подписано в печать 22.07.15.
Формат 60x90 1/16
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15 Тираж 500 экз. Заказ №